

№ 4 (14) 2017

www.islamic-culture.ru

Исламская культура

Журнал для педагогов

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Маркус Сергей Владимирович,
главный редактор

Хайриддини Абдулло,
заместитель главного редактора,
руководитель отдела по духовному
воспитанию и духовной культуре
Общероссийского общественного
Движения «Таджикские трудовые
мигранты»

Рамазанов Магомед Багаудинович,
доктор педагогических наук,
профессор Дагестанского
государственного университета

Синельников Михаил Исаакович,
поэт, действительный член Российской
академии естественных наук
и Петровской академии, академик
Академии культуры и поэзии
(Чанаккале, Турция)

Зарипов Ислам Амирович,
кандидат исторических наук,
руководитель Департамента культуры,
науки и образования ДУМ РФ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Попов Вениамин Викторович,
дипломат ранга Чрезвычайный
и Полномочный Посол, кандидат
исторических наук, директор Центра
партнерства цивилизаций Института
международных исследований
МГИМО (У), Москва

Хачукаев Эдуард Магомедович,
заместитель директора Фонда
поддержки исламской культуры,
науки и образования, советник
Российской академии
естественных наук

Резван Ефим Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор международного
журнала Manuscripta Orientalia,
заместитель директора Музея
антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук, Петербург

Михайлов Юрий Анатольевич,
глава Научно-издательского центра
«Ладомир», Москва

Свидетельство о регистрации ПИ 9785-91447-159

Журнал «Исламская культура». Адрес: 129110, Россия, Москва, проспект Мира, д. 70. Тел.: 8 (499) 975-25-40.
Сайт — www.islamic-culture.ru. Страницы в соцсетях — Фейсбук, ВКонтакте «Исламская культура — журнал
для педагогов». E-mail: glavred@islamic-culture.ru

Издательский дом «Народное образование». 109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2. Тел.: (495) 345-59-00.
E-mail: kushmir@narodnoe.org

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия». 428019, г. Чебоксары, пр-т Яковлева, д. 15

Содержание

Вступительное слово главного редактора 4

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Михаил Пиотровский
Орнамент и Единобожие 6

Информагентство «Парстудей»
Шихабеддин Сухраварди — великий учитель
и философ древнего Востока 19

Хайриддини Абдулло
Мансур Халладж 23

ГОТОВИМСЯ К УРОКАМ

Ильмира Гафиятуллина
Айвар Саттаров — архитектор из Казани 35

«Ближневосточный взгляд»
Парижская соборная мечеть — символ ислама во Франции ... 37

Юрий Ключников
Вольные переводы из Руми 41

Р.Р. Галиев, Ф.Г. Газизов, Р.Ш. Маликов
Исламская педагогика об интеграции физического
и духовного развития личности 47

Сергей Маркус
Насими — поэт невместимого 55

Саша Чёрный
Больному 63

Михаил Синельников
Я любил его. К столетию Кайсына Кулиева 65

Сергей Маркус
Разговоры с Кайсыном Кулиевым. 68

НАУКА И ПЕДАГОГИКА

Ефим Резван
Коран бесконечен. 70

Альфред Мухаметрахимов
Михаил Пиотровский в Бургаре. 79

Оливье Руа
Кто они, новые джихадисты? 83

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Виктория Никифорова
«Пятая колонна» Джорджа Сороса названа
по именам. 90

Дмитрий Егорченков
Как не раскачать лодку? Для сохранения
равновесия необходим биполярный мир. 94

Семён Пегов
«Халифат» переезжает в СНГ. 100

*Аналитическая группа Central
Asia Policy Group (CAPG)*
Ислам и государства Центральной Азии:
Риторика и практика отношений. 103

Дамир Мухетдинов
Интерес России в Средней Азии 111

Юрий Михайлов
Ислам — религия интеллектуалов 124

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мы уже не первый раз предлагаем вам материалы о суфизме, публикуя и краткие биографии его ведущих деятелей, и переводы их сочинений, прежде всего поэзии. Так и в этом номере — перед вами ряд «первых имён». Это Руми и Халладж, Сухраварди и Насими. Каждый из них оставил потомкам загадочные творения. Некоторые — ещё более загадочные картины завершения своей земной жизни.

Но как и зачем под одной обложкой с этими мистиками и аскетами, правдолюбцами и героями, жертвовавшими своей жизнью ради Истины и ненавидевших убийц — статьи про наших современников, которые поддались соблазну стать в ряды террористических движений «под знамёнами Ислама»? А сделали мы это специально. Контраст, который многое проясняет. И многому может научить нас, особенно молодёжь.

Сравните в диалоге со своими учениками, как и ради чего гибнут современные псевдо-джихадисты.

С чем сравнить? Да вот как раз — с деяниями, писаниями и «культурой смерти» у классиков суфизма. Многим такое словосочетание покажется или странным или даже неприемлемым. Многие не хотят даже обсуждать это как проблему: смерть и... культура... культура и смерть.

Однако, следует чётко сказать, что любая религия, тем более такая развитая и многообразная, как Ислам, даёт человеку ориентиры и ценности не только для земной жизни. И учит не только тому, что за физической смерть тела есть ещё мир Иной — иное существование, по воле Творца. И оттого, что человеку открывается такая глобальная перспектива — очень важна «культура перехода» из мира в мир. То есть — «культура смерти».

Она включает в себя как минимум два измерения: учиться принимать кончину другого человека, а также правильно настроить самого себя относительно собственного ухода. Скажем кратко: современное безрелигиозное «общество потребления» лиша-

ет человека этой культуры. На этой почве нередко вспыхивают такие психозы и мании, которые толкают человека к убийству себе подобных. И нередко эти извращения обряжаются в будто бы «благовидные» предлоги: борьба с иной расой, с иной верой, с носителями иной идеологии... Самое страшное явление современного терроризма псевдо-исламского типа на Ближнем Востоке, оказывается, собрало в ряды ДАИШ (ИГИЛ) как невежественных в религии своих предков этнических мусульман, так и вполне «благополучных европейцев». Недавно стали достоянием гласности и те, кто спонсирует эти «молодёжные поиски», и те, кто сознательно поднимают волны кризисов и направляют миллионы беженцев в Европу. Оказалось, не такие уж это «стихийные» процессы.

Оказалось, что под влияние таких губительных сил подпадают и наши

соотечественники, выпускники наших школ и вузов. А ещё чаще — брошенные на «самообучение» молодые люди из республик бывшего Советского Союза.

«Свято место пусто не бывает» — в пустые души, если ими всерьёз не занимаются «сеятели и пахари» культуры, вторгаются самые разрушительные монстры. Им помогают и их усиливают современные СМИ, переполненные ужасом и насилием.

Кто ответит: сможет ли наша культура устоять перед этими вызовами? Не напрасно ли пишут свои труды крупнейшие востоковеды и исламоведы, поэты и художники современности... не напрасно ли мы читаем Пиотровского и Резвана... открываем исламские медресе и Академию в Бугаре?

Эти «гамлетовские» вопросы — нерв данного номера. Читайте и думайте.

*Главный редактор журнала
«Исламская культура»
Сергей Маркус,
Москва, декабрь 2017 года*

Михаил Пиотровский

ОРНАМЕНТ И ЕДИНОБОЖИЕ

Многие знают Михаила Борисовича Пиотровского как директора Государственного Эрмитажа и члена-корреспондента Российской академии наук. Вместе с тем Пиотровский является крупнейшим у нас в стране специалистом по исламской культуре. Он автор более 200 научных работ, среди которых серия статей о пророке Мухаммеде и такие монографии, как «Южная Аравия в раннее средневековье» (М., 1985), «Йемен до ислама и в первые века хиджры» (Бейрут, 1987), «Керамические сказания» (М., 1991), «Земное Искусство — Небесная красота. Искусство ислама» (СПб., 2000), «О мусульманском искусстве» (СПб., 2001). Пиотровский является одним из авторов энциклопедического словаря «Ислам» (М., 1991). Познания этого человека будут интересны всем, кто хочет понять художественный язык традиционного мусульманского искусства и научиться читать его богословский подтекст.

6

Ислам — религия подчеркнутого, почти экзальтированного единобожия. Весь пафос ранней коранической проповеди был направлен против идолов. Поклонение кому-либо, кроме Творца, Аллаха, осуждалось Кораном как самый страшный грех человечества, как омерзительное предательство веры и традиции предков, которые верили в Единого

и Единственного Бога. Идея единобожия не является общераспространенной. По существу, она родилась и развилась на Ближнем Востоке и осталась в пределах трех единобожных религий.

Для Ислама единобожие было религией первых людей, оно многократно забывалось, но потом возрождалось с помощью пророков. Идея,

что вера в Аллаха не новшество, а восстановление исконного, является для Ислама чрезвычайно важной, ибо подчеркивает происхождение от Авраама. Именно полное единобожие стало как бы основой для возвышения Ислама над предшествующими религиями, ибо последние исказили самое главное — строгость веры в единственного Бога. Сам же этот единый и единственный Бог представлял и предстает в мусульманском богословии как нечто одновременно и единое, и многостороннее, нечто близкое к человеку и бесконечно от него далекое.

Коран начинается главой (сурой) аль-Фатиха («Открывающая книгу»). Суть Ислама выражена в ней столь четко, что она стала основным текстом молитв мусульман.

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Хвала — Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному,

Царю в День Суда!

Тебе мы поклоняемся и просим помочь!

Веди нас по дороге прямой,

По дороге тех, которых Ты

Облагодетельствовал,

Не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Подлинным символом веры единобожия является сура 112 «Очищение». Ее текст стал одним из важных элементов мусульманского искусства. Каллиграфы непрерывно по-

вторяют его на предметах, зданиях духовных и светских, на разного рода талисманах:

Скажи: «Он — Аллах — Единственный,

Аллах — Вечный; не родил и не был рожден,

И не был Ему равным ни один».

Нетрудно заметить, что эта четкая формула имеет и конкретную направленность — против христиан, которые исповедуют идею о Сыне Божием, и против язычников Аравии, многие из которых признавали Аллаха, но как одного из божеств.

Еще один из коранических отрывков об Аллахе, ставший формульным символом веры и многократно и щедро используемым в мусульманской каллиграфии, о Троне:

Аллах — нет божества, кроме Него, Живого, Сущего;

Не овладевает Им ни дремота, ни сон;

Ему принадлежит то, что в небесах и на земле.

Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения?

Он знает то, что было до них, и то, что будет после них,

А они не постигают из Его знания, кроме того, что Он пожелает.

Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их —

Поистине, Он — Высокий, Великий!

(2:256)

Содержание этого стиха (так по европейской привычке называют аяты — смысловые членения Корана) позволяет упомянуть одну из проблем, связанных как с чистым богословием, так и с проблемами художественными. Здесь сказано о том, что Аллах имеет трон и как бы восседает на нем. У некоторых возникает образ человека-царя. В Коране можно встретить упоминания рук Аллаха и других признаков и поступков, позволяющих представить его себе в человекоподобном образе. В мусульманском богословии развитого периода шли довольно ожесточенные споры о том, в какой степени эти антропоморфные описания действительно можно понимать более или менее буквально. Господствующим мнением, ставшим общепризнанным, было, конечно, понимание этих мест Корана как символических, образных фигур литературного порядка. Богословски они оцениваются как понятные простому человеку выражения, за которыми стоит глубинный философский смысл, к которому поверхностное понимание должно привести человека. Такое многоступенчатое и последовательно углубляющееся понимание коранического текста и богословских идей весьма характерно для Ислама. Привычка к нему позволяет также видеть многоступенчатость и глубинные смыслы в простых формах и предметах художественного мира и даже быта мусульманина.

Скромные предпосылки к тому, чтобы изображать Бога, были бого-

словами отвергнуты. В Коране есть и другие высказывания, как бы связанные с образами. Праведники в раю будут лицезреть Бога. По поводу этого тоже шли долгие споры — может ли человек видеть Бога, можно ли видеть Его вообще, есть ли у Него лицо.

Символические толкования позволили примирить противоречие между конкретными словами и абстракцией. Да, праведники увидят Бога, но это процесс и явление весьма далекие от того, что выражают человеческие слова. Словами нельзя выразить суть Бога. Но к ней можно бесконечно долго приближаться. Описать ее человеческим языком тоже невозможно, но можно с помощью слов приближать к ней верующего. Многогранную суть божества описывают эпизоды священной истории и хвалебные гимны могуществу Аллаха. Его сила, мощь и воля описываются в наставлениях и спорах с неверными и в страшных пророчествах о Дне Суда. Многочисленные формульные сочетания освещают с разных сторон сущность Аллаха: Аллах самый великий; нет никакого божества, кроме Аллаха; нет никакого победителя, кроме Аллаха; Аллах лучше всех знает; к Аллаху мы все возвращаемся. И так далее. Повторение этих формул стало важным элементом как молитв, так и бытовой речи мусульман. Они же служили материалом для каллиграфических надписей.

Особой формой описания сущности божества стали Его имена. Коран приводит девяносто девять имен

Аллаха. Они выписываются в различных орнаментальных надписях на специальных талисманах и магических свитках, на страницах рукописей и на отдельных декоративных листах. Имена эти описывают разные стороны природы Аллаха. Вот одно из коранических перечислений этих имен:

Он — Аллах, нет божества, кроме Него,

Знающий скрытое и созерцаемое.

Он — Милостивый, Милосердный!

Он — Аллах, нет божества, кроме Него,

Царь, Святой, Мирный, Верный, Охранитель,

Великий, Могучий, Превознесенный: хвала Аллаху, превыше Он того, что они

придают Ему в соучастники! Он — Аллах, Творец, Создатель, Образователь.

У Него самые прекрасные имена.

Хвалит Его то, что в небесах и на земле.

Он — Великий, Мудрый!

(59:22-24)

Самые главные из них — те, которые стоят в начале каждого мусульманского текста: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!» Это главная после исповедания веры формула, наиболее часто встречающийся мусульманский текст С помощью абсолютного понятия о милосердии и доброте Аллаха Ислам разрешает одно из главных противоречий

не только этой религии. Если единственный Бог творит человеческие поступки и как всемогущее божество определяет, как ведет или будет вести себя человек, то может ли человек быть ответственным за свои дела? Существует немало мусульманских и христианских трактатов, авторы которых ищут выход из противоречий проблемы предопределения. В них разработаны разные схемы относительной свободы воли человека и его ответственности. Однако для мироощущения Ислама главным является то, что человек должен делать выбор в рамках воли Аллаха, покорно сносить эту волю и уповать на милосердие Божье, которое найдет верующего обязательно, но неизвестно где, когда и в какой жизни.

Повторять имена Аллаха считается делом благочестивым. В этом Ислам отличен от Иудаизма, где имя Бога табуировалось и произносились только его заменители, и от христианства, воспринявшего заповедь: «Не упоминай имени Господа твоего всуе». В Исламе чем больше упоминать основное имя — «Аллах» и остальные — тем лучше. Их произнесение, внутреннее и внешнее, составляет основу молитв и мистических радений. Повторение — один из надежных способов постижения истины и выражения своей преданности Богу.

И здесь мы уже вплотную приближаемся к художественному миру Повторение определенных художественных элементов составляет осно-

ву орнамента. Орнамент стал одной из главных, если не главной сферой развития мусульманского искусства. Оно по преимуществу является орнаментальным и абстрактным. Осмелимся предположить и заявить, что это связано с пониманием Бога, с попыткой рассказать о Нем не только словами, но и художественными элементами, абстрактным орнаментом рассказать об абстрактном. Повторяющийся орнамент ненавязчиво, но упорно и скрыто приучает человека к ощущениям, которые сродни многим представлениям об Аллахе, Едином, Единственном и Непостижимом Добром Творце.

Идея абстрактного Всевышнего Аллаха стала важнейшим элементом внутреннего мироощущения каждого мусульманина, именно она придавала верующим чувство внутренней гордости — Ислам свято сберег то главное, что утеряли Иудаизм и Христианство. Мусульмане не поддались соблазну скрытого идолопоклонства, сохранили и сохраняют чистоту единобожия. Без сомнения, это важнейшая часть не только интеллектуального, но и эмоционального мира мусульманина, и в той или иной мере она должна была воплощаться в художественном творчестве.

Для этой потенции была и общественная потребность. Ислам с самого начала не был безразличен к художественному оформлению своих побед, своего господства, своего превосходства. Великий шедевр «Купол Скалы» был одновременно возрож-

дением иерусалимского храма, созданием дома, превосходящего храм Гроба Господнего, и провозглашением победы Ислама над христианами и зороастрийцами. Этому был подчинен и складывавшийся художественный стиль — пышный, орнаментальный и неизобразительно-декоративный. Соборная мечеть в Дамаске, знаменитые мечети в Кейруване и Кордове — все они были как бы громко произнесенными проповедями победителей. Все они должны были поражать и восхищать красотой и пышностью. И в этих украшениях постепенно складывалась некая внутренняя программа. Орнаментальный декор был естественным продолжением доисламских традиций. Подобно вере, он очищался от лишнего и становился чисто исламским.

Все, чем жил мусульманин, было частью его религиозной жизни. Ислам отличается от христианства отсутствием разделения на светское и духовное. Всякий элемент жизни мусульманина имеет религиозный смысл и измеряется в сравнении с принципами и стереотипами религии. Потому всякое художественное творчество определялось религиозным мироощущением. А религиозная и государственная практика требовала художественного оформления. Социальный заказ существовал. В отличие от аналогичного «заказа» в мире христианском, он нуждался не в рассказе о священной истории, а в символах и отражениях отвлеченных истин и в первую очередь — главной

истины существования единственного Бога, «кроме Которого нет никакого божества и у Которого нет никаких сотоварищей». Орнамент — бесконечный по своей природе — прекрасно подходил для этого, и он стал способом художественного выражения исламского мироощущения. Заметим сразу, что мы не найдем в мусульманской средневековой литературе рассуждений о взаимоотношении искусства и религии. Более того, едва ли в большинстве случаев выбор общего направления художественного творчества в связи с религией был осознанным. Здесь действовали внутренние факторы психологических и духовных стереотипов художников, проверявшиеся реакцией духовных стереотипов общины, принимавшей стиль как свой и приемлемый. Орнамент стал характернейшим художественным жанром, приобрел огромное значение и достиг высокой степени утонченности. Сложились три типа орнамента — каллиграфический, растительный (арабеск) и геометрический. Первый — каллиграфический. Надпись как элемент художественного оформления стала важнейшим признаком мусульманского искусства. Арабский шрифт, сам по себе достаточно орнаментальный и создающий возможности разных вариаций написаний букв, давал тому изначальные стимулы, многократно умноженные мусульманскими мастерами. Надпись в каллиграфическом орнаменте часто не сразу и трудно читается. Поэтому ее

первая функция — чисто декоративная, радующая глаз и затягивающая человека в непрерывный и бесконечный поток ритмических вертикалей и изогнутых или втянутых линий, утопающих в различных мелких узорах. В этой бесконечной пляске форм (типичная черта всех исламских орнаментов) — бесконечное движение, некогда начатое Аллахом, одно из явлений Его сущности миру.

Декоративности арабского письма способствует развитая система почерков — от торжественно монументальных до почти воздушно утонченных. Древние арабские почерки, когда их стали использовать для записи Корана, переродились в почерк, называющийся куфическим («куфи») по имени основанного арабами в Ираке города Куфа. Это монументальное письмо прямыми линиями, загибающимися под углом, с подчеркнутыми вертикальными стволами букв и строгими горизонталями. Разного цвета точки указывали на сходные по написанию буквы и гласные фонемы. В рукописях обычно писали черными или темно-коричневыми чернилами на желтоватом фоне пергамента или бумаги. В Магрибе получили распространение «кейруванские» Кораны, где текст писался золотом на темно-синем фоне.

Золотое письмо в рукописях использовалось повсюду для выделения заголовков и в дополнениях к орнаментальным разделителям в виде пальметт, розеток и узорных «пластинок», украшавшим поля

рукописи. Куфический почерк нес в себе монументальную строгость и давал возможность дополнительного украшения. Концы букв каллиграфы стали часто превращать в растительные узоры и даже в человеческие фигурки. Сами буквы могли менять наклон, что создавало ощущение различных ритмов.

Куфический почерк стал главным почерком для особо торжественных списков Корана и для украшения зданий. Его официальная строгость оказалась удивительно подходящей для арабских монет, которые украшались только надписями, провозглашавшими мусульманские догматы и фиксировавшими суверенитет правителя, получившего право чеканить монету. На многочисленных памятниках прикладного искусства элегантный куфический почерк стал основой резных, инкрустированных и писанных краской украшений. Довольно рано появились два варианта куфического почерка. Восточный — более утончен и разукрашен, чем классический «куфи», его узорные буквы как будто бегут. Западный (Магриб и Испания) сохранил большую строгость и в свою очередь породил «магрибинский» почерк, с торжественными округлостями и островатыми сцеплениями букв.

Почерк «куфи» употреблялся и употребляется в качестве самого торжественного в разные времена. С IX века, однако, получили развитие курсивные почерки арабского письма, многие из которых стали тоже орнаментальными и монументальными.

Огромный шаг в развитии письма был сделан благодаря нескольким реформам, которые упорядочили употребление отличительных точек для согласных и гласных, тем самым была приведена в порядок система не только смыслового, но и эстетического заполнения пространства между основными контурами букв. Затем была создана стройная система, геометрически унифицировавшая письмо. Был выбран модуль — ромб, образуемый диагональным нажимом арабского тростникового пера, калама. Определенное число этих ромбов (пять или семь) составляло высоту буквы — алиф, а алиф определял радиус круга, части которого являлись элементами многих букв. Возникла система, называемая аль-хатти аль-мансуб, — «пропорциональное письмо». Автором этой системы был Абу-Али ибн Мукла (886-940), каллиграф и политический деятель, служивший визиром при трех Аббасидских халифах. Неоднократно он попадал в темницу, ему отрубили правую руку, но и левой (или обрубок правой, точно мы не знаем) он продолжал писать красиво, как никто другой.

Вслед за Ибн-Муклой новые почерки и приемы развивали его знаменитые ученики — Ибн-Бавваб (ум. 1022) и другие. Имена арабских каллиграфов — это, пожалуй, самые известные и бережно сохраненные потомками имена создателей мусульманского искусства. Деятели других жанров остались не то чтобы безымянными (многие писали свои

имена на собственных произведениях), но не очень знаменитыми. Следующей «звездой» каллиграфии был Йакут аль-Мустасими (ум. 1298). Он пережил трагический штурм Багдада монголами, когда были уничтожены сотни тысяч рукописей. Сохранилась трогательная миниатюра, где Йакут изображен погруженным в вычерчивание каллиграфической буквы, не обращавшим внимания на идущий вокруг бой за Багдад.

Каллиграфы создали и развили много различных почерков, некоторые из которых сохранились надолго, а другие исчезали вместе со своими создателями. Общепринято считать основными почерками шесть, их называют аль-аклам ас-ситта — «шесть перьев» (почерков). Это три пары курсивных почерков. Монументальный округлый «сульс» и его меньший по размеру вариант — «насх», ставший главным стандартным почерком для переписки рукописей и легший в основу печатного арабского шрифта. Слегка растянутый по горизонтали и вверх, солидный «мухаккак» имеет своим уменьшенным вариантом изящный «райхани». Почерк «тавкиа» отличают стремительный наклон и подчеркнутая загнутость букв, переходящая часто в неразборчивую утонченность в его малом варианте — «рика», который стал сегодня главным курсивным почерком.

Персидский мир оказал большое влияние на стандартные почерки, делая их более наклонными, мелкими и стремительными. Страница пер-

сидской рукописи весьма отличается от арабской. Она более «подвижна» и причудлива по своим узорам. Персидские почерки как бы быстро бегут даже не по бумаге, но по песку, оставляя только часть возможных следов.

Персы, а за ними и турки полюбили выделять каллиграфическое письмо из сплошного текста. Появились отдельные каллиграфические листы, где разными почерками исполнялись цитаты из Корана и высказывания Пророка Мухаммада. Большую популярность приобрели листы и списки с перечислением имен Бога (аль-асма аль-хусна) и с описаниями внешнего облика Пророка (шамаиль). В османском мире к широкому распространению вернулись «спокойные», округлые почерки — «насх», «сульс». Высокий социальный статус каллиграфов еще более возвысился, и имена самых знаменитых из них, такие, как Хамидулла, Карахисари, относились к самым известным в обществе.

Особым шагом в развитии причудливых почерков стали торжественные тамги османских султанов. Имя и титул султана закручивались в причудливый узор, стволы и линии многих букв вытягивались и иногда вторично закручивались. Получался знак, имеющий характерное очертание с рядом ясно видных особенностей, позволяющих узнать «печать» султана, не читая текст. Письменность слилась с орнаментальными родовыми символами, которые были характерны для тюркских племен

еще до того, как они приобщились к мусульманской культуре. Вместе с тем, эти тамги во многом стали и символом развития орнаментального характера арабского письма. Слово стало узором и символом почти полностью. Одновременно развивались и изощренные приемы зеркальных орнаментальных надписей, а особенно — надписи, приобретающие очертания предметов, — лампы, книги, птицы, сидящего человека, корабля. Эти поздние ухищрения интересны и занимательны, но во многом они порывают с сутью каллиграфической орнаментальной традиции.

Каллиграфический орнамент как бы колеблется между красивым исполнением текста и красивым узором, в котором зашифрован текст. Неразрывная связь этих двух характерных черт при разных соотношениях их — основная структура всех видов этого орнамента. Его содержание практически всегда — благочестивые тексты, тексты о едином Боге. Это определяет идеологический смысл орнамента. Обычно на предметах и зданиях воспроизводились основные и самые насыщенные единобожным смыслом цитаты из Корана. Часты были имена Бога. Другую категорию составляли различные благопожелания типа: «Да дарует хозяину этого дома Аллах счастье, благополучие, процветание, удачу» и тому подобные. Все эти благие состояния исходят только от Аллаха, и потому наличие подобных пожеланий в орнаменте и на вещи всегда было по-

минанием Аллаха, напоминанием о Его могуществе и о том, что только Он своей милостью может дать человеку благополучие. Имена Аллаха и Его возможные дела служили как бы оберегом для художественных вещей или зданий и их хозяев. Бывали еще (в основном на керамических чашах и тарелках, подражавших китайскому фарфору) и разные мудрые высказывания. Здесь Аллах мог и не упоминаться, но набор восхваляемых добрых качеств всегда соответствовал мусульманскому этическому кодексу. Наконец, на художественных предметах быта, особенно в персидских областях после XI века, часто писались стихи. Как правило, это были стихи мистические, опять же обращавшие человека к Аллаху.

Содержание каллиграфического орнамента всегда было, таким образом, весьма навязчивой проповедью единобожия, «рассказом» об Аллахе, облеченным в форму привлекающего и радующего глаз узора. Каллиграфические тексты, особенно куфические, всегда требуют от человека, пытающегося их прочесть, определенной подготовки и часто значительных усилий. Это создает особый эффект радости и удовлетворения, когда результат достигнут и текст понят. Процесс этот и удовольствие от успеха в какой-то степени сродни процессу узнавания Бога, движения к нему, чтению Корана и возгласению молитвы. В этом динамичном просветлении — особое значение каллиграфического орнамента.

Есть у него и другая особенность, отражающая религиозные идеи. Арабское письмо выглядит для зрителя нескончаемой и причудливой вязью, которая тянется вечно. Она многообразна и подвижна и как бы передает идею непрерывности, бесконечности и многообразия, которые и составляют важный аспект представления о Боге.

Такой художественный намек или напоминание о божественной сути являются характерной чертой и других типов мусульманского орнамента.

Вторым из них является арабеск (или арабеска) — непрерывный растительный орнамент, основу которого составляет рисунок бесконечных ритмичных завитков виноградной лозы. Само собой разумеется, что этот орнаментальный мотив типичен для виноградного Средиземноморья вообще и был популярен в римском и византийском искусстве, в частности, в мозаиках, которые во множестве видели арабы и до, и после мусульманских завоеваний. Мотив был красив и не содержал изображений идолов. Он был быстро воспринят и получил исключительное развитие в мусульманском мире, став его характерной чертой и даже получив в Европе название «арабский» — арабеск.

Движение округлых завитков лозы украшается и ритмично прерывается листьями и плодами, на этой лозе появляющимися. Они могут и должны быть весьма разнообразны-

ми. Пространство между основными ритмическими линиями заполняется другими завитками, растениями и их элементами, вазами и животными. Постепенно становится обязательным характерное для мусульманского искусства заполнение всякого пустого пространства. Часто это делается с помощью интенсивного мелкого растительного узора, не затемняющего, а, напротив, подчеркивающего основной ритм. Такой узор в разных формах особо характерен уже для самых ранних периодов мусульманского искусства при Омейядах. Он необыкновенно расцвел при Аббасидах и с тех пор обязательно присутствует во всех исламских периодах и во всех областях мусульманского мира. Он разнообразно изменяется, но всегда сохраняет непрерывный ритм живых растений и изощренную изобретательность в причудливом заполнении пустого пространства.

Одним из самых замечательных примеров такого орнамента является резное украшение стен омейядского замка Мшатта, где растительные завитки движутся в различных направлениях, огибая вазы с растениями и парные фигурки реальных и мифических животных. Интересным примером развития узора арабески являются резные панно из недолговечной аббасидской столицы Самарры. Обширные археологические раскопки заброшенного и покинутого большого города дали значительный материал, который позволил выделить, в частности,

три типа растительного орнамента, формованного или вырезанного на особом типе штукатурке — штукке. Первый характеризуется тянущимися в линию или завитыми в круги виноградными листьями на лозе. Во втором — листья становятся менее узнаваемыми, а сам узор более плоским и геометричным. В третьем — растения превращаются в некие плавно переходящие друг в друга формы, прерываемые кругами и завитками. В них уже нет конкретности, но есть явно узнаваемая растительность и плавность.

Самарские примеры являются лишь удобной иллюстрацией черт и некоторой внутренней эволюции растительного орнамента, существовавших повсюду в мусульманском искусстве, причем в разных материалах — и в камне, и в дереве, и в металле, и на керамике. Впрочем, эволюция здесь вовсе не прямолинейна. Блестящим примером растительного орнамента является османская изникская керамика, где изображения растений выглядят вполне натуральными.

В арабеске есть два внутренних смысла. Первый — более глубинный. Он выражает вечное движение и многообразие, которое созвучно понятию Аллаха и присутствует в каждом повторяющемся и некончающемся орнаменте. Второй смысл более конкретен — перед нами прославление и любование миром, созданным Аллахом для человека. Коран многократно упоминает растительный мир и

животных как великое свидетельство его благорасположения к людям, которые всем этим пользуются. В частности, виноград и виноградная лоза порой выступают как обобщенный символ этого благоволения. Орнамент как бы иллюстрирует и философическую и конкретную суть божества. Наконец, изображение красоты и умиротворенности сада с плодами вызывает в памяти коранические картинки райских садов.

Растительный орнамент, таким образом, доставляет удовольствие теми ощущениями, которые Коран хочет привить праведному мусульманину, чуть-чуть изображая, но больше намекая на то, как человек должен радоваться существованию Аллаха и Его деяниям.

Во всяком растительном орнаменте присутствуют элементы или целые пространства орнамента геометрического. Его прямые линии, треугольники и ромбы, круги и розетки организуют и арабески, и каллиграфический текст. Однако наряду с этим внесением строгой божеской воли в праздник подвижных форм геометрические элементы образуют свой особый орнамент, ставший другой характерной чертой мусульманского художественного языка и важным средством выражения кардинальных богословских смыслов.

Уже кувфический почерк создает геометрическими своими элементами некий бесконечный ритм движения, но это движение вдоль. Однако также очень рано появляющаяся на бумаге

и на камне розетка — это движение вглубь. И это символ солнца, которое само находится где-то в глубине. Рукописи Корана стали теми первыми плоскостями, на которых геометрические линии начинают приобретать глубину. Многоугольные линии, прямоугольники, восьмиугольники и всякие звезды с треугольниками поначалу обрамляют надписи или растительные орнаменты, но быстро становятся главным мотивом узора. В этом смысле особенно примечательны «ковровые» страницы Корана. Они появляются, начиная с XI века. Целая страница в заглавной части заполняется геометрическими фигурами, внутри которых видны или угадываются изящные надписи и причудливые растения. Иногда они видны только при внимательном рассмотрении, а иногда их просто нет. Вся плоскость испещрена геометрическими фигурками, наложение которых друг на друга неожиданно создает глубину. Особенно хорошо это видно на фронтисписах мамлюкских Коранов.

Блестящим воплощением идеи геометрического орнамента являются знаменитые архитектурные «сталактиты» — ниши, нависающие одна над другой и создающие иллюзию бесконечного углубления пересекающихся пространств. Эти сталактиты (мукаранас) стали такой же важной деталью мусульманских архитектурных сооружений, как и купол. Оба элемента создают иллюзию неба, которое манит и тянет человека,

одновременно показывая ему недостижимую бездну бесконечности. Но именно она и есть Аллах. Геометрический орнамент, может быть, самое лучшее выражение абстрактной идеи Аллаха. Переплетающиеся линии и фигуры заполняют все поверхности художественных изделий мусульман. Звезды пятиугольные, шестиугольные, восьмиугольные, ромбы и прямоугольники живут самостоятельно, сочетаются с надписями и арабесками. Особенно удивителен эффект геометрического орнамента при инкрустации деревом разных пород в сочетании со слоновой костью. Геометрический узор на деревянных кафедрах и балконах — важная часть оформления мечети. Художественный смысл этого орнамента несет в себе и насыщенную идейную программу.

Абстрактные смыслы геометрических ухищрений усиливаются еще символическим и магическим значением геометрических фигур. Звезда Сулаймана, звезда Дауда и прочие знаки служили талисманами, сознательно привлекаемыми для магической защиты. Глубинное удачно сочеталось с поверхностным, делая художественный текст орнамента созвучным внутренним настроениям людей. Они ощущали в орнаменте божественные идеи и видели в нем некоторый отзвук Бога. В определенной мере орнамент, особенно каллиграфический, выполнял роль иконы, оказываясь неким посредником между этим и потусторонним миром,

окошком в пространства, где присутствует Бог во всей Своей силе.

Конечно же, в полном смысле об этом «иконическом» значении орнамента и мусульманского искусства вообще можно говорить только в связи с культовым искусством — рукописями Корана, украшением мечетей и мавзолеев. Однако и для всех других произведений искусства, и для искусства Ислама в целом о том же можно говорить со значительной степенью уверенности, понимая, что в орнаменте религиозно-философский смысл, облаченный в эстетическое чувство, присутствует лишь частично. Но это «частично» может быть весьма большим. Напомним, что в мусульманском обществе нет официально провозглашенного разделения на светское и духовное. Каждый элемент жизни мусульма-

нина имеет религиозный смысл. Поэтому если мы видим в памятнике мусульманского искусства намек на основную всепронизывающую и остроощущаемую идею единства Бога, то у нас есть все основания верить, что и для средневековых мусульман этот намек существовал, хотя с разной степенью сознательного ощущения в разных вещах и в разных условиях.

Аллаха нельзя видеть, нельзя даже пытаться показать Его. О Нём можно рассказывать, как это делает Коран. Его можно почувствовать, как это делают мистики. Абстрактное искусство Ислама художественными средствами рассказывает об Аллахе — бесконечном Творце всего сущего — и помогает немножко почувствовать Его суть и красоту Его величия и Его милосердия.

ШИХАБЕДДИН СУХРАВАРДИ — ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ И ФИЛОСОФ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Выдающийся суфийский мыслитель Шихабеддин Абухафс Омар Сухраварди родился в 1155 году в иранском городе Сухравард, близ Занджана.

Он был основателем одного из авторитетнейших до сих пор во всём мусульманском мире суфийских братств «сухравардийя».

Сухраварди юношей покидает родной Сухравард и отправляется в Багдад на учение. После окончания учебы он преподаёт в знаменитом университете Багдада «Низамийя». Этот университет (медресе) заметно отличался от многих известных в то время аналогичных учебных заведений средневековья. Университет был основан в 1067 году по инициативе и на деньги тюркских — Сельджукских правителей, и в честь их великого визира Низамимулька, очень много сделавшего для его успешной деятельности, был назван «Низамийя». Обучение в нём проводилось полностью за счёт Сельджукских правителей. В среднем, в год они расходовали около 600 тысяч динаров на жильё и питание студентов и жалование преподавателей, а также на специальную университетскую форму студентов и преподава-

телей. Университет сыграл огромную роль в развитии науки и культуры на всём Востоке. Лучшие учёные Востока приглашались сюда для преподавания таких наук как теология, история, логика, языкознание, литературоведение, астрономия, математика и других. Отбор педагогов производился непосредственно Сельджукскими правителями. Многие учёные эту медресе считают первым университетом современного типа на Востоке, а педагогов этого университета называют профессорами. По окончании учебы затем идет, как это было принято у суфиев, в ученики к великому шейху Ахмаду ал-Газали, который становится его наставником. Здесь он ведет уединенную жизнь отшельника в суфийской обители на берегу Тигра. Слава о нем идет по всему Востоку. Многие хотят стать его учениками. Он был наставником таких известных суфиев, как Абу Мухаммед Рузбихан Бакли Ширази (умер в 1209), Исмаил ал-Касри (умер в 1193) и Ам-

мар ар-Бидлиси (умер около 1200). Закончив университет, Сухраварди очень быстро завоевывает широкую известность ученого-философа суфия на всем Востоке. Шихабдин не был аскетом, удалившимся от мира, хотя и был великим суфийским шейхом. Известные ученые в то время, как правило, привлекались к политической и культурной жизни крупных и мелких правителей, старающихся прослыть просвещенными правителями. Не обошла эта участь и Сухраварди, но он не становится украшением дворцовой короны, а активно подключается к политической жизни двора. В ученом просыпается великий дипломат и правовед. Сухраварди, занимает должность советника халифа ан-Насир ли-Диниллаха (1180–1225) и ведет ответственную дипломатическую службу, не забывая, конечно, при этом, и о своих обязанностях шейха. От имени халифа он ведет дипломатические переговоры в Сирии и Египте, в городе Халебе, столице Эйюбидов.

В 1217–1218 годах Сухраварди вел дипломатические переговоры с хорезмшахом Мухаммедом. Через год с дипломатической миссией он едет в Анатолию к сельджукскому правителю Коньи Алааддину Кайкубаду I. Авторитет Шихабедина, как суфийского наставника, политического деятеля, ученого и оратора был настолько высок, что для него халифом был выстроен специальный рибат, который скорее напоминал дворец. Там был целый комплекс строений с богатой библиотекой, баней и садом для самого хали-

фа и его семьи. Здесь он мог работать, читать публичные лекции и организовывать диспуты. Лекции его собирали большое количество слушателей. Послушать его выступления приезжали со всей страны. Публичные лекции он так же регулярно читал в знаменитом университете «Абу-н-Наджиб». Сухраварди выделялся своим исключительным риторическим талантом и глубоким философским мышлением. За короткое время его лекции и диспуты получили такую известность, что на них присутствовало всегда большое число слушателей, прибывших из разных стран и местностей.

Шихабдин имел много последователей, а мистический орден «сухравардийа» имел много различных ответвлений. Философия озарения, разработанная ас-Сухраварди и его школой, оказала большое влияние на традиционную мудрость Ирана (особенно на так называемую «Исфаханскую» школу).

Приверженцем мистического пути Сухраварди был и великий персидский поэт Саади Ширази (1208–1292).

Сухраварди является автором более 50 философских трудов на персидском и арабском языках. Наиболее важным из них представляется книга «Философия озарения» (Китаб хикмат аль-ишрак), работу над которой философ завершил в 1186 году.

Сухраварди смог сформировать суфийскую школу Сухравардия во время правления Аббасидской династии. Ему удалось распространить своё учение, в частности, и учение ислама по

всему миру. Тарикат Сухравардия достиг пика своего развития в Индии. Представители Сухравардия в Индии, наравне с распространением учения Сухраварди, смогли распространить и ислам. Они боролись с индийскими обычаями, которые бытовали среди индийских мусульман. Его ученик Джалалуддин Бухари даже наложил запрет на обращение к Богу на языке хинди. Это свидетельствует о том, что целью Сухраварди было распространение ислама на неисламских территориях через суфийский орден Сухравардия и духовных наставников.

Сухраварди особое внимание уделял практической стороне тасаввуфа. Во «время «прохождения суфийского пути Сухраварди наставляет суфиев строго соблюдать предписания шариата и сунны Пророка. Он утверждает, что только таким образом путник сможет преодолеть все неведения и заблуждения и в конечном итоге найти покой.

Согласно Сухраварди, тасаввуф — это воспитание прекрасной нравственности, усвоение хороших качеств и отречение плохих. В этом заключается цель тасаввуфа. Тот, кто понимает тонкость этики суфия, он достигнет цели, а тот, кто не понимает, еще не знаком с этикой.

Для Сухраварди, суфий — это тот, кто искренне принимает предписания шариата, такие как: пост и молитва, и удовлетворяет душу путем послушания, богослужением и делает сердце покладистым, украшает себя нравственными качествами Пророка.

Он должен всеми своими деяниями и всеми своими словами стремиться к довольству Аллаха. Деяния, в которых нет ни капли высокомерия и испорченности, ведут к истинному богослужению. А искреннее богослужение ведет человека к истинной богобоязненности, духовной чистоте и высоте. Только тогда суфий достигнет любви и довольства Аллаха.

Действие сердца не должно быть слабым, а бодрствующая душа (нафси бедор) не должна дремать, т.е. она должна продвигаться вперед. Когда сердце привыкнет к Аллаху и достигнет «скрытого вдохновения» (илхам ал-гайб), оно станет непосредственным слушателем голоса Аллаха (вахй).

Сердце имеет две стороны, одной стороной оно склоняется к возвышенной стороне души (рух), а другой — к животной душе (нафс). Если победит склонность к духовности, суфий должен будет заняться улучшением сердца, и это будет полезным для него. А если победит «животность», суфий станет привязанным к мирским желаниям и инстинктам. В этом случае шайтан получит власть над ним, соблазнит его мирскими удовольствиями и подтолкнет к вождению, и суфий подвергнется страданиям.

Всё, что слышится сердцем, свидетельствует о том, что все это является словами Аллаха, и суфий должен стараться использовать все это с высшей степенью вкушения (заек) и страстной любовной тягой (шаек).

Сухраварди делил суфиев по их жизненному пути на следующие ка-

тегории. Первые — суфии, которые вначале путешествовали, а потом осели. Вторые — суфии, которые сначала вели оседлый образ жизни, а после отправились путешествовать. Третьи — которые предпочли пребывание дома и не путешествовали. Четвертые — суфии, которые всегда путешествовали и нигде не поселялись.

По мнению шейха, у тех, кто вначале путешествовал, а потом осел, имелось несколько побудительных причин: во-первых, они стремились к знаниям; во-вторых, достигали общения с шейхами, друзьями и праведными и получали пользу от беседы с ними; в-третьих, прерывалась привязанность к друзьям, родственникам, семье, и они учились терпеть с ними разлуку; в-четвёртых, их поведение и этичность украшали душу и сердце, чтобы очистить душу от пятен, нечистот и гадости; в-пятых, они получили огромное наслаждение от наблюдения удивительных земель, пустынь, рек, гор и посещения могил шейхов; в-шестых, все это делало их души воздержанными.

Суфии, которые вначале вели оседлый образ жизни, а в конце жизни путешествовали — это те суфии, которым Аллах оказал милость в общении с ним. В общении суфий освобождается от неведения и тревог. Суфии, которые предпочли всегда путешествовать, нашли в нем освобождение сердца.

Суфии, которые предпочли пребывание дома, путешествуют внутри себя

и таким образом узнают все тонкости суфийского пути, поэтому им нет необходимости в путешествии физическом.

Взгляды Сухраварди на нравственность и мораль выражают типично суфийскую этику поведения и формировались в свете исламской традиции, суфийской этической мысли и наставлений ее лучших представителей.

Согласно учению Сухраварди, такие качества, как деятельность, спокойствие, честность, добропорядочность, смирение, покорность, вежливость, приветливость, мягкость и праведность необходимы для суфия. Тот, кто действует согласно желаниям и страстям души, становится нечестным, недобропорядочным, бездейственным и неустойчивым, и эти качества приведут суфия к заблуждению и не позволят найти Истину. Для него основой суфийского пути является хорошее поведение, и когда эта основа устойчива, суфий не подвергается заблуждению, и от него не исходит никакого вреда и испорченности. Когда основа неустойчива и имеет какое-нибудь препятствие или вред, то этот вред проявляется и мешает суфию наслаждаться плодами суфийского пути.

Из общего контекста этических воззрений Сухраварди можно заключить, что шейх рассматривает этику в двух ракурсах: мораль людей вообще и мораль путника на пути достижения истины.

Умер Сухраварди в 1192 году в Багдаде.

Хайриддини Абдулло,

*руководитель комитета просвещения
«Федерация мигрантов России», член редколлегии
журнала «Исламская культура»*

МАНСУР ХАЛЛАДЖ

Суфизм. Понятие и пути достижения духовного совершенства.

Известно, что в Исламе есть тело и душа. «Тело Ислама — это Шариат, внешние проявления веры, отказ от вредного и запретного. Выполнение обязательного и полезного. Душа Ислама — это Ихсан, исполнение Шариата, жизнь по совести, как будто мы видим глазами и слышим ушами нашего Создателя».

Сердцем Ислама называют суфизм. Тайную науку достижения искренности и очищения своего духовного сердца от пороков. Путь этот есть тарикат (тасаввуф, суфизм). Его указал нам своей жизнью последний Пророк Мухаммад (мир ему), посланный Создателем ко всему человечеству как Милость.

Древняя история персо-таджикского народа, с его самобытной, уникальной духовной культурой, уходит вглубь тысячелетий.

Персо-таджикский народ всегда отличали особое почитание науки и

стремление овладеть новыми знаниями, что послужило плодотворной почвой для распространения Ислама, который предложил свой духовный путь достижения человеком совершенства и создания общества на основе справедливости, путём приближения к Истине.

Кораническое учение мусульман содержит строгий «принцип общего наставления» по духовному совершенствованию.

В Коране приводятся слова одного из величайших пророков Мусы (мир ему), сказанные фараону: «Наш Господь тот, кто сотворил все сущее, а потом указал ему прямой путь». (Сура ТА ха, 50).

Слова Пророка Мусы (мир ему) говорят о том, что мир целенаправлен, и в человеке изначально заложено стремление к достижению совершенства.

Это и есть духовный путь человека.

По Божественному духовному пути к Господу шли и пророки, и религиозные мистики.

Но путь пророков к Божественной Истине хотя и начинается с отхода от внешнего мира путем концентрации на мире внутреннем, но он всегда заканчивается возвращением в реальный, земной мир, с целью передать Божественное послание людям.

Пророк борется с многобожием, предрассудками, невежеством, угнетением и насилием. Пророк указывает путь к преодолению страстей человеческих, учит правде и праведности, справедливости, призывает к свершению добродетельных дел.

Религиозные мистики, в отличие от пророков, не обладают пророческой миссией. Они на всем протяжении духовного пути к Творцу миров остаются «людьми своего внутреннего мира». Обретая путем духовной практики приближения к Богу такие качества как спокойствие, уверенность, религиозные мистики не хотят возвращаться в мирскую жизнь. Если же жизненные обстоятельства складываются таким образом, что они вынуждены вернуться в реальный мир, то их возвращение не несет в себе действенную нравственную составляющую для всего человечества.

В то время как пророк меняет мир и наполняет его совершенством, то для «человека своего внутреннего мира» идеал — это личная душевная гармония».

Таковыми «людьми своего внутреннего мира» можно считать суфиев,

последователей мистического и аскетического учения в Исламе с названием суфизм.

Согласно учению суфиев, для человека, возможно достигнуть нескольких степеней, или стадий, совершенства. Первая степень — «шариат» («закон»), то есть благочестивая жизнь, строгое соблюдение всех заповедей и предписаний Корана. Называется это «мирским совершенством» или мусульманским благочестием.

Выше мусульманского благочестия стоит мистицизм, познание Истины в приближении к Аллаху, позволяющий в конце пути слиться с Богом воедино.

О человеке, который решил непременно стремиться к единению с Божеством, суфии говорят, что он избрал себе «тарикат» (путь мистицизма, путь Истины).

Овладевая второй степенью человеческого совершенства суфий должен отрешиться от стяжания, подвергнуть свою плоть изнурению, избавиться от страстей, от воли, от своего «я», то есть — от своей личности.

Третья степень духовного и физического совершенства — это строгий аскетический подвиг, позволяющий путем мистического экстаза — «халь»- постигать «знания».

Но это не предел. Человек, идя по пути духовного совершенства, всё больше и больше отделяется от земного, входит в единение с Источником всего прекрасного, ослепи-

тельного, мощного, экстатического и бесконечного, Источником совершенств. Словом, восходит к Аллаху. и достигает «Истины» (хакикат). Достигнув высшей степени и находясь в непосредственном общении с Богом, суфий пребывает уже не на земле, а посередине между бытием и небытием. В земной жизни такого высокого совершенства достигают только исключительные личности.

Жизненный путь Халладжа

Одним из самых ярких и одиозных личностей в истории суфизма является Хусейн ибн Мансур аль Халладж.

Хусейн ибн Мансур Халладж, персидско-таджикский суфийский поэт-мистик. Родился он в 244/858-59 годах, в городе Бейза, расположенном в семи форсах от Шираза, в Иране. В то время Бейза был местом привала воинов, отправляющихся из Басры в Хорасан.

Дед Хусейна был последователем учения Заратустры, религии, распространенной в древнем Иране. В основе зороастризма заложен «свободный нравственный выбор человеком благих мыслей, благих слов и благих деяний». Зороастризм — это Благая вера почитания Мудрого.

Отец Хусейна — Мансур — принял ислам, новую свободную и чистую религию, дарованную Аллахом посредством Пророка Мухаммада (мир ему), восстанавливающую связь народа с правителями и заместниками.

Биографы Халладжа свидетельствуют о том, что отец Хусейна, владея мастерством чесальщика (ворсильщика) хлопка и шерсти, постоянно разъезжал между Байдой, Васитом и Тустаром, находящимися вблизи таких текстильных центров, как Багдад, Басра и Куфа.

В раннем возрасте Халладж начал учиться арабской грамоте и богословию, заучивая наизусть Коран и комментарии к нему.

К тому времени, когда Халладжу исполнилось шестнадцать лет, он завершил свое обучение, и ощутил острую необходимость углубить знания.

Родной дядя поведал юному племяннику о дерзновенном и независимом мистике по имени Сахл Тустари (арабское произношение названия города Шуштер в Иране).

Сахл бин Абдулла ат-Тустари, считался имамом суфизма — мистиком, достигшим высокого духовного уровня.

Со слов дяди, Сахл был «проповедником истинного духа Ислама».

Прославился имам суфизма в родде благодаря своим комментариям к Корану и тем, что в своем духовном развитии аскет и мистик строго следовал Пророческому преданию. Главными принципами его жизни были аскетизм, то есть отсутствие всяких излишеств, потому что обычной едой самого Пророка Мухаммада (мир его) были простой ячменный хлеб и финики, и, как правило, сидел Пророк мир его, на простой циновке, на полу.

Следуя преданию, Сахл в повседневной жизни соблюдал посты, превышающие установленные, и читал молитвы по четыреста ракатов в день.

Юный Халладж, вдохновленный рассказами дяди, едет в Тустар и становится «мюридом», поступив в услужение к прославленному мистика Сахл бин Абдулла ат-Тустари. Он должен был беспрекословно подчиненность «учителю» и при этом не смел рассуждать: «добро или зло приказывает совершить мюршид».

В течение двух лет Халландж занимается духовной практикой, проходя этапы духовного совершенствования на пути к постижению Истины (хакикат).

Поэтому когда Хусейин ибн Мансур аль Халладж, покинув учителя, появился в Басре.

В Басре Халладж встретил Амра ибн Османа аль-Макки, одного из известных духовных учителей своей эпохи. Здесь он проходит последние ступени духовной практики и Амра посвящает его в суфии, облачая в хирку (шерстяное суфийское рубище). С этого момента Халладж становится в ряд великих суфиев, достигших высокую степень духовного совершенства...

Формирование мировоззрения Халладжа

Для того, чтобы понять как формировалось мировоззрение Халладжа, необходимо раскрыть духовный

мир его наставника Амра ибн Османа.

Сам Амра ибн Османа аль-Макки был учеником перса Ал-Джунайды, Абу-л-Касим ал-Джунайд. Мухаммад ал-Каварири ал-Хаззаз ал-Багдади.

Суфизм для Ал-Джунайда был «средством постоянного духовного очищения и борьбы взглядов». Он считал, что путь духовного развития мистика «должен состоять из непрерывных усилий познать единство Бога, свою извечную от Него зависимость и своё ничтожество перед Ним».

Ал-Джунайд сформулировал доктрину суфизма. В нем говорится, что «единственное реальное бытие есть бытие Бога. Поскольку человек, как и всё сотворённое, имеет своё происхождение и начало в Боге, то он должен в конечном счёте, рано или поздно, возвратиться к своему первоисточнику после их разъединения, чтобы снова соединиться и быть в Нём, т. е. достичь первоначального состояния».

Этого состояния суфий достигает в результате погружения в медитацию о единстве Бога, перед Которым он становится абсолютно ничем, посредством постоянного подчинения Его воле, преклонения перед Ним и мысленного произношения Его имени. Собственное бытие суфия полностью исчезает, он теряет все свои свойства и качества. Исчезают эмоции и реакции, всё растворяется в Боге. Наступает состояние небытия, при котором истинным бытием мыслится только Аллах».

Согласно учению Ал-Джунайда, названным «учением о трезвости», личное познание Бога может сделать из суфия более совершенное человеческое существо с полнотой самообладания и контроля над собой.

Халладж проводит 18 месяцев с Амром, но в конце концов покидает и его.

Причиной разрыва отношений послужил тот факт, что весьма близкий друг Амра по имени ал-Акта, который также был учеником Амрома, распознал духовный талант Халладжа и, не ставя в известность Амра, предложил Халладжу жениться на своей дочери, тем самым нарушив строгие правила взаимоотношений «мастер — ученик».

Своевольный поступок учеников вызвал большую вражду, и не только привел к бесповоротному разрыву дружеских отношений Амра и ал-Акты, но и поставил под удар отношения «мастер-ученик» между Амром и Халладжем.

Халладж покидает Басру и едет в Багдад к Ал-Джунайду, который советует ему оставить Амра, и начать спокойную семейную жизнь.

Руководствуясь Священным Кораном, в котором говорится: «Монашество же они сами придумали, Мы не предписывали этого им, разве что [они избрали его] для обретения благоволения Аллаха». «Аль-Хадид 57/27», — Халладж вскоре возвращается в Баср, женится, становится отцом трех сыновей и одной дочери, но при этом по-прежнему продолжа-

ет заниматься аскетической практикой, получая наставления от учителя Джунайда по большей части в виде писем.

В 892 году религиозный мистик решает совершить хадж.

Именно Священную Мекку, город рождения последнего Пророка Мухаммада мир его, Аллах избрал местом для паломничества, результатом которого должно стать полное очищение мусульманина от грехов.

Цель Халладжа заключалась в «очищении своего сердца при помощи строгого поста от восхода до захода солнца. Смирение себя перед Божественным до такой степени, чтобы Бог полностью направлял его».

Для религиозного мистика, каким был Халладж, хадж длился целый год, и привел его к экстатической духовности.

Возвратился Халладж из Мекки вдохновленным множеством новых идей, среди которых главными была идея Божественного наития и действий суфия по улучшению общества. Свои «духовные прозрения» религиозный мистик вынес на обсуждение суфиями, среди которых были Амр Макки и Джунайд.

Но они резко восстали против Халладжа, потому что считали, что суфии должны стоять на позиции безразличия по отношению к такому преходящему состоянию, как земная жизнь.

Халладж возвратился в Басру и начал заниматься преподавательской деятельностью. Ему удалось обрести

многочисленных учеников и последователей, но его мировоззрение вошло в противоречие с миропониманием его тестя, Амра Макии.

Амра Макии отрекся от бывшего товарища, и Халладж вернулся в Тустар вместе с женой и братом жены, который остался ему верен.

В это же время учитель Халладжа Амр ибн Осман аль-Макки, вспомнив давнюю обиду, нанесенную учеником, разослал обвинительные письма именитым людям Ахваза, в которых клеймил и обвинял Халладжа во всех грехах.

Проповедь Халладжа. И клевета, воздвигнутая против религиозного мистика

Ситуация приобрела скандальный характер. Влиятельные суфии порвали с ним отношения и обвинили Халладжа в обмане и хитрости. Халладж решил на полный разрыв с суфиями, и вместо молчания, как это принято у суфиев, религиозный мистик стал проповедовать свои мысли среди народа.

Он на несколько лет снял с себя хирку, суфийское рубище из грубой ткани, но при этом оставался аскетом и не переставал искать Бога.

Халладж говорил: «Надо пойти дальше, чтобы распознать Божественную Истину и наслаждаться».

Халладж отправился со своими проповедями к северо-восточным границам страны, затем повернул на юг и, наконец возвратился в Ахваз.

В течение этой поездки он встречался с духовными мастерами различных традиций. Среди них были и зороастрийцы, и приверженцы манихейства, одной из самых влиятельных иранских религий, основателем которой слывет перс Мани (Манес).

Учение Мани — это учение о борьбе света и тьмы, добра и зла, требующее от её последователей строжайшей воздержанности, особенно в отношении питания, половой жизни и физического труда.

В течение пяти лет Халладж проповедовал свои идеи в различных городах и областях Хорасана и Мавереннахра. К нему присоединилась группа из числа мюридов, которые избрали его своим «учителем» (мюршидом).

Он рассказывал о тайнах вселенной и о том, что народ не говорил вслух, а только хранил в своих сердцах. Его популярность быстро росла, а сам он был удостоен народом звания «Халладж ал-Асрар» (слово «асрар» имеет значения «тайна» и «сердце»). (Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму. М.: «Единство», 2004).

Халладж стал «Ворсильщиком тайн или сердец».

Из Багдада в сопровождении четырехсот человек он второй раз отправился в паломничество в Мекку. В городах по пути следования религиозный мистик публично излагает свои ирфанские мысли.

С этим хаджем связано значи-

тельное число легенд о Халладже. В них рассказывается о том, что религиозный мистик обладал сверхъестественными способностями, и его «урок был слышен на расстоянии трех селений, и его отчетливо слышали даже те, кто работал в поле».

Этими легендами, повторяющимися в народе из уст в уста, воспользовались недоброжелатели, которые обвинили Халладжа с одной стороны в чудотворстве, с другой — в шарлатанстве и создали религиозному мистiku репутацию «человека, заключившего договор с джиннами — демонами с копытами и с козлиными лицами».

Халладж решил навсегда покинуть Тустар и обосноваться в Багдаде, где жили суфии, с которыми у него сложились дружеские отношения.

Среди них были Суфий Усман Нури и багдадский шейх Абу-Бакр ас-Шибли, вошедший в историю своим известным изречением: «Быть суфием означает быть таким, каким ты был до того, как появился в этом мире».

Халладж принял участие в обращении в Ислам турок. Он по морю достиг западной Индии, продвинулся к северу до границ исламского мира и затем возвратился в Багдад. Эта поездка длилась 6 лет и принесла ему огромную славу и популярность. Ряды уверовавших в Коран и Пророка Мухаммада мир его постоянно росли.

Уроки суфия посещало много людей: как верующих, так и неверующих. Одним из караматов (уди-

вательных явлений, которые происходят у святых людей и являются даром Аллаха, подтверждая, что человек находится на истинном пути) было то, что даже глухие, присутствующие на проповедях Халладжа, слышали его.

После возвращения из этого странствия религиозный мистик жил в Багдаде. Теперь он размышлял шире, чем последователи ислама. Среди исповедников иных религий и толков нашлись его сторонники. Атар Нишапури в «Тазкират ул-Авлия» рассказывает о письмах, которые писали ему люди различных областей, о прозвищах /титулах/, которые давали Халладжу. Он пишет: «Из самых отдаленных мест мира писали ему письма. Жители Индии называли его «Абу-л-гайс», Китая — «Абу-л-моин», Хорасана — «Абу-л-мехр», Фарса — «Абу Абдаллах», Хузистана — «Халладж ул-асрар», Багдада — «Мусталам», Басры — «Мухаббар».

Накануне, в 290/902-03 г., Халладж совершил третье и последнее паломничество в Мекку. Во время своих проповедей, обращаясь к своим недоброжелателям, хулителям и клеветникам он говорил: «Если из того, что находится в моем сердце упала бы маленькая частица на горы, они все расплавились бы».

Говорят, что во время паломничества, когда он остановился в Арафате, то обращался к Аллаху с молитвой: «О Боже! Сделай меня более беспомощным и слабым! О Боже! Опозорь меня, чтобы люди проклинали

меня! О Боже! Пусть надоем я людям, чтобы каждое мое слово благодарности, которое выходит из моих уст, принадлежало только тебе и не считал бы я себя в долгу перед кем-либо, кроме тебя!».

Поездка эта, длившаяся два года, завершилась для него постижением Истины...

Халладж вдруг ощутил, что в своей экстатической духовности он достиг высот: «завесы иллюзии приподнялись, оставив его лицом к лицу с Истиной».

В ходе одной из своих медитаций он, исповедующий доктрину «фана» (растворение мистика в Боге), воскликнул: «Ана-л-Хакк» («Я есть Истина»). Эти слова вызвали брожение в народе и потрясли ученых.

Религиозный мистик был обвинен в богохульстве и ереси боговоплощения, но избежал сурового наказания.

Однако, испытанное Халладжем экстатическое состояние «растворения в Боге» пробудило в религиозном мистике желание свидетельствовать любовь Бога к человечеству путем заклания себя в качестве «жертвенного агнца». Он был уверен, что должен претерпеть боль и страдание не просто за те грехи, которые совершает каждый мусульманин, но также и за грехи всего человечества.

Халладж решил повторить подвиг пророка Исы бин Мариам.

В Багдаде, на улицах, базаре, в мечетях, зазвучало его искреннее обращение: «О мусульмане, тот, кто умирает с любовью к Господу, есть

суфий. Помогите же мне. Спасите меня от Бога! О люди, Бог дозволил вам законно пролить мою кровь — убейте же меня. Так и вы будете вознаграждены, и я обрету упокоение. Я хочу, чтобы этот проклятый (он указывал на себя) был убит».

В конце пронзительной, ошеломляющей речи Халладж, обращаясь к Богу, говорил: «Прости каждому и накажи меня за их грехи».

По словам Аттара Нишапури: «Красноречия и изящества, которыми он обладал, не было ни у кого».

Халладж призывал людей, даже именитых и самых известных, к моральному очищению. Его пламенные речи пробуждали у людей желание изменить жизнь.

Социальное неравенство и напряженная политическая атмосфера вызывали недовольство как среди простолудинов, так и в среде правящей элиты. Звучали требования к халифу исполнить обязательства, возложенные на него Аллахом и Исламом.

Среди государственных деятелей были последователи учения Халладжа.

Али ибн Иса, заместитель министра, был одним из таких людей.

Халладж изложил письменно свои мысли об обязательствах министров и вручил своим последователям из среды государственных деятелей. Говорят, что некоторые из этих знаменитых людей хотели, чтобы Халладж вмешался в политику, и даже уговаривали его взять власть в свои руки. Однако, он уклонился от предложения.

Преследование и заточение

У Халладжа были и друзья, и недруги, как среди придворных халифа, так и среди народа. Многие из лидеров оппозиции были его учениками и пытались использовать влияние религиозного мистика на народ.

Сторонники Халладжа при дворе оберегали его, так видели в нем помощника в проведении социальных реформ. Разгорелась жестокая борьба за власть.

В конце концов Халладж принял сторону тех, кто находился в оппозиции ко двору.

В 296/908–09 г. за Халладжем установили слежку. Он бежал в Ах-ваз и три года жил, скрываясь в этом городе.

Наконец его нашли, арестовали, доставили в Багдад и заключили в тюрьму.

Легенда повествует о том, что когда в первую ночь заточения в тюремную камеру к Халладжу пришли стражники, они не обнаружили его в ней. Он исчез.

На вторую ночь они пришли снова, но на этот раз застали его в камере, но тюрьма исчезла.

На третью ночь стражи увидели, что тюрьма стоит, как и прежде, а Хусейн ибн Мансур сидит в своей камере.

Они спросили его о причине таких странных превращений. Он ответил: «В первую ночь я был у Бога, во вторую ночь Бог пришел сюда ко мне, а теперь я здесь».

Хусейн ибн Мансур Халладж сидел в тюрьме девять лет. В течение этого времени несколько раз обсуждался смертный приговор. Однажды люди, бастовавшие в Багдаде, даже сломали дверь его камеры в тюрьме. Но Халладж сказал: «Не убегу», — и остался в застенках.

В последние годы своей жизни, будучи заключенным в тюрьме, Халладж написал трактат «Тасин ал-азал», в котором изложил свои последние идеи.

Советник халифа был из числа сторонников и друзей Халладжа, поэтому в течение девяти лет пресекал все попытки физической расправы над ним.

Халладж, оставаясь в заточении, все эти годы находился между двух огней: своих друзей и своих врагов, ведущих ожесточенную борьбу при дворе Бани Аббаса.

За этот период в Багдаде произошло ряд мятежей и переворотов.

Наконец, когда визирь халифа Хамид ибн Аббас, старый недруг Халладжа, одержал победу, то в целях устрашения противников религиозному мистику Халладжу, который на протяжении многих лет жизни подвергался преследованиям, как со стороны правоверных богословов, обвинявших его в несоблюдении обрядов, отрицании ритуала, претензиях на самообожествление, публичном чудотворстве, так и со стороны многих суфиев, ставивших в вину проповеднику разглашение божественных тайн, и публично провозгласивше-

му путь экстатического единения с Богом единственно истинным и не нуждающимся в дополнении к нему внешнего обрядового благочестия, был вынесен смертный приговор.

Приговор был утвержден халифом, который был игрушкой в руках организаторов судебного процесса.

Таким образом, была подготовлена почва для убийства Халладжа. Удивительно то, что многие учёные и известные суфии поддержали этот приговор или же промолчали.

Рассказывают, что после вынесения Халладжу смертного приговора, известного суфия Джунайда Багдади спросили: «Речь, которую произнес Мансур, имеет толкование?». Он сказал: «Пусть пока убивают, а толкование будет через девять дней».

На виселице

Наконец, 24 зи-л-хаджда 309 /22 апреля 922 года в Багдаде все было подготовлено для исполнения приговора. Виселицу поставили возле

Хорасанских ворот. Рассказывают, что сто тысяч человек были свидетелями его казни. Аттар Нишапури в своей книге «Тазкират ул-Авлия» подробно описывает казнь Халладжа:

«В день смерти Мансур всю ночь провел в молитвах, сидя под эшафотом, и он услышал глас: «Мы доверили Мансору одну из наших тайн. Он открыл ее другим. Поэтому Мы наказали его за раскрытие Царской Тайны».

«Хусейна повели к виселице... Какой-то дервиш спросил у него: «Что такое любовь?». Он сказал: «Сегодня видишь, завтра увидишь и после завтра увидишь». В тот день его казнили, на следующий день сожгли и на третий день золу пустили по ветру. Когда его повели к виселице, он сказал: «Посмотрите вознесение мужественных людей на виселице!». Потом его связали, избili плетью и бросили в него камни. Люди бросали в его сторону камни, а Шибли, один из арифов, бросил ему цветок.

Хусейн Мансур вздохнул. Его спросили: «Когда в тебя бросали камни, ты не вздыхал. Почему же ты вздохнул из-за цветка, в чем дело?». Халладж ответил: «...Они не знают, поэтому им простительно. Мне обидно то, что он знает, кто я, и не должен был бросать цветок».

Потом ему отрубили руки, он засмеялся... Потом отрубили ноги, он улыбнулся... Под виселицей Халладж провел по лицу отрубленные руки и окровавил свое лицо и предплечье. Его спросили: «Почему так делаешь?». Он ответил: «Много крови я потерял, и лицо стало желтым. Не хочу, чтобы вы подумали, что желтизна моего лица от страха. Смазал лицо кровью, чтобы перед вами быть с красным лицом». Его спросили: «Почему в предплечье втирал кровь?». Он ответил: «Делаю омовение». Спросили: «Какое омовение?». Он ответил: «В любви есть два ракаат намаза, перед ним будет правильным только омовение кровью».

Вечером ему отрубили голову. В момент, когда ему отрубили голову, он рассмеялся, а его душа перешла к Всемогущему. Все отрубленные члены мученика начали кричать: «Я-Истина». Халиф приказал собрать их и сжечь. Когда это было исполнено, пепел начал произносить те же слова: «Я-Истина (А на-аль-Хак)». Когда пепел выбросили в реку Даджлу, частицы его сложились на воде в слова «Я-Истина». Вода в реке забурлила и высоко поднялась. Предвидя это, Хусейн ибн Мансур заранее отдал приказание слуге расстелить на поверхности воды его одежду, чтобы утихомирить гнев реки и спасти Багдад от затопления. Слуга так и сделал. Вода успокоилась. Пепел, собранный по ее берегам, был захоронен. Голову через некоторое время отправили в Хорасан, чтобы показать в разных городах».

Позже Шибли спросили, почему он бросил розу, и он сказал:

— Я боялся толпы. Если бы я не бросил чем-нибудь, их гнев мог обратиться на меня. Я не мог бросить камень, потому что я знаю, что Хусейн ибн Мансур не виновен. Но у меня не хватило мужества не бросить ничего. Цветок был просто компромиссом. И Хусейн ибн Мансур плакал из-за моего страха, моего малодушия.

Слёзы Халладжа совершенно изменили Шибли, стали для него трансформацией. Это заняло, по крайней мере, 12 лет странствований; словно бродяга, нищий, непрерывно плача, в

неимоверных сердечных страданиях. Вся его жизнь он раскаивался. Он говорил:

— Я убил Хусейн ибн Мансура. Никто, кроме меня, не мог этого сделать, но я мог понять, мог защитить его. А я пошёл за толпой: я бросил цветок в этого человека.

Фарид-ад-дин Аттор про великий свет Хусейна ибн Мансура, говорит: «Какая жалость, что такого великого святого плохо понимали его современники. Вы можете преклоняться перед деревом, если из него раздастся звук Ана аль Хакк (Я-Истина), но человека, произнесшего эти слова, вы отправляете на плаху. Вам следует знать, что все великие святые, которые произносят такие слова в состоянии экстаза, просто говорят от имени Бога. Их устами глаголет Всевышний, а их сущность мертва». (Тазкират ул-Авлия).

Когда Мансур Халладж выкрикивал публично: «Я — Бог!», и набожная толпа забросала его камнями. И в ту ночь одному из тех, кто бросал в него камни, приснился сон. В этом сне он увидел Бога, который с распростертыми объятиями встречал убитого Халладжа. И тот человек, бросавший камни, спросил Бога: «Ты отправил в ад Фарауна за то, что он сказал: «Я — Бог». Халладж сказал то же самое, а ты приветствуешь его в раю».

Бог ответил: «Когда Фараун говорил «Я — Бог», он думал о себе. Когда же Халладж говорил «Я — Бог», он думал обо Мне».

Когда у Халладжа Сатана спросил: «Ты произносил «Я», и я произносил «Я». Отчего же тебе суждено вечное всепрощение Бога, а мне — вечное проклятие?»

Халладж ответил: «Ты произносил «Я» и всматривался в себя, я же отделил себя от «Я». Я получил прощение, а ты проклятие. Помышление о себе является недопустимым, а отделенность от «Я» является наилучшим из благих деяний.» (Книга «Мудрецы Востока». Эбрахим.Т/2009г.с,21.)

Таким образом, жизнь, полная приключений, одного из известнейших ариффов в истории ислама и Ирана подошла к концу. Но имя и учение Халладжа в исламской культуре не забылось. Многочисленные ариффы, факихи, толкователи и ученые разных времен изучали жизнь, произведения и учение Халладжа. Многие из них подтвердили его величие, на основании его учения основали группы и течения. Жизнь Халладжа, особенно его казнь через повешение, всесторонне описывалась в персидской литературе. В том числе знаменитый

поэт XIV века Хафиз Ширази в своих стихотворениях упоминает Халладжа и его судьбу:

«Как Мансур будет желаемое у тех, кто на виселице.

В этот двор, когда приглашают Хафиза, гонят».

По случаю смерти Мансура Хазрат Аббас Туси сказал : «В Судный день Мансура приведут в кандалах из опасения, что в своем экстазе он сможет перевернуть земной шар».

Тот, кто стал мучеником на пути Истины; тот, кто возвысился рангом; тот, который был внутри и снаружи чист; образец верности в любви, которого неудержимая склонность влекла к созерцанию Божьего лика, этот экстатический Мансур Халладж, да помилует его Аллах! Он был весь опьянен любовью, чье пламя его пожирало. Чудеса, которые он творил, были таковы, что все ученые пребывали от них в оцепенении. Это был человек с возвышенными целями, загадочными словами, глубоко сведущий в науке таинств. (Из книги Фаридад-дин Аттара «Тазкират аль-Авлия. «Рассказы о святых». Тегеран, 2000. С. 608–622).

Ильмира Гафиятуллина

АЙВАР САТТАРОВ, АРХИТЕКТОР ИЗ КАЗАНИ

*«Мечеть должна быть красивой не только сегодня,
но и завтра, и через 100 лет»*

Что объединяет мечети в Батуми (Грузия), Актобе (Казахстан) и Казани? Что связывает мечети «Ярдэм», «Казан нуры», «Нур гасыр» и «Кул Шариф»? Их объединяет один архитектор, человек, который начал свой путь с участия в возрождении Соборной мечети «Кул Шариф» и на сегодняшний день является одним из самых востребованных архитекторов культовых сооружений на постсоветском пространстве. Речь идет об Айваре Саттарове, выставка которого сегодня открыла свои двери в Галерее татарского шамаиля.

Айвар Саттаров — выпускник МАРХИ (Московского архитектурного института), кандидат архитектуры, член Союза архитекторов России и Союза художников Татарстана. В 2006 г. он был удостоен звания «Заслуженный архитектор Республики Татарстан» за вклад в проектирование и строительство мечети Кул Ша-

риф. В 2008 г. деятельность архитектора в области проектирования татарских мечетей была отмечена медалью Духовного управления мусульман РТ «За служение народу».

За выдающийся вклад в проектирование областной соборной мечети «Нур Гасыр» в городе Актобе (2008, Казахстан) архитектор через год после постройки культового сооружения стал кавалером Ордена Дружбы Республики Казахстан. В 2012 г. Айвар Саттаров в составе группы архитекторов, участвовавших в создании мечети Кул Шариф, стал лауреатом государственной премии РТ им. Г. Тукая.

Мечеть «Ярдэм» — еще один проект Айвара Саттарова, за который автор стал лауреатом городского конкурса (2011–2016) в номинации «Лучший архитектурный объект города Казани» (2017).

Творчество зодчего в области культовых сооружений затрагивает

тему становления и формирования татарской национальной архитектурной школы. Не случайно Айвар Саттаров создал и долгие годы возглавлял кафедру Реконструкции и реставрации архитектурного наследия в Казанском архитектурно-строительном университете (2000–2010).

— Один мыслитель сказал, что каждый народ пытается зафиксировать свою культуру в монументальных памятниках. И это не просто прихоть. Вот эта небольшая выставка символизирует собой новую эпоху духовной, культурной, политической жизни татарского народа и всей страны в целом, — отметил Рустем Рашитов, директор Галереи татарского шамаяла. — Такая широкая география построек Айвара Саттарова говорит о становлении нашей собственной профессиональной архитектурной школы и ее высоком уровне. Тот факт, что за такой короткий период Айвару удалось реализовать такое обильное количество проектов, — пожалуй, единичный случай в нашем культовом зодчестве.

Как отметил сам архитектор, то, что он начал заниматься проектированием мечетей, — желание Всевышнего, Он его направлял по этому пути.

— Мечеть — это культовое сооружение. Всегда во все времена архитектура культовых сооружений стояла особняком и налагала особую ответственность на зодчего, беруще-

гося проектировать храм. Ведь храм должен не только быть функциональным местом для поклонения Всевышнего, но это также место, которое определяет социальное, культурное состояние общества, определяет облик среды, облик города. Церкви, мечети всегда были маяком застройки.

Сам образ храма, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, всегда являлся ответственной, сложной задачей, поскольку само культовое сооружение рассчитано не на один, два года, а на столетия. Поэтому храм должен быть красивым не только сегодня, но и завтра, через 50, через 100 лет.

«Мечети архитектора Айвара Саттарова» — первая персональная выставка архитектора, где, помимо обозначенных культовых сооружений, любой желающий сможет увидеть также интересные предложения автора по Московской соборной мечети (2008-2009) и соборной мечети в Батуми (2010, Грузия). Любопытно будет взглянуть и на проект соборной мечети в г. Набережные Челны (2009), находящейся на стадии строительства.

География работ Айвара Саттарова охватывает не только районы Республики Татарстан и Москву, но и Казахстан, Башкортостан, Грузию. Всего на выставке 13 проектов архитектора, выполненных с 2005 по 2015 гг., из которых 10 — реализованных.

Источник: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/mecet-dolzna-byt-krasivoj-ne-tolko-segodna-no-i-zavtra-i-cerez-100-let/

«Ближневосточный взгляд»

ПАРИЖСКАЯ СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ — СИМВОЛ ИСЛАМА ВО ФРАНЦИИ

Старейшая мечеть Парижа — эпицентр жизни французской мусульманской общины, мост между государством и его мусульманскими гражданами.

В 5-м округе Парижа на тихой улице за ботаническим садом («садом растений», как его называют парижане) возвышается одинокий минарет. Тяжелая деревянная дверь как будто приглашает войти.

«Ас-саляму алейкум!», — здоровается с гостями человек за стойкой.

Сидя в кресле в своем кабинете, доктор Далил Бубакер (Dalil Boubakeur) делает последние правки в речи для предстоящего мероприятия. Его помощник записывает под диктовку, слово за словом, детализируя фразу.

«Нужно, чтобы все было правильно. Что сказать — я перфекционист», — говорит он, смеясь.

Уроженец алжирского города Скикда, выходец из элитной семьи

76-летний муфтий — нынешний директор Великой мечети Парижа.

После переезда во Францию во время Алжирской войны, Бубакер получил специальность врача. Он возглавляет мечеть с 1992 года, до него эту должность занимал его отец Си Хамза Бубакер (Si Hamza Boubakeur).

«Великая мечеть Парижа играет важную роль как символ ислама во Франции», — говорит он.

После своего открытия в 1926 году Великая мечеть считается эпицентром жизни общины французских мусульман. Это старейшая мечеть страны, построенная в память о десятках тысяч мусульманских солдат, погибших за Францию на фронтах Первой мировой войны.

Вскоре после произошедших в последние несколько месяцев терактов во Франции и Германии, жертвами которых стали десятки людей, ответственность за оба взяла на себя организация «Исламское государство». По словам Бубакера, после этого мечети пришлось столкнуться с волной исламофобии во французском обществе.

По данным «Межминистерской делегации по борьбе с расизмом, антисемитизмом и гомофобией» (DILCRA), количество случаев агрессии в отношении мусульман утроилось: в 2015 году было зарегистрировано 425 инцидентов по сравнению с 133 в 2014 году.

В ожидании напряженной президентской гонки перед майскими выборами этого года мечеть обращается к своему прошлому, чтобы найти ответы на вопросы о своей роли в современной Франции.

Взгляд назад

После захвата территорий в Африке, начавшегося с вторжения Франции в Алжир в 1830 году, многие мусульмане стали французскими гражданами.

С оккупацией территорий на Ближнем Востоке после падения Османской империи рост мусульманского населения Франции продолжился.

«В тот период из-за своих колоний Франция считалась крупнейшей [европейской страной] по численности

мусульман... В Париж приезжало много мусульман со всего мира, и было решено, что им нужно свое место для богослужений», — рассказывает Бубакер.

В 1905 году был принят закон о защите секулярности государства, поэтому государство не могло финансировать строительство каких-либо религиозных сооружений. Проблема была решена в 1921 году — мечеть построили две культурные ассоциации «Общество вакуфов» (*Soci t des habous*) и «Святые места ислама».

«Это был критический момент в истории ислама во Франции... Проект продвигали многие политики, наша религия была принята обществом».

По свидетельствам очевидцев, в 1940 году, когда Франция сдалась нацистской Германии, Великая мечеть Парижа спасла от гонений и депортации многих евреев. Глава мечети Си Каддур Бен Габрит (*Si Kaddour Ben Ghabrit*) выдавал евреям документы о мусульманском происхождении. В основном это были сефардские евреи из Северной Африки.

Самый известный случай — история алжирского певца, еврея Салима Халали (*Salim Halali*), рассказанная в фильме 2011 года «Свободные люди» (*Free men*), построенном на реальных событиях.

Сейчас Европа пытается справиться с крупнейшим кризисом беженцев за всю свою послевоенную историю, потоки беженцев наводнили улицы Парижа и другие города, например, Кале.

Франция также стала крупнейшим центром вербовки боевиков ИГИЛ, после провозглашения «халифата» в 2014 году отсюда воевать за него отправились сотни людей. В сентябре прошлого года министр внутренних дел Франции Бернар Казнев (Bernard Cazeneuve) сообщил о четырехкратном увеличении числа французов, вступивших в ряды ИГ в первой половине 2016 года — для сравнения, за тот же период 2015 года таких было 69 человек.

Правоохранительные органы объясняют это недавними потерями ИГ на местах, а также «усилением анти-террористических мер» во Франции.

Служение обществу

Что касается всей мусульманской общины страны, то Великая мечеть Парижа является зонтичной организацией для нескольких сотен мечетей по всей Франции.

«Наша роль — отстаивать присутствие ислама во Франции, — говорит Бубакер. — Мы работаем для всех мусульман, но большая часть нашей общины это, в основном, алжирцы. Алжир стал колонией Франции более ста лет назад, и в стране живет более 3 млн человек алжирского происхождения».

В то же время учреждение сохраняет связь со своими парижскими корнями. Каждый день здесь собираются на намаз сотни мусульман со всего города. На сегодня у нее тысячи прихожан.

Фатима Слимани (Fatima Slimani) — одна из них. 46-летняя служащая старается бывать в мечети как можно чаще — особенно по пятницам. Ей это удается не каждую неделю, но она считает мечеть своим домом.

«Здесь я чувствую связь с Богом. Я не слишком религиозна, но это место, где я могу спокойно помолиться. Мой отец — из Алжира. Здесь я чувствую свои корни».

Карим Буджедра (Karim Boudjedra) молится в Великой мечети во второй раз. 28-летний аспирант из Туниса за последние месяцы побывал в разных мечетях французской столицы.

«Я считаю себя либералом, но я ценю учение Корана. Я ищу мечеть, где было бы и то, и другое... Эта община выглядит вполне умеренной...», — говорит он.

В мечети чувствуют себя уютно парижане любых вероисповеданий.

В соседнем здании при мечети есть хамам, где также можно пройти сеанс массажа и косметических процедур, и ресторан, пользующийся широкой популярностью. Здесь подают блюда, навеянные духом североафриканской кухни: кускус, тажин, мятный чай.

«Мне нравится бывать здесь с друзьями. Мы заказываем мятный чай с пахлавой, — говорит медсестра Мелани Мартен (Mélanie Martin), считающая себя атеисткой. — Я однажды была в Марокко, и здесь все напоминает об этой удивительной поездке».

Мост

С политической точки зрения парижская соборная мечеть служит мостом между французским государством и его мусульманскими гражданами. Политики часто бывают на местных мероприятиях и регулярно общаются с Бубакером, пытаются быть в курсе настроений общины по поводу текущих событий или государственной политики.

«У Великой мечети всегда были очень хорошие отношения с властями... Париж гордится своей мечетью», — говорит Бубакер.

Этот союз стал ключевым в стратегии правительства по борьбе с радикализацией французской молодежи.

Многие потенциальные боевики принадлежат к среде иммигрантов, выросли в бедных районах, в самых неблагополучных кругах.

«Несмотря на социально-экономические трудности и расизм, с которыми сталкиваются мусульмане, мы должны противодействовать радикальным и террористическим трактовкам ислама», — говорит мусульманский лидер.

Он считает подъем исламофобии печальным явлением, угрозой на-

циональному диалогу и единству на его новой родине. Однако, по его мнению, это естественное следствие радикализации французского общества, воспринимающего мусульман как «козлов отпущения», которые должны отвечать за все его проблемы. Политические партии — в частности, популистский «Национальный фронт» во главе с Мари Ле Пен (Marine le Pen) — извлекают немалую выгоду из таких общественных настроений, утверждает Бубакер.

«Политики часто обвиняют мусульман, чтобы самим уйти от ответственности, — говорит он. — Но эта исламофобия коренится в отрицании более глубокой проблемы, как это бывает в политике. Гражданам кажется, что правительство не прислушивается к ним, не принимает их в расчет».

Главной своей задачей глава мечети считает содействие межрелигиозному пониманию и уважению во Французском обществе.

«Франция — это страна для всех, здесь мы можем жить все вместе... Я за интеграцию мусульман, так как, в конце концов, мусульмане или немусульмане, все мы — французы».

Юрий Ключников

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ РУМИ

Мы уже знакомили наших читателей с творчеством живущего в Новосибирске поэта Юрия Ключникова (номера журнала «Исламская культура» 9, 10 и 11). Наряду со своими собственными стихами, он сочинил много вольных переложений мировой поэзии, в первую очередь французской и иранской. В этом году он отметил юбилей великого Руми такой подборкой:

30 сентября 2017 года исполнилось 810 лет со дня рождения величайшего персидского поэта Джеллаладина Руми (1207–1273 гг.)

Имя этого человека сопоставимо по влиятельности в суфийско-исламской философии с именем Ибн Араби. А в суфийской поэзии он стоит ещё выше. Газели Руми и поныне распевают в народе, особенно в Турции и в Иране.

Родился Руми Мавланá Джалал ад-Дин Мухамма́д Руми́, известный обычно как Руми или Мевляна, в одном из древнейших городов мира — Балхе (ныне Афганистан), основанном 1500 лет до н.э. По сведениям исламских богословов, Балх — также родина основателя религии огнепоклонников пророка Зороастра. Умер же Руми в городе Конье (Турция),

имеющем куда более древние корни, кстати, на родине (согласно легенде) Ходжи Насреддина. В Конье, по другой восточной легенде, покоится прах древнегреческого философа Платона. Все эти данные для суфиев весьма многозначительны.

Знаменательно и происхождение Джеллаладина Руми.

Одна из точек зрения утверждает, что значение имени — «неукротимый». По-арабски Джеллаладин означает «Слава Веры». Отцом поэта был почитаемый до сих пор в исламском мире суфий, проповедник, правовед шариата Бахаутдин («богоугодный») Валлад, ставший его первым наставником, когда Руми был еще мальчиком. Согласно исламским преданиям, Руми наяву встречался с Ф. Аттаром, предсказавшим юноше

великое будущее. А в своих многочисленных экстатических видениях он имел встречи с Аттаром и после его смерти. Считается, что Аттар и другие предки-призраки научили поэта той мудрости, которая вложена в его главный труд поэму «Маснави». Это четыре огромных тома (50 тыс. бейтов), труд, почитаемый в суфийском мире почти наравне с Кораном. Здесь собраны легенды, притчи, мифы, служащие до сей поры предметом изучения и медитаций суфиев различных орденов. Кстати сам Руми был идейным вдохновителем ордена «Мевлеви», существующего поныне. Мевляна — одно из прозвищ Руми.

Стихи Джелаладдина Руми, помещённые ниже, взяты из его главного труда «Маснави. Поэма о скрытом смысле». Я сделал их вольные переводы.

* * *

Когда земная жизнь сжимает душу,
Ты жалобы и плач её не слушай.
Так человека сотворил Господь:
Душа болит, страдает с нею плоть,
А дух растёт и твой, и Мироздания.
И это есть закон произрастанья,
Закон пульсации отдачи и даров.
Он строг, понятен, справедлив, суров.

Молитвы слёзные, уныние и стоны
Не входят в действие всемирного закона.
Зима являет некое подобье сна,
За нею пробуждает жизнь весна.
А если бы всё время длилось лето,
С ума сошла бы бедная планета.
Итак, ты пальцы сжал свои, Руми,
Держась за жизнь, теперь их разожми

Для нового рожденья, для даренья,
Согласно сжатию миров и расширенью.

* * *

Не зрим грядущие дороги
Ни в ясном небе, ни во мраке.
И лишь распятые пророки
Умеют всюду видеть знаки.
Нет для добра у них границы,
Но нет и капли многословья;
Парят над нами, словно птицы,
В любую входят дверь с любовью.
Про солнце всякому известно,
Что свет восходов бескорыстен.
Но почему же повсеместно
Уходим в ложь от ясных истин.
Нам путь в грядущее неведом,
Но обозначили дорогу
Христос совместно с Мухаммедом.
Увы, не видим знаки к Богу!

* * *

Кто выбрался из жизненной темницы,
Отправился в небесный океан,
Теперь, подобно рыбе или птице,
Своей свободой безграничной пьян.
Но, может быть, он в раковине зреет
Жемчужиной, чтоб ожерельем стать...
Мы — дети Бога, Он нас всех жалеет,
Во всех мирах Аллаха благодать.

* * *

Где истина, в аду или в раю,
В добре, во зле, в покое ли, в боренье?..
Испробуй всё, спроси судьбу свою
И напоследок обратись к смиренью.

* * *

Ты хочешь разыскать Первооснову,
Начальную природу бытия.

Зачем в былом и этом мире
Глаза я пьянством заливаю?
Ответ — не знаю.
Хочу лететь над миром к звёздам,
Хочу сменить своё гнездове.
Увы, везде земные гнёзда
Пропитаны враждой и кровью,
Но не любовью.
Чьи мысли принимает разум?
Чью волю исполняют чувства?
Я с жизнью здесь ничем не связан.
Вокруг всё холодно и пусто.
Не до искусства.
Хоть кто-то грустными глазами
Мне шлёт подобие привета.
Могу я спрашивать часами.
Мне нет ответа.
Да и в стихах одни загадки;
Не знаю, нужен ли я людям?
Со мной играет кто-то в прятки,
Незримо милует и судит.
Ответа нет, но и не будет.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Ломающая кипарисы буря
Цветок ласкает, брови хмуря.
Трава с грозью не станет спорить;
Живут в согласье шторм и море.
Топор не испугается бревна
И не поднимется, когда пред ним стена.
Один глупец сражается с судьбою.
...Любимая, склоняюсь пред тобою.
Ты для меня — и ураган, и роза,
И кипарис, и для него угроза.
Я беден, стар, подобен топору.
Возможно, через пару лет умру.
Пока Руми — не горсть земного праха,
Побудь со мною, именем Аллаха!..

ОТВЕТ

Стань, милый, безрассуден,
Душой и видом скуден,
Нетрезв, бесстыден, тучен,
Не сделайся лишь скучен.
Танцуй на поле брани,
Танцуй среди беды.
Танцуй, когда изранен,
Сорвав свои бинты.
Танцуй и днём и утром,
Танцуй во тьме ночной.
Танцуй везде, как будто
Встречаешься со мной.

ЗАКОН ПУЛЬСАЦИИ

Когда земная жизнь сжимает душу,
Ты жалобы и плачь её не слушай.
Так человека сотворил Господь:
Душа болит, страдает с нею плоть,
А дух растёт и твой, и Мирозданья.
И это есть закон произрастанья,
Закон пульсации отдачи и даров.
Он строг, прекрасен, справедлив, суров.
Молитвы слёзные, уныние и стоны
Не входят в действие всемирного закона.
Зима являет некое подобье сна;
За нею пробуждение земли — весна.
А если бы всё время длилось лето,
С ума сошла бы бедная планета.
Итак, ты пальцы сжал свои, Руми,
Держась за жизнь, теперь их разожми
Для нового рожденья, для даренья,
Согласно сжатию миров и расширенью.

* * *

Коснувшись смерти, в небо взмою
И с тучами соединюсь.
С приходом солнечного зноя
На землю ливнями вернусь.

Где воду в темноту пролили,
На свет появятся цветы,
И запоют головки лилий
Безмолвно песни красоты.

* * *

Земля не прах, она живой сосуд,
Наполненный Творца горячей кровью.
Земля и есть для нас Последний Суд:
Поступку, мысли, слову и злословью.

* * *

Сей мир подобен рогу изобилья:
В нем все есть, от болот и до высот...
Как птицу к цели направляют крылья,
Так нас стремленье к выбору несет.

* * *

Исполни волю главную Господню:
Преобразись, прощенье заслужив,
Смирись умом, пока не умер плотью,
Родись душой, пока ты телом жив.

* * *

Куда для нас полезней умный враг,
Чем лезущий в приятели дурак.

* * *

Душе легко безмолвствовать в очах,
Как языку являть себя в речах.

* * *

Кто повторяет мысли мудрых книг,
Тот не всегда в чужую мудрость вник.

* * *

Тело — лодка, под ней океан,
То есть бездна. Наполни стакан.
Выпей так, чтобы ум замутился;
Может, этим рассеешь туман.

* * *

Из рук Аллаха ты явился, как парча,
Но стал заплатой на кафтане палача.
Прислушайся к шепоту Пространства
И снова стань парчой в руках Врача.

* * *

Когда покинем тело в мире этом,
В могиле нашу душу не найдешь.
Ищи ее в стихах больших поэтов.
Быть может, и свою там обретешь.

* * *

Никто не знает, как ценна душа
И как была она вначале хороша.
Когда покинем тело в мире этом
А почему? Наверно, потому что
Творец не взял с нас за подарок ни гроша.

* * *

Закрой глаза, избавь от мыслей разум.
Пусть сердце станет разумом и глазом.

**РАССКАЗ О ПРОПОВЕДНИКЕ,
КОТОРЫЙ В НАЧАЛЕ КАЖДОЙ
ПРОПОВЕДИ МОЛИЛСЯ
ЗА ПРИТЕСНЯЮЩИХ, ЖЕСТОКОСЕР-
ДЫХ И ЛИШЕННЫХ
[РЕЛИГИОЗНЫХ] УБЕЖДЕНИЙ.**

Жил проповедник, он имел обычай
странный —
Молиться за безбожных, окаянных,
За злых разбойников, несущих страх
и боль,
За всех, кому давно неведома любовь.
Он говорил: «Все темное нас мучит
И этим самым добрым мыслям учит.
Особенно полезны людям те,

Р.Р. Галиев, Ф.Г. Газизов, Р.Ш. Маликов

ИСЛАМСКАЯ ПЕДАГОГИКА ОБ ИНТЕГРАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В народной педагогике содержание, методы и средства воспитания во многом складываются и определяются требованиями, основанными на религиозных канонах. Приобщение детей к религии позволяет решить многие задачи, связанные с развитием человека, его этикой по отношению к себе, к семье, ближайшему окружению, людям иной веры или сословия.

Кроме того, многие ученые, педагоги, служители традиционных конфессий считают, что падение физического, нравственного здоровья начинается тогда, когда падает духовная культура, размываются духовные ценности, душа человека опустошается и заполняется негативом.

Религия — важнейший феномен человеческой цивилизации. В соотношении с национальными проблемами она играла и играет прямо противоположную роль — этноинте-

грирующую и этнодифференцирующую. Ислам — это вера, учение о том, во что должны верить мусульмане, как они могут и обязаны проявлять свою веру, одновременно в нем определены правовые, моральные нормы, которыми следует руководствоваться в личной жизни. Эти нормы и правила относятся ко всем мусульманам независимо от их пола. То, что ведет к благосостоянию индивидуума или общества считается в исламе нравственным, а то, что вредит ему — безнравственным.

До принятия ислама взаимоотношения между людьми строились на основе обычаев предков. Такие обычаи назывались «гадэт». На смену отношений регулируемых законами предков, пришли отношения предопределенные Аллахом. Теперь поведение мусульман определялось шариатом. Шариат — это сумма правил,

соблюдение которых означает праведную жизнь, приводящую человека в рай.

Большой интерес представляют законы шариата с педагогической точки зрения, где много говорится о воспитании детей. Соответственно, ислам трактует интеграцию физического и духовного развития личности в соответствии с аятами Корана и примером пророка Мухаммеда.

Таким образом, под интеграцией физического и духовного развития личности следует понимать совокупность духовных ценностей и реальных видов деятельности человека по обеспечению удовлетворения потребностей человека. Соблюдение норм шариата уже предполагает здоровый, как духовно, так и физический, образ жизни. А.Н. Ингаллсу отмечает, Аллах хочет, чтобы мусульмане заботились о своих телах и наилучшим способом использовали их возможности. Ожирение, слабость и физическая лень порицаются. Поэтому поводу пророк говорил: «Сильный верующий лучше и более любим Аллахом, чем слабый, хотя в каждом из них — благо» [7, с. 3].

Существуют многочисленные примеры того, как пророк рекомендовал занятия определенными боевыми искусствами для поддержания здоровья и подготовке верующих к отражению внешней агрессии. Так, он сказал: «Любое действие, отвлекающее верующего от поклонения Аллаху, является пустой тратой времени, за исключением четырех занятий:

стрельбы по мишеням, езды на лошади, игр со своей семьей и обучения плаванию» [2, с. 3].

Несмотря на то, что само слово, «мусульманин» означает покорный, а ислам многими понимается как обряд, который учит слепому повиновению, и его механическому, без понимания смысла, соблюдению, она глубоко гуманна, опирается на разум человека, отличается гибкостью и всегда учитывает возможности верующих. К примеру, пост должны соблюдать только здоровые люди. Не приветствуется держание поста кормящими матерями и мусульманами, находящимися в пути. По уважительным причинам молитву можно отложить на другое удобное время, прочитать позже. Р. Гайнутдинов отмечает, в Коране неоднократно говорится о том, что Аллах хочет людям не трудностей, а облегчения: «Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран в руководство для людей и как разъяснение прямого пути и различения, — и вот, кто из вас застанет этот месяц, пусть проводит его в посту, а кто болен или в пути, то — число других дней. Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас, и чтобы вы завершили число и возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас, — может быть, вы будете благодарны!» [6, с. 203].

Замечено, что во время поклонения (молитвы) человеческий организм выделяет такие сильные, полезные вещества, которые хорошо воздействуют на здоровье и психику.

Утренняя молитва, пятикратный намаз, соблюдение поста в месяц рамазан способствуют формированию определенного режима дня. Кроме этого совершая намаз пять раз в день, мусульманин продельывает специальные упражнения, которые положительно влияют на позвоночник, шейные позвонки. Соблюдение уразы, в которой имеет место ограничение приема пищи, ученые-медики рассматривают с положительной стороны для здоровья человека. Заслуживает внимания, и сам ритуал приема пищи, а омовение — это не только соблюдение санитарно-гигиенических норм, но и средство закаливания. Соблюдение определенного режима дня, гигиенических норм, закаливание, выполнение специальных физических упражнений — это составляющие физического и духовного развития. Пророк Мухаммед сказал: «Аллах не посылает ни одной болезни без того, чтобы не послать и исцеления от нее, но одни люди знают лекарство от той или иной болезни, а другие не знают». Ислам — это учение о мудрых предписаниях, в том числе и об интеграции физического и духовного развития личности. Так, Коран изучался с детского возраста в медресе при мечетях, и татары старались придерживаться всех предписаний священной книги. Ислам охватывает всю жизнь человека от семьи до общества, от рождения до смерти. Необходимо отметить и тот факт, что ни одна сфера не освобождает от применения нравственных принципов

ислама. Она делает нравственность главенствующей и предопределяет, что все жизненные дела, вместо того, чтобы управляться эгоистическими желаниями и мелкими интересами, должны регулироваться нормами морали. Посланник Аллаха определил основную цель своей великой миссии словами: «Я был послан для того, чтобы усовершенствовать нравственность» [2, с.4].

Под нравственностью понимаются принципы, ценности, нормы, определяющие человеческое поведение. Нравственная культура имеет два основных аспекта: ценности и правила поведения. В качестве нравственных ценностей можно назвать честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм и другие. Правила поведения ориентированы на нравственные ценности. В любой национальной культуре, мировой религии существует определенная система общепризнанных нравственных норм, правил. «Золотым правилом» нравственности является тезис: «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». Ислам строит отношения между людьми на двух принципах: на основе братства и уважения личности. На основе главных нравственных качеств, ислам выстраивает более высокую систему морали, помогая человеку реализовать свой потенциал. Ислам предупреждает и предостерегает от тирании, распутства и непослушания. Он формирует богобоязненных людей,

преданных своим идеалам, включает чувства моральной ответственности и воспитывает способность к самоконтролю. Как утверждает мусульманская религия, воспитание совершенного человека начинается даже не с детства, а уже до никаха его будущих родителей. Какую жизнь ведет мать, отец, как живут, связав себя узами брака, какую пищу употребляют, как одеваются — все это важно. Правильное воспитание начинается с красивого имени и дозволенной (халаль) пищи. Вовремя сделать суннат мальчику — обязательно. Это делается для того, чтобы ребенок жил, выполняя повеления Аллаха, и отстранялся от Его запретов. Проколоть ухо девочке и повесить серьги тоже считается хорошим делом. Никах — это заявление обществу, сделанное теми душами, которые понравились друг другу, и данное ими заранее обещание человечеству: «Мы будем жить, как повелел Аллах». Если они смогут устроить жизнь по приказу Аллаха, то результатом этого никаха будет благочестивый, здоровый ребенок, а приучив ребенка читать намаз, родители не только обеспечат его средством защиты, но и дадут ему в руки механизм, защищающий здоровье организма. Отметим и то, что после никаха молодой семье поручаются три разные обязанности: самая первая обязанность — это забота о родителях.

Дети, начав самостоятельную жизнь, обязаны хорошо понять, что они не должны забывать родителей.

И начиная с первого дня, забота о родителях обеих сторон полностью переходит к молодым. Вторая обязанность: обязанности мужа перед женой, а у жены перед мужем.

И третьим поручением из обязанностей никаха является то, что молодые родители должны выполнять свои религиозные обязанности по отношению к детям, хорошо воспитывать и стараться вырастить их настоящими людьми:

1. Родители обязаны заниматься воспитанием детей с малых лет. Они должны оградить их от негативных влияний, воспитывать в них хорошие качества. Родители должны строго воздерживаться от употребления в своей речи нецензурных слов, лжи и не совершать плохих поступков. Родители должны относиться к детям серьёзно, справедливо и великодушно, чтобы они могли перенять у них положительные качества.

2. Родители должны уделять внимание и обеспечивать такие первоначальные потребности ребёнка, как сон, еда и др., чтобы он вырос здоровым и умным.

3. Родители ответственны за обучение ребёнка и должны в определённое время (обычно, когда ребёнку исполняется 7 лет) отдать его в школу, чтобы он научился грамоте и хорошему поведению.

4. В определённый момент родители обязаны ознакомить своих детей с традициями общества и научить его общепринятым нормам поведения в обществе.

Каждое религиозное предписание предназначено для определённого возраста, все они становятся обязательными к совершеннолетию, а пожилые и старые люди освобождаются от некоторых обязанностей, но приобретение знаний обязательно с рождения и до самой смерти. В целом строгое следование традиций является важным принципом ислама, сохраняющим свое регулирующее значение. Али Аль-Хашими отмечает, благоразумный родитель-мусульманин знает, как найти подход к душам своих детей и привить им мудрость и хорошие нравственные качества. Для этого он использует такие разумные методы воспитания, как хороший личный пример, доброта и простота в обращении и общении с детьми, проявление о них должной заботы, милосердие, приветливость, любовь, внимание, поощрение, справедливость, сердечное отношение, руководство и старание направить их на путь истинный с помощью мягкости, не имеющей ничего общего со слабостью, и строгости, которую он не смешивает с суровостью. Благодаря этому его дети растут в атмосфере любви, внимания и нежности, что неизбежно приводит к тому, что из них получаются благочестивые, верные, праведные, гармонично развитые, трезвомыслящие, щедрые и ответственные люди. Все это является само собой разумеющимся для каждой семьи, воспитанной на принципах ислама и установлениях Корана [3, с. 111]. Как отмечает И.М. Хами-

тов, рассматривая воззрения народа на воспитание и формирование личности человека, очень важно проследить отношение народа к семье [5, с. 237]. Семья — это первичная ячейка общества. Она воздействует на человека на протяжении всей его жизни. И именно в семье закладываются основы всех компонентов личности. Доброжелательная атмосфера, создаваемая родительской любовью к детям, весь уклад семейной жизни способствуют приобщению ребенка к миру социальных ценностей и отношений, к интеграции физического и духовного развития личности. Кроме того, семья, это хранилище определенных культурных, религиозных традиций, которые оказывают влияние на личность каждого из ее членов, особенно на молодое поколение. Традиции и обычаи служат своеобразной программой воспитания подрастающего поколения.

Ш. Марджани писал, что три вещи, если даже и не относятся к религии, сохраняют религию: национальный язык, национальная одежда, национальный обычай. В семейном воспитании четко выделяется традиция формировать у детей знание своей родословной. Вся народная этика сводится главным образом к семейной нравственности, основанной на чувстве родства. В этом залог преемственности поколений, сохранения фамильной чести, уважения к предкам. Житейские правила и приемы воспитания — это первые законы, с которыми человек встречается в сво-

ей жизни. Они рождаются в семье. Многие поговорки и пословицы, народные сказки, по существу, стали не писаными законами воспитания, своего рода моральным кодексом семьи. Семья дает изначальный опыт самоуправления, общественного труда, распределения обязанностей и т.д. Дети, включенные в систему семейных обычаев, домашних привычек и традиции, воспитываются незаметно для самих себя, естественно и просто. Сила воспитательного воздействия семейных традиций заключается в том, что дети не только видят примеры поведения и взаимоотношений старших, но и сами вступают в различные отношения с ними и активно участвуют. И.И. Брехман отмечает, лучший педагог — родители; они для детей и компас, и маяк, и барометр... Как они обращаются с вином — это урок на всю жизнь, пример для подражания. Это показывает, сколь важен для ребенка пример родителей, взрослых. Он воспринимает от них правила поведения не потому, что сам убедился в разумности и необходимости этих правил, а потому, что они исходили от высшего для него авторитета [4, с. 72]. Интересно и высказывание В.А. Сухомлинского, забота о здоровье невозможна без постоянной связи с семьей [8, с. 54].

Дети с удовольствием работают вместе с родителями, пример труда родителей их увлекает, они горды сознанием того, что им доверено участие в семейном труде. Но необходимо помнить о систематичности этих

занятий, и знать то, что делается от случая к случаю, в зависимости от настроения, теряет свое воспитательное значение. В интеграции физического и духовного развития личности большое значение имеет как отец, так и мать. Само представление о мужском воспитании, прежде всего, приводит к мысли о строгости, режиме, неукоснительном порядке, но мужская требовательность хороша и тем, что в ней меньше педантизма, скучной назидательности. Как сказал пророк Мухаммед: «Самое лучшее наследие, доставшееся от отца ребенку, — это хорошее воспитание» [9, с. 4].

Главным средством воспитания выступает личный пример, а все необходимые навыки вырабатываются сами собой, методами простого подражания. Главное, чтобы в доме, в семейном кругу укреплялись обычаи, порядки интеграции физического и духовного развития личности, переступить которые нельзя не из страха перед наказанием, а из уважения к устоям семьи, к ее традициям, ко всему тому, что в ней принято и что отвергается. В исламе предписано, что отец, как главная личность, обязан материально обеспечивать семью и защищать детей от опасностей, а мать руководит воспитанием ребенка, отец только ее помощник, но все же, перед глазами ребенка отец должен быть защитой, опорой, хранителем семьи. Как утверждает ислам, в младенчестве у ребенка преобладают «ангельские качества». Под влиянием

окружающих людей, употребляемой пищи в ребенке начинают расти «животные качества». Радоваться только тому, что ребенок растет, прибавляя в весе, — это не воспитание. Все свои силы и внимание родители должны направить на то, чтобы у ребенка сохранились «ангельские качества». По исламу, человеческая сущность состоит из тела и духа, и человек обязан хранить их в чистоте и порядке. Как подчеркивает ислам, твердость и слабость веры зависит от употребляемой пищи, поэтому она должна быть дозволенной (халаль) и получена разрешенным путем. Д. Фазлыев отмечает: «Забота о дозволенной пище — это забота о будущем поколении» [9, с. 48].

Кроме того, существуют правила приема пищи. Пищу необходимо употреблять только правой рукой. Есть, спеша, глотать не пережевывая, есть, и пить слишком горячее, есть вместе холодную и горячую пищу, есть очень много — макрух (порицаемо). Есть в сытом состоянии — харам. Уходить из-за стола не наевшись — суннат. Есть много дозволено лишь тогда, когда угощаешь гостя, а также во время сухура (завтрак на заре во время поста). В Коране сказано: «Ешьте и пейте, но не излишествуйте: ведь Он не любит излишествующих!» [9, с. 48]. Мусульманская религия в своих предписаниях обеспечила гигиену человеческого организма, в ней существуют конкретные предписания для охраны здоровья человеческого тела и духа. Гигиена

и чистота — два неразделимых понятия. В исламе этим понятиям уделяется огромное внимание, которого нет в других религиях. Пророк сказал: «Чистота (исходит) от веры». Это изречение является самой высокой оценкой чистоты. Имам Али подчеркивал: «Как прекрасна баня, очищающая человека от грязи». В числе первых сур, ниспосланных пророку, была сура «Завернувшийся», в четвертом аяте этой суры Всевышний предписывает совершать намаз в чистой одежде и вообще призывает мусульман к соблюдению чистоты в повседневной жизни. Пророком сказано: «Человек должен носить чистую одежду». Имам Али отмечал: «Очищение одежды устраняет мрачное настроение и депрессию и способствует принятию Всевышним намаза». Намаз — это основа мусульманской религии. Как говорит пророк мусульман: «Намаз — опора религии...». Одним из преимуществ намаза заключается в том, что намаз, удерживает человека от совершения негативных поступков, так как мусульманин, соблюдающий традиции и правила намаза, никогда не совершит плохого поступка.

Исламское учение уделяет ему огромное внимание, и даже в состоянии агонии призывает человека совершать его. Если больной не в состоянии прочесть вслух молитвы, то он должен произнести их про себя, и если человек настолько слаб, что не в состоянии совершить намаз, стоя, то ему предписывается читать на-

маз, сидя, и, если не в состоянии сидеть, то должен совершить намаз лёжа. Значит, мусульманин в любых условиях должен совершать намаз. Намаз — это не только телесное поклонение, это — сердечное, духовное поклонение, а если намаз является телесным поклонением, значит, он становится физкультурой или гимнастикой. Исходное положение в намазе идентично «основной стойке» физкультурника. Поклоны в намазе оказывают положительную роль на позвоночник и работу таких органов, как кишечник, легкие. Намаз завершается поворотом головы направо и налево. Данные упражнения являются исключительно ценными для лечебной гимнастики шеи, ибо в шейной части расположены нервные сплетения. Повороты препятствуют отложению солей на нервных окончаниях. Во время совершения пятикратного намаза, который насчиты-

вает 29 частей, упражнения чередуются с расслаблением. Кроме того, значение поз намаза заключается в их строгом чередовании и во времени, что способствует выработке условных рефлексов, то есть динамического стереотипа. Однако молитвы и заклинания, по мнению Ш. Марджани, будучи абсолютно бесполезными для организма больного, могут иметь лишь психологическую значимость [1, с. 126].

Таким образом, исламская культура, священная книга Коран, хадисы и другие источники мусульманской религии содержат в себе вопросы гигиены, здоровья, педагогические взгляды и многовековой опыт народного воспитания, а рассматривая ислам как образ жизни мусульман, можно с уверенностью сказать, что это и есть система интеграции физического и духовного развития личности.

Источник: Галиев Р. Р., Газизов Ф. Г., Маликов Р. Ш. Исламская педагогика об интеграции физического и духовного развития личности // Молодой учёный. 2012. №1. Т.2. С. 71–74. <https://moluch.ru/archive/36/4151/>

Сергей Маркус

НАСИМИ — ПОЭТ НЕВМЕСТИМОГО

В этом году исполнилось 600 лет со дня трагически неизбежной казни великого поэта Азербайджана — Сейида Али Имадеддина Насими (1370-1417). Произошло это в городе Халеб (Алеппо, современная Сирия) и неоднократно было предсказано им самим в стихах. Ведь он был последователем того самого суфия Мансура Халладжа, который ещё в X веке был казнён в Багдаде. Насими повторил его формулу жизни и смерти: через мистические откровения Всеединства он шёл к мученической казни от современников, причисливших его к еретикам. Похоронен он в Халебе в семейном пантеоне, который и ныне почитается святилищем. Побывавшим там паломникам присваивается почётное имя «насими».

Так что же это за человек, ставший классиком азербайджанской поэзии, переведённым на многие языки мира, и почему за публичное чтение его стихов и пропаганду его идей многие — уже вслед за ним — шли на мученическую смерть?

Не обольщая себя простым ответом, признаем: Насими — один из самых загадочных поэтов и его опыт, хоть его и пытаются приписать к каким-то «измам», по сути, не вмещается в формы обыденного языка, в привычную картину мира.

Для своего времени Насими был эрудитом: настолько хорошо владел языками, что в равной степени легко сочинял на азербайджанском, фарси

и арабском. Что касается его азербайджанского, то следует отметить, что он очень богат и в то же время близок к народной речи, обогащён множеством пословиц, поговорок и крылатых фраз. Его рубаи близки к народным стихам-баятам. Кувшин его поэзии полон образов и имён великих поэтов и учёных Азербайджана и других стран Востока — Ибн Сины, Хагани, Низами, Фелеки, Халладжа, Фазлуллаха Наими, Шейха Махмуда Шабустари, Овхади Маргаи и многих других.

Однако не забудем и о том, что окончательное формирование азербайджанского литературного языка произошло позднее, уже в XVI сто-

летию, в правление Сефевидов и под пером гения Мухаммеда Физули. Таким образом, мышление Насими можно обозначить как трёхязычное, совмещающее логику арабских, персидских и тюркских языковых моделей мира.

Родился он в 1370 году в Ширване. Некоторые исследователи, правда, считают, что он родом из Баку, но большинство согласно в мнении, что место его рождения Шемаха — столица государства Ширваншахов.

Отец поэта Сейид Мухаммед был хорошо известной в Ширване личностью. Был у него и брат, писавший стихи под псевдонимом Шах Хандан (он и похоронен в Шемахе на древнем кладбище, носящем теперь его имя). Как известно, этот город слыл одним из крупных центров культуры Ислама. Весь Восток знал его славные школы, поэтические и музыкальные медресы. Были там богатые общественные и частные библиотеки. А в местечке Мальгам, близ столицы, сияла Медицинская академия (Дар ушшура), созданная дядей Хагани — выдающимся врачом Кафиядином.

Шемаха одарила мир целой плеядой учёных и поэтов, среди которых особенно велико имя поэта Хагани. Вот в такой насыщенной учёностью и искусствами среде прошли школьные годы Насими. Здесь он смог получить образование, соответствующее вершинам того времени: прекрасно знал классическую литературу и философию Востока и Древней Греции, мусульманское и христианское богосло-

вие, медицину, астрономию и астрологию, математику и логику.

Но его время было исключительно тяжёлым для Азербайджана: он подвергался нашествиям Тимура с юга и монгольского золотоордынского хана Тохтамыша с севера. Повзрослев, Насими стал самым ярким выразителем сначала едва терпимого, а потом и гонимого учения — хуруфизма, от арабского «хуруф» — буква, алфавит.

Хуруфиты анализировали 28 и 32 буквы арабского и персидского алфавитов, утверждая, что без них нельзя познать ни Бога, ни человека, ни мира. «Ты — свиток истины самой», — говорили они о человеке и учили прочитывать тайны человека по его лицу. Основателем учения был крупный азербайджанский философ и поэт Фазлуллах (Фазл) Наими Тебризи. Считается, что своё учение он раскрыл в Тебризе приблизительно в 1386 году, но центром его стал Баку. Наими даже пытался привлечь на свою сторону Тимура, но его арестовали и в 1394 году казнили в крепости Алинджа-кала близ Нахчивани, где он и похоронен.

Исследователи хуруфизма пытаются определить его истоки. Очень вероятно, что они уходят далеко за пределы феномена «исламской цивилизации». Чувствуется продолжение пифагорейства в исламской среде (посредством Ибн Халдуна), зороастрийская эзотерика букв и цифр, ведическая традиция аналитики значения слова-цифры-звука в их синтезе, древняя физиогномика...

Парадоксальна также социальная роль хуруфизма в утверждении азербайджанской идентичности и защитой национальных интересов Азербайджана перед натиском Тимура. Почему Тимур так озлобленно преследовал и казнил хуруфитов — если это была только «отвлечённая от жизни» мистика и аналитика букв и цифр?..

В 20 веке стали говорить даже (на языке европейской философии) о «гуманизме», «гуманистическом учении» хуруфитов и самого Насими.

... Следуя указаниям Наими, видные хуруфиты покинули родные места. Насими странствовал по Турции, Сирии, Египту и другим арабским странам. По стихам видно, что он посетил Баку, Багдад, Бурсу, Шемаху, Халеб... В Турции, в Бурсе сблизился с известным поэтом Шейхи, первым переводчиком на турецкий язык поэмы Низами «Хосров и Ширин», создателем и главой знаменитого дервишского ордена Бекташийя Гаджи Вали Бекташи.

В Анатолии он завоевал большую любовь у местного населения. Во время скитаний Насими подвергался гонениям и даже тюремным заключениям, «месяцами и годами заключённый в темницах», но его это не остановило. Пламенные стихи переписывали, учили наизусть, читали и распевали на базарных площадях. Согласно легенде, именно это и привело его на эшафот в Халебе, хотя есть версия, что тому виной была всё-таки политика. Разобраться в этом и всё уточнить — чрезвычайно сложно,

практически невозможно. Однако, для истории культуры важнее даже не строгая фактология (которая до сих пор дискуссионна). В историю Востока смерть Насими вошла в такой форме.

Молодой хуруфит, ученик поэта, на базаре читал стихи своего учителя. Его схватили, но ради спасения учителя стихи он объявил своими — его приговорили к смертной казни через повешение. Эта весть дошла до Насими, который в то время чинил башмаки у сапожника. Поэт поспешил к месту казни и сам заявил о своём авторстве.

В арабской книге «Кунуз-уз-захаб» об этом сказано так: «Веротступник Али Насими был казнён во времена Йашбека. В то время в Дар-уль-адле (Дворец правосудия) в присутствии нашего шейха ибн Хатиба ан Насири и наиба верховного кадия шейха Иззуддина Шамуддина ибн Амин-уд-Довле, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина аль-Ханбали рассматривалось дело об Али аль-Насими. Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинялись ему. Об этом сказал кадиям и богословам города некий ибн аль-Шангаш Алханадан. Судья ему сказал: «Если ты докажешь то, что говоришь о Насими, я не казню тебя». Насими произнёс «Келме-и-шахадет» (молитва о том, что будет говорить правду), поклялся и отверг то, что говорили о нём. В это время появился шейх

Шихабуддии ибн Хилал. Заняв почётное место в медресе, он заявил, что Насими — безбожник и должен быть казнён, даже если вздумает исповедаться, и спросил: «Почему же не казните?» Аль-Малики ответил ему: «Напишешь ли ты приговор собственноручно?» Тот ответил «Да» и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики сказал: «Кадии и богословы не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основании твоих слов?» Йашбек сказал: «Я его не знаю. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождём, что султан прикажет». На этом медресе разошёлся, а Насими остался в темнице.

О деле его было доложено султану Муайяду: тот приказал содрать с него кожу, и тело в течение семи дней выставить на всеобщее обозрение, отрубить руки и ноги и отправить Алибеку ибн Зулгадару, его брату Насреддину и Осману Гарайолуку, которых Насими также сбил с пути. Так и сделали. Этот человек был гуром и мулхидом (богоотступником). Упаси Боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Стойкость и мужество Насими породили в народе множество легенд. До последнего его вздоха он не признал вины и повторял: «Аналхак!» («Я — истина»), при этом не упустил случая поиздеваться над тупоумными палачами. Один из богословов, присутствовавший на казни, воскликнул: «Этот человек хуже са-

таны; проклято место, куда упадёт капля его крови, то место должно быть выжжено огнём, отрублено мечом!» — и как по волшебству на его палец упала капля горячей крови поэта. Толпа, возбуждённая знаменем, потребовала отрубить ему палец. Тот, защищаясь, стал увиливать: «Это я сказал между прочим, об этом ничего нет в Коране». На что Насими ответил двустушием, ставшим впоследствии пословицей:

Если отрубить хоть один палец захиду — он отвернётся от Бога.

Взирайте на несчастного ашуга: с него кожу сдирают, а он не плачет...

Согласно другой легенде, после очередного возгласа Насими «Аналхак» его спросили: «Какой же ты бог, если бледнешь, теряя кровь?» Поэт ответил: «О невежда, ты не можешь уразуметь, что я — солнце любви на небосклоне вечности. А перед закатом солнце всегда бледнеет!»

«Тонкие стихи» Насими живы до сих пор, а имена его мучителей никому не интересны и вспоминаются лишь в связи с поэтом. Его вклад в литературу Востока и особенно Азербайджана бесспорен. Но до сих пор остаётся загадкой: что же двигало этими людьми — Насими и его прямым учителем Наими, его далёким вдохновителем Халладжем и их учениками? Они были блестяще образованны. Совершенно очевидно — были пламенно верующими. А то, что средневековые кадии и улемы назвали их «богоотступниками» — крайне спорно.

Казнить же таких людей — значит прямо нарушать заповедь Корана «нет в религии принуждения» (2:256).

Так что же им было открыто такого, что они презирали смерть? И спокойно осознавали свою невместимость в среду современников? — Быть может, состояние души, переданное в этих стихах:

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том и убеждаюсь в том,
Что бог — любой из нас, из сыновей Адама!

И не к нам ли обращены горькие слова Насими:

О ты, в двоичности погрязший целиком,
Поверь, что мы с тобой ни в чём
не совпадаем!

Какова же память о Насими в России и на его родине в Азербайджане, а также в Алеппо?

В советское время, с его высокой школой стихотворного перевода, в рамках государственных программ взаимного ознакомления граждан страны во имя «дружбы народов СССР», к юбилею Насими были изданы переводы на русский язык. Причём, в исполнении одних из лучших в этом деле поэтов-переводчиков Наума Гребнева и Константина Симонова. Вот эти книги, остающиеся и по сей день главными «окнами русскоязычного читателя» в мир Насими. Перечислим их: 1. Насими. Лирика. Перевод Наума Гребнева и Константина Симонова с азербайджанского и

фарси. Четверостишия (рубай) в переводе Н. Гребнева. Предисловие: Мирза Ибрагимов. Примечания. «Художественная литература», Москва, 1973. 358 с. Тираж 25 тысяч экземпляров. 2. Имадеддин Насими. «Рубай». Перевод с азербайджанского Наума Гребнева. Азербайджанское государственное издательство. Баку 1973. Тираж 10.000 экз. 3. Имадеддин Насими. Избранная лирика в двух томах. Баку, Издательство Азернешр, 1973. Предисловие: Мирза Ибрагимов. Разные переводчики. Четверостишия. Перевод Наума Гребнева.

Коллекционерам-филателистам известна замечательная почтовая марка СССР, посвящённая И. Насими, 1973 год. На ней — строгий графический «портрет», сделанный народным художником СССР Микаилом Гусейн оглы Абдуллаевым. Естественно, что все изображения его облика могут называться «портретами» лишь условно, ибо нет никаких следов его изображений в Средневековье.

16 сентября 2017 г. в Большом зале Музея Николая Островского (Москва, Тверская, 14) состоялся литературно-музыкальный вечер памяти Имадеддина Насими «Чтоб свет любви познать...», который мне довелось вести вместе с Аидой Соболевой. Организатором выступил Международный Союз Поэтов, который возглавляет Ирайда Виноградова.

Среди выступлений особое внимание привлекли стихотворения современных российских поэтов, свидетельствующие об интересе к его судьбе.

НАСИМИ

На семи цветах замешен белый,
 Чёрный — тоже на семи.
 — Бог, спаси себя, хоть что-нибудь
 да сделай! —

Палачи кричали Насими.
 Корчась под ремнями снятой кожи,
 Подавив, как вопль, восторг,
 Еретик в сердцах воскликнул: «Боже!» —
 Каплю крови от себя отторг.
 Можно было опровергнуть кровью,
 Красной кровью затереть пробел.
 Но палач, терзаемый любовью,
 Содрогнулся — пальца пожалел.

*1975 год. Впервые напечатано
 в книге М.Синельникова
 «Аргонавтика», Тбилиси, 1980 г.*

Ольга Эль-Джеши (Федина)

ИМАДЕДИНУ НАСИМИ

Поэт, ты — Истина! Ты — Свет!
 Всевышнего Словами светишь!
 И ничего важнее нет,
 Чем дать нам откровенья эти.
 А после — Солнцем умирать,
 Бледнея гордо перед ночью,
 Найдя навечно благодать
 В созвездиях бессмертных строчек.
 На многих языках земли,
 В бесчётных уголках планеты
 Звучит твой Голос, Насими!
 Свет помнят твоего Рассвета!

Твой прах теперь — земная твердь.
 Ты — не вместишься и в смерть!

7 января 1992 г.

ВОПРОСЫ ЦВЕТАМ БЕССМЕРТНЫМ

Цветы Исуса — розы да шиповник,
 Халладж любовь в зерне пустом обрёл,
 Аввакум — кровь рябин, очаг —
 терновник,
 А Насими — как Купина процвёл.

Четыре цвета не дают покоя:
 Исус, Халладж, Аввакум, Насими.
 Скажите: не боясь ни смерти, боли,
 В огонь креста — как вы смогли войти?

Живое — рождено. И свято — воплощенье.
 Мембраны боли действительно важны.
 Как мельниц лепестки, в защиту
 от раненья,
 Они даны творенью. Жить нужны.

«Что там, за болью, за крестом, за стра-
 хом?» -
 Кричат глядящие — «Вы — в царстве
 немоты».

Молчание небес блаженствует над прахом,
 Росу рассыпав в жаркие цветы.

Цветы Исуса — розы да шиповник,
 Халладж любовь в зерне пустом обрёл,
 Аввакум — кровь рябин, очаг —
 терновник,
 А Насими — как Купина процвёл.

8 ноября 2017 г.

На родине Насими, в Азербайд-
 жане — подлинный культ поэта.
 Можно сказать, что он наделён здесь,
 особенно после обретения государ-
 ственности Азербайджаном после

распада СССР, культуро- и социо-образующими ролями «отца азербайджанской культуры», «камертона языка», «героя нации». Так, к примеру, в его честь названы: Институт языкознания имени Насими НАН Азербайджана, Насиминский район в Баку, «Насими» — станция метро в Баку, Средняя городская школа N 2 имени Насими (Балакен), улицы в Агджабеди, Худате и Баку, сёла Насими в Сабирабадском и Билясуварском районах, а также Насимикенд в Саатлинском районе, сухогрузный теплоход «Насими» Каспийского Государственного Морского Пароходства, парк в Сумгаите и пр.

В 1973 году в честь 600-летия Насими азербайджанским режиссёром Гасаном Сеидбейли был снят одноименный фильм. Главную роль сыграл Расим Балаев. А озвучивал его проникновенный и широко известный в России голос Вячеслава Тихонова, что дало особо глубокий эффект симпатии и понимания для воспитанного в русской культуре зрителя. Фильм был снят на киностудии «Азербайджанфильм».

Но, что стоит особо отметить — премьера состоялась 14 июля 1975 года в Москве. Фильм не утратил своего обаяния и в наши дни. Даже удивительно, что в годы господства антирелигиозной цензуры при советской власти в нём достаточно открыто и ярко показан духовный мир мусульманского Средневековья. И добавим также — очень корректно поданы сцены жестокостей и насилия, вклю-

чая мучительную гибель поэта. Это сильно отличает «антикультуру кино-насилия», которая воцарилась в последнее время под влиянием американских поделок «голливуда». Такой фильм — добротная классика исторического кино советского времени — вполне приемлем для показа в цикле занятий с детьми и студентами по курсам исламской истории и культуры (естественно, с дополнениями и комментариями подготовленного по теме педагога, возможно, в дискуссии с некоторыми тезисами и фразами героев фильма).

Послание поэта увлекает не только мастеров кино. В 1973 году по случаю 600-летия Насими азербайджанский композитор Фикрет Амиров создал хореографическую поэму (балет) «Сказание о Насими». В 1980 году в Баку установлен памятник Насими. Скульпторы — Т. Мамедов и И. Зейналов; архитекторы — А. Гусейнов и Г. Мухтаров (бронза, гранит). Есть памятник и барельеф в Шемахи, на его предполагаемой родине.

Естественно, наследием Насими серьёзно занимались и занимаются ныне и филологи, и историки религии. К примеру, ещё в советское время феномен хуруфизма исследовала Зумруд Аликули кызы Кулизаде — доктор философских наук, профессор, заведующая отделом Истории философии и общественной мысли Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана. Она — крупный знаток восточной философии, главный

редактор журнала «Проблемы восточной философии». Ею написаны такие труды, как «Хуруфизм и его представители в Азербайджане» (Баку: Изд. АН Азерб. ССР, 1970); «Насими — философ и поэт Востока» (Баку: Гянджлик, 1973). А также «Имадеддин Насими. Очерки по истории азербайджанской философии» (Баку, 1966); персональная статья в «Философской энциклопедии» (Т. 4. М., 1967) и пр.

А что же имеется в том самом Халебе (Алеппо), где завершилась его земная жизнь? Останки растерзанного поэта были погребены в семейном пантеоне, который ныне почитается святилищем. Паломникам, посещающим это святое место, как мы уже упоминали, присваивается почётное имя «насами». Это древняя традиция: совершивший хадж в Мекку — «хаджи», паломничество в Мешхед или Кербелу — «мешхеди» и «кербелай». Такое символическое наименование — своего рода «посвящение», оно означает, что паломник проникся особым духом и имеет теперь особую тесную связь с этим местом (человеком) до конца своей земной жизни. Это часть, говоря современным языком, персонального духовного багажа личности.

Сам же комплекс мавзолея Насими расположен в исторической части города, у подножия старинного замка Алеппо — его цитадели, которая внесена в 1986 году в список объек-

тов Всемирного наследия ЮНЕСКО как «Старый город Алеппо». Там есть улица, носящая имя поэта.

Могила Насими — в центре мавзолея. Во дворе находятся и могилы представителей этого рода, а также небольшая молельня. Здесь же захоронены слуга поэта и... жена тогдашнего правителя Алеппо. Ключи от мавзолея хранятся у потомка рода Насими — Мухаммеда Мадхух Насими и его детей.

В наши дни, после разрушений гражданской войны в Сирии, предстоит огромный труд по восстановлению Алеппо и его памятников истории и культуры, в чём особую помощь окажут специалисты из России. Однако, в первую очередь заботу о своём великом земляке проявляют интеллигенция и власти Азербайджана, Министерство культуры и туризма Азербайджана регулярно проводит конференции, финансирует издания и реставрацию мемориальных мест «насами».

Как хранят память о трёхязычном поэте и передают эстафету понимания и увлечённости его сочинениями на арабском и фарси — ещё две огромные темы, требующие отдельного описания...

Одно несомненно: наследие Насими, его духовное послание дороги всем людям планеты. Забота о сохранении памяти о нём и углубление в его слово — задача каждого нового поколения.

Саша Чёрный

БОЛЬНОМУ

Продолжаем тему «исламские мотивы в русской поэзии» стихотворением, в котором автор передаёт мудрость Сулеймана (царя Соломона). Это, пожалуй, одно из самых вдохновляющих и ободряющих стихотворений в творчестве известного русского поэта Серебряного века Саши Чёрного (Александр Михайлович Гликберг (1880-1932)). Поделитесь им с теми, кто, кажется, уже готов сдаться и опустить руки.

БОЛЬНОМУ

Есть горячее солнце, наивные дети,
Драгоценная радость мелодий и книг.
Если нет — то ведь были, ведь были на свете
И Бетховен, и Пушкин, и Гейне, и Григ...

Есть незримое творчество в каждом мгновеньи —
В умном слове, в улыбке, в сиянии глаз.
Будь творцом! Созидай золотые мгновенья.
В каждом дне есть раздумье и пряный экстаз...

Бесконечно позорно в припадке печали
Добровольно исчезнуть, как тень на стекле.
Разве Новые Встречи уже отсияли?
Разве только собаки живут на земле?

Если сам я угрюм, как голландская сажка
(Улыбнись, улыбнись на сравненье моё!),
Этот чёрный румянец — налёт от дренажа,
Это Муза меня подняла на копьё.

Подожди! Я сживусь со своим новосельем —
Как весенний скворец запою на копье!
Оглушу твои уши цыганским весельем!
Дай лишь срок разобраться в проклятом тряпье.

Оставайся! Так мало здесь чутких и честных...
Оставайся! Лишь в них оправданье земли.
Адресов я не знаю — ищи неизвестных,
Как и ты, неподвижно лежащих в пыли.

Если лучшие будут бросаться в пролёты,
Скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц!
Полюби безотчётную радость полёта...
Разверни свою душу до полных границ.

Будь женой или мужем, сестрой или братом,
Акушеркой, художником, нянькой, врачом,
Отдавай — и, дрожа, не тянись за возвратом.
Все сердца открываются этим ключом.

Есть ещё острова одиночества мысли.
Будь умён и не бойся на них отдыхать.
Там обрывы над тёмной водою нависли —
Можешь думать... и камешки в воду бросать...

А вопросы... Вопросы не знают ответа —
Налетят, разожгут и умчатся, как корь.
Соломон нам оставил два мудрых совета:
Убегай от тоски и с глупцами не спорь.

1910 год

Михаил Синельников

Я ЛЮБИЛ ЕГО.

К СТОЛЕТИЮ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Я родился в Ленинграде, но сознательные (относящиеся, примерно, к двум с половиной моим годам) воспоминания связаны с жизнью в Джалал-Абаде. Одно из первых: я стою во дворе дома, вокруг цветут ромашки, георгины, астры, и все они выше моей головы. В это время на меня внимательно смотрит странный человек в выгоревшей военной форме — лысый и усатый. Это ссыльный Кайсын Шуваевич Кулиев, вместе с фрунзенским поэтом Сергеем Андреевичем Фиксиным (другом юности Твардовского), навестивший моего отца. Приезды эти повторялись... Прошло много лет. Знакомство с Кулиевым возобновилось. Мы сблизились. Я даже стал переводчиком его поздней лирики.

Кулиева я любил и люблю, уважал и уважаю. Мои чувства разделяли и разделяют многие современники. Он был человеком большой культуры

и, конечно, отнюдь не случайно Пастернак писал ему в ссылке столь замечательные письма. Но кроме того он был человеком исключительного обаяния, отваги, боевого задора, сочетавшегося с бесподобным юмором, истинного мужества и благородства (для рассказов о нем понадобились бы главы воспоминаний).

Поразительно его стихотворение, обращенное к Киргизии и киргизам, которым он выражает благодарность за сердечное гостеприимство и желает, чтобы их никогда не постигла судьба его народа. Конечно, он был подлинным интернационалистом. Его стихи читала вся страна. его любили и в Средней Азии и на всем Кавказе, и во всех республиках Закавказья.

Грузинский поэт Симон Чиковани, умирая, собрал поэтов младшего поколения и завещал им сохранить дружбу с Кулиевым. Поэт небольшо-

го народа Кулиев, казалось, был равновелик целой большой литературе.

Из русских стихов, посвящённых ему, можно составить книгу. В раз-

ные годы жизни и у меня возникали такие стихи. Ниже следует один мой перевод и два собственных стихотворения.

Кайсын Кулиев

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Необозримый мир заполнил это имя,
А композитор был на той земле рожден,
Что в синеву взошла нагорьями седыми,
Он жил от них вдали, в разлуке умер он.
Не музыку его сиянье озаряло
Высокой и крутой отеческой земли...
В ней проливался дождь на лозы и на скалы,
Пастушьего костра в ней языки цвели.
Расцветший абрикос и влажный шелест луга
И волчий вой в ночи, и ровный топот стад,
И белизна вершин, глядящих друг на друга,
Как смотрят сквозь туман Эльбрус и Арарат;
И женская рука, срезающая гроздь,
И мальчик, что, смеясь, подносит гроздь ко рту,
И путника боязнь в безмолвии предгрозя.
И в молнийном огне орешники в цвету;
Дороги древних гор, дороги, по которым
И нищий и пророк прошли в какой-то миг,
И лиственная тень, причудливым узором
Застлавшая холмы, и материнский лик;
И зелень муравы, и злой багрец кизила,
Раздумья мудрецов, глядящих на закат,
И пляска молодых — все музыкой пронзило,
Все в музыку вошло и выросло стократ.
Великий музыкант, он помнил эти кряжи,
Хоть жил вдали от них и умирал вдали.
Все ближе высота, все круче путь... Когда же
Он понял: смерть пришла, — не позабыл земли!
Он умер вдалеке, но пожелал он все же
Лежать в родной земле, восстановить родство
С отеческой землей, таинственно похожей
На снящуюся мать и музыку его.

УЛИЦА КУЛИЕВА

Улица Кулиева в Бишкеке.
Грязные ограды высоки.
Хмурые уйгуры и узбеки,
Белые киргизов колпаки.
Русские столыпинской закваски,
Ставни и заборы из тесин.
Хижина, где жил поэт кавказский,
Виданный в младенчестве Кайсын.
Дом, где ждал он писем Пастернака.
Сизых гор волшебный полукруг,
Мусор, шелудивая собака,
Кладбище, где мой схоронен друг.
Сизый дым и вывеска харчевни,
Кушанье Китая «ашлам-фу»,
Запах роз и нежность пыли древней,
Выплывает детство, как в тифу.
Ночью — жар и ветра опахало.
Я не сплю и не включаю свет.

Для чего мне это? Разве мало
Всех былых и предстоящих бед?
Все равно отречься не сумею
И чужую понесу беду.
Темную, чумную «Одиссею»
Через «Илиаду» проведу.
В отцовском столе
Письма здесь за стопкой стопка
Придавили полувек,
А под ветошью коробка
С резкой надписью «Казбек».
В этом доме не курили,
Разве кто-нибудь занёс,
Но — лишь запах цепкой пыли,
Малость целых папирос.
Жизней канули окурки,
И картинка так стара –
Скачет всадник в чёрной бурке,
Блещет белая гора.
Это времени лавина
И влечет в пепел лет
От Кулиева Кайсына
Неожиданный привет.

Сергей Маркус

РАЗГОВОРЫ С КАЙСЫНОМ КУЛИЕВЫМ

ДЫМКА В ГОРАХ

А где же колыбельная её,
Что берегла младенчество моё,
Неся покой и отгоняя страх?
Должно быть, стала дымкою в горах...

Кайсын Кулиев «Среди родных камней»

68

Давно нет мамы. Кто же колыбельно
Нам шлёт дожди и дымкой среди гор
Выводит, будто б нежною ладонью,
Такого страшного с добычею орла?
А я пугаюсь, будто б я — добыча.
И кровью брызгаю, и кровь моя — закат...
Потом ладонью в дымке нарисует
Как капля, пав на камни с выси гор,
Вдруг расцветёт, вся в пламени, кустом,
Что вспомнишь Моисея на Синае,
И ужаснёшься...
Вскоре сам напишешь
Вслед Моисею в забытыя слова —
Они же от забвения излечат.
О колыбельная, о мама... тает в дымке
Твой голос, горы, Божья немота...

САЛАМ, ЭРТТЕНЛИК! — ПРИВЕТ, УТРО!

«Салам, эрттенлик!» — название первого сборника
стихов Кулиева на балкарском языке, 1940 год

Привет тебе, утро прозрачных гор,
Речи древней забываем лепет,
Хочот девушек, бьющих кувшины страха —
Мой народ, переживший отгон к Китаю,
Там, в киргизских простывших далях,
Там, в казахских горячих сопках —

Выжил, выжил! Назло злу. Выжил, выжил!
И вернулся к Эльбрусу, ты Минги-тау.
Мы навеки в сиянье Вечной горы, навеки.
Нас посеял сюда семенами в камень
Сам могучий и твёрдый Владыка Неба.
Минги-тау несём мы с собою в сердце,
Даже если нас бросят на смерть в ущелья,
Прорастём, прорастём — увидишь!
Минги-тау несём мы в сердце.

СТРЕЛКИ СОШЛИСЬ

«Над Вашей головой сошлись стрелки Запада и Востока».

Борис Пастернак — Кайсыну Кулиеву

Тьма колыбельна, что дөгтем измазана,
Там матерински неведомо зарождается жизнь.
Также и песня кавказская — жарко алмазная.
Явное с небывальщиной — стрелки сошлись!

Стрелки сошлись — Восток с Западом.
Над головою, видишь ли — это ведь столб огней!
В нём же кружатся, как в атоме,
С неба ночами списаны вздохи мамы твоей.

ПИШИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

*«Кайсын, дорогой, ты обязательно пиши —
хотя бы иногда — для детей» — просили его друзья.*

Так сотвори же тысячи картин —
И это не составит ведь труда:
«И как держал в руках ты глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин...»

И как народ твой изгнан был войной
В глубины мира, где Вселенной край.
Вернуться к очагам родным, как в Рай,
Мечтал балкарец каждый, жил мечтой.

И Рай нашли, вот он вокруг — смотри!
Поэт, пиши, везде, про всех, всегда
«И как держал в руках ты глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин...»

Сабурово, июнь 2012 года

Ефим Резван

КОРАН БЕСКОНЕЧЕН

Он принадлежит к тем текстам, которые избрало человечество, чтобы каждый раз читать заново

7 октября 2017 года свое 60-летие отметил заместитель директора по научной работе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН доктор исторических наук Е.А. Резван. Напомним, он также является членом Попечительского совета нашего журнала «Исламская культура». Отметил свой юбилей он не в родных стенах Кунсткамеры, где работает уже 17 лет, а, как сообщили коллеги, в экспедиции, в Иордании, поднимаясь на ослике на гору Харуна неподалёку от Петры. Экспедиция проводилась в рамках международного проекта «Материальный мир Корана». Книжки, чтение лекций, экспедиции, выставочные проекты, киносъёмки — энергией, неутомимостью этого ученого, жаждой увидеть, прикоснуться, познать можно только восхищаться! После возвращения из Иордании Е.А. Резван встретился с нашим корреспондентом:

— Уважаемый Ефим Анатольевич, искренне поздравляю Вас с 60-летием. Ваше имя, Ваши работы по исламоведению, коранистике (а их десятки) хорошо известны в нашей стране и за рубежом. Как я знаю, с юбилеем Вас поздравили и мусульманские лидеры — муфтий шейх Равиль Гайнутдин и имам-мух-

тасиб Дамир Мухетдинов, Председатель Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Год назад, в сентябре 2016-го года, у Вас была с ним встреча. Она оказалась результативной?

— Она стала очень серьезным толчком для развития отношений

между Кунсткамерой и мусульманским сообществом. С моей точки зрения, одной из серьезных проблем российского исламоведения является то, что мы, ученые, замкнуты в своем мире. Наши знания нужны и государству, и общине мусульман, но получается так, что мы работаем сами по себе, никак не координируя свою работу с общиной. Мне кажется, то, что удалось сделать за последний год — создать Международный центр исламских исследований — это большой шаг вперед. В новый центр вошли Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Московский исламский институт при ДУМ РФ, Российский институт стратегических исследований (это государственная аналитическая структура), Государственный музей истории религии в Санкт-Петербурге и фонд «аль-Макам». В нашем музее 22 человека из приблизительно 80 сотрудников занимаются исследованиями, которые так или иначе посвящены исламу. У нас выделена тема — многообразие мира ислама, и я этой темой руковожу. В Кунсткамере громадные исламские коллекции, одни из крупнейших и богатейших в мире, в значительной степени не тронутые. Они должны и будут являться базой наших исследований. Плюс наши экспедиции. Принцип работы нового центра таков: каждый из участников делегирует своего специалиста и сам платит ему зарплату, но работаем мы над общей тематикой, что позволяет нам свести вместе и

аналитиков, занимающихся какими-то государственными проблемами, и ученых, и музейщиков, и представителей ДУМ, мусульманской общности. Каждый ученый хочет, чтобы его книгу читали. Мне кажется, что в рамках новой структуры, которая возникла в значительной степени благодаря нашим обсуждениям с Дамиром Мухетдиновым и моими коллегами, у нас появилась такая возможность координации наших исследований. Упомяну очень важную задачу, связанную с художественным аспектом нашей работы. Ученые, которые работают в музее, отличаются от тех, которые работают в университете или НИИ тем, что они могут реализовывать свои исследования не только в виде книг, статей и выступлений на конференциях, но и в виде выставок, то есть они могут обращаться непосредственно к живой аудитории, получать сразу же какой-то живой отклик. В связи с тем, что создан фонд «аль-Макам», мы организуем сразу несколько акций. В Петербурге в ноябре (20–26 ноября) пройдут дни исламской культуры, в программе которых — большая международная конференция и несколько важных событий, к которым мы имеем прямое отношение. 20 ноября в Кунсткамере откроется небольшая, но очень интересная выставка. У нас хранится фантастическая коллекция фотографий дервишей конца XIX — начала XX века. Значительная их часть принадлежит выдающемуся российскому фотохудожнику

армянского происхождения, сыну дипломата, который всю жизнь прожил в Иране, Антону Севрюгину. Это очень талантливый человек, на протяжении длительного времени он по существу монополизировал образ Ирана. У нас громадная коллекция его работ, и мы их покажем на выставке в Круглом зале. Я долго занимался темой «Образ дервиша в русской поэзии». Есть ряд замечательных стихотворений, которые мы решили на этой выставке представить. Мы очень надеемся, что нам удастся пригласить на открытие — а открытие будет одновременно и презентацией нашего Международного фонда исламских исследований и презентацией фонда «аль-Макам» — крутящихся дервишей из Турции. Кружение дервиша — это не танец, это серьезный, глубокий ритуал. Этому будет посвящено специальное объяснение. Кроме этого, посетители смогут взять свой смартфон, навести его на фото и увидеть в дополненной реальности вертящегося дервиша. Это будет впервые в нашем музее. В программе дней также лекции исламоведов, выступление этно-рок суфийской певицы Nawal с Коморских островов и музыкантов группы Ahmad Sham Sufi Qawwali из Афганистана. Одна из очень важных принципиальных задач центра заключается в том, чтобы наши знания не оставались замкнутыми в исследовательских и музейных помещениях, а выходили на широкую аудиторию. Я много раз уже говорил в СМИ о му-

сульманских праздниках. Мне очень хочется, чтобы люди независимо от своего вероисповедания, живущие в Петербурге, тоже ощущали эти дни как праздники. Я понимаю, что это амбициозная задача, но Курбан-байрам или Ураза-байрам — праздники очень большого числа наших соседей, тех, кто живет в этом городе. Если мы хотим, чтобы они радовались нашим праздникам, мы должны понимать и радоваться их праздникам. Для этого, мне кажется, нужно вспомнить хорошо забытое старое — советскую практику проведения дней национальных культур — азербайджанской, узбекской и т.д. Наш центр это будет делать на другом уровне — на уровне благотворительных организаций, которые могут приглашать артистов, музыкантов и создавать дополнительное культурное пространство вокруг мусульманской общины Санкт-Петербурга, что очень важно.

— **То есть созданный Международный центр в ноябре готовит не только для мусульман города, но и для всех петербуржцев, большой праздник...**

— Да, а в начале декабря в Государственном музее истории религии пройдет еще одна выставка, с моей точки зрения, очень любопытная. Все знают историю волхвов: ведомые звездой, они отправились в Вифлеем, чтобы поклониться новорожденному Иисусу. В евангельском повествовании также говорится, что волхвы

пришли с востока. Поэтому в течение многих и многих веков сложилось совершенно четкое представление о том, что волхвы пришли из Персии. По отношению к Вифлеему Персия находится на востоке. Но проблема в том, что географические представления того времени, бытовавшие в Палестине, в Сирии, были иными. Карта в то время была ориентирована на восток, а не на север, как у нас сейчас. Мы только что вернулись из экспедиции в Иорданию. Там в небольшом городке Мадаба сохранилась фантастическая мозаика на полу — карта Святой земли. Она создана в 560-м году, т. е. за 10 лет до традиционной даты рождения пророка Мухаммада. И она как раз ориентирована на восток. И если мы примем во внимание эту поправку, то получается, что волхвы пришли совсем даже не из Персии, а с крайнего юга Аравии. И пришли они путем благовоний. Согласно переводам евангельских книг, волхвы принесли младенцу Иисусу дары — золото, ладан и смирну. На самом деле это ладан весенней сборки, он золотистого цвета, ладан осенней сборки — серебристого цвета и смирна. Каждое из этих благовоний очень широко использовались в ритуалах, играло свою символическую роль в обрядах перехода, связанных с жизнью и смертью. Поэтому это был естественный подарок для волхвов. Мы в марте были в Дофаре (южная провинция Султаната Оман). Это стартовая точка пути благовоний. Мы засняли там плантации

ладана. На базаре я купил все то, что принесли волхвы, в три корзиночки разложил. Эти «дары» можно будет увидеть на выставке. На ней будет представлена замечательная картина голландского художника начала XVI века, мирового уровня работа, на дереве, она не экспонировалась, хранилась в запасниках, на ней волхвы — ухоженные западноевропейцы. Будет 5-минутное видео, на котором я всю эту историю буду рассказывать. Занимаясь этой темой, я неожиданно для себя понял, что те тексты, которые существуют в Коране относительно пророка Исы, — очень конкретные. С моей точки зрения, если четко и правильно следовать Корану, то мусульмане вместе с христианами могли бы отмечать Рождество. Я эту истину постараюсь преподнести. Я ни в коем случае не хочу ни на чем настаивать. То, что сейчас это не так, есть результат многовекового противостояния — идеологического, на уровне государств, и одновременно эту проблему не решить. Но рассказывать такие истории для меня очень важно.

— Но выставке можно будет познакомиться с аятами, посвященными Пророку Исе и Марьям?

— Да, все это будет. Моя недавняя поездка в Иорданию — это первая часть большой экспедиции, которая будет весной будущего года. Я стараюсь со своей коллегой Анной Кудрявцевой доказать теорию, что те библейские и новозаветные преда-

ния, которые так или иначе вошли в Коран, те библейские и новозаветные персонажи, которые упомянуты в Коране, все они связаны со святыми местами, которые существовали вдоль громадного транспортного коридора — пути благовоний. Мы посетили многие места этого пути, и для меня это на самом деле стало паломничеством как для православного человека. Я очень рад, что в день своего 60-летия я забрался на гору Аарона (Харуна), брата пророка Мусы. Эта гора господствует над всей Иорданией, с нее виден Иерусалим. На вершине небольшая мечеть, которую посещают и где молятся и мусульмане, и иудеи, которые специально приезжают из Израиля. На вершину горы нет дороги, туда надо карабкаться, тропка весьма условная. Но приходят туда и русские паломники, зажигают свечи, так мне рассказали местные бедуины. Никто никому ничего не доказывает, никто никого не заставляет карабкаться по жаре два с половиной часа на эту вершину. Люди по зову сердца туда идут. И мусульманам, и христианам, и иудеям представляется важным посетить одно и то же место и что-то там, наверху, почувствовать! Рассказывать о подобном опыте, об общих корнях, об общих исторических судьбах важно и для России. Это будет также являться частью работы нашего Международного центра исламских исследований. Повторяю, что эта работа возможна лишь во взаимодействии, с одной стороны, с государственными аналитическими

структурами, с другой — с духовными управлениями мусульман, с мусульманским сообществом. Моим официальным партнером со стороны Российского института стратегических исследований является его Санкт-Петербургский филиал. С ним подписали договор о взаимодействии все упомянутые выше учреждения — Московский исламский институт при ДУМ РФ, Кунсткамера, Музей истории религии, фонд «аль-Макам».

— Все перечисленные Вами структуры — российские, а центр — международный...

— Объясню: создается международный ученый совет, в который войдут очень известные ученые самых разных стран. Этот совет будет руководить центром и формулировать исследовательскую задачу исходя из тех приоритетов, которые в нашей программе заданы. По исполнении наших планов он будет принимать отчет и генерировать новые идеи. Для нас это очень важно, потому что наука и раньше была без границ, а сейчас и подавно. Мы очень гордимся русской исламоведческой школой, но развиваться мы можем только во взаимодействии. Поэтому нам очень важно, чтобы о наших работах знали наши западные коллеги и чтобы до нас оперативно доходили их работы. Вы прекрасно знаете, что книга выходит через 5-7 лет после совершения открытия. Статья — через год-полтора. Но существует некий

актуальный уровень развития науки, когда все уже все знают, но это еще нигде не опубликовано. Это можно получить только в рамках живого научного общения. Мы очень надеемся, что благодаря выдающимся ученым, многие из которых уже дали свое согласие участвовать в работе совета, центр исламских исследований станет важной частью российского и международного научного пространства. К сожалению, русская исламоведческая школа мало известна на Западе, хотя имя В.В. Бартольда знают многие. Но, например, Ксения Кашталева (1897-1938), которая была выдающимся исследователем Корана (она прожила короткую жизнь и умерла трагически), не известна совсем. А она поняла многие вещи в Коране гораздо раньше, чем западные коллеги, обеспечив тем самым некий приоритет российской коранистики. Для нас естественны многие вещи, к которым западные коллеги только подходят. Обо всем этом мы тоже собираемся рассказывать. Плюс богатейшие мусульманские коллекции Петербурга — и предметные, и фотоиллюстративные. Десятки тысяч фотографий. В нашем Музее антропологии и этнографии около 1000 коллекций, связанных с культурой и историей мусульман, это результат экспедиций выдающихся ученых. В Государственном музее истории религии хранится, например, совершенно фантастический фотоархив Императорского православного палестинского общества (ИППО).

Мы с директором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским смотрели этот архив. Его интересовали фотографии Пальмиры, а я увидел в архиве ИППО громадное количество фотографий, связанных с исламом. На них запечатлены реалии столетней давности, отправка паломников в хадж, например.

— Этот фотоархив разобран?

— Да, разобран и описан. Нужно издать каталог, чтобы он был доступен. Есть у меня мечта вместе с коллегами из Музея истории религии сделать выставку — исламские сюжеты в фотографиях ИППО. Фотографии замечательные, очень информативные, имеют большую научную и художественную ценность. И сам факт собрания этой коллекции говорит сам за себя.

— **Ефим Анатольевич, Вы исповедуете принцип «Коран объясняет сам себя». И в то же время вы работаете над книгой «Материальный мир Корана». В этом нет противоречия? Получается, что некоторый лексический состав Корана требует объяснения?**

— Дело в том, что Коран для нас — совершенно уникальный исторический источник. Он прозвучал в известном месте и в известное время, а именно с 610-го по 632-ой год в Мекке и Медине. Фактически это магнитофонная запись, очень точная.

Другого такого источника в мире не существует. Полторы тысячи лет существует этот текст с очень сложной структурой. Существование древних рукописей Корана и их исследование показывают, что серьезных изменений в этом тексте на протяжении минувших веков не было. Шел процесс фиксации текста, разработки разных диакритических знаков. Появлялись поначалу между сурами — концом одной и началом другой — пустоты, потому что люди боялись мешать слову Божие, то есть текст Корана, и названия сур, которые придуманы людьми. Потом уже в старые рукописи вписывались названия, добавлялись орнаменты. Самые большие разночтения, которые существуют, связаны с порядком сур. Но поскольку в самых ранних рукописях по существу консонантный состав слова, а огласовать слова, как вы понимаете, можно по-разному, то эта ситуация дала возможность появления разночтений, привела к появлению достаточно большой литературы, а с другой стороны, стимулировала развитие арабской науки, которой исходя из государственных задач нужно было закрепить текст. Поэтому мы сегодня видим достаточно стройную картину фиксации текста Корана. Коран — живая речь, при том мы не знаем очень часто, что значат сами базовые понятия. Ведь наш взгляд на мир во многом отличается от взгляда на мир жителя Аравии начала VII века. Попросите сегодня молодого человека назвать десяток видов дере-

вьев или кустов — думаю, у него возникнут сложности. Или попробуйте назвать десять видов птиц. Чайку от воробья вы отличите, но... Я намеренно довожу до абсурда ситуацию, чтобы подчеркнуть: мир жителя Аравии интересующего нас времени — очень точный и дробный. Существует гигантское количество понятий, обозначающих очень конкретные вещи. Я говорил уже, что в образах коранического рая упомянуты сосуды, из которых праведники будут вкушать вино. Названо порядка десяти разных сосудов, которые традиционно переводятся одним словом — кубок. Кубок — это сосуд на ножке. На самом деле это пиало-образные сосуды, как правило стеклянные, но они могут быть и из золота, и из серебра. Они могли быть произведены в Персии или в сиро-палестинском регионе. И для каждого — свое слово. Разобраться в том, что есть что, ты никак не можешь без того, чтобы привлечь некий дополнительный материал. Коран четко нам говорит, что это от этого отличается, что это не одно и то же, но переводятся они на русский язык одним словом — кубок. То же самое касается ковров. Или другой пример: в выдающемся, на мой взгляд, с трудной судьбой переводе Корана И. Ю. Крачковского есть аят, в котором описывается, как грешника поведут в ад. Игнатий Юлианович переводит: «Мы заклеим его хобот». Что это за хобот? На самом деле (тут уже можно говорить о коранической этнографии) этот образ связан

с совершенно конкретными реалиями: паршивый верблюд, которого лечат с помощью горячей смолы, бесится, ему пробивают нос, вставляют дополнительное удило, палочку, и за эту палочку тянут, куда надо. Абсолютно ясная и понятная картина, которую легко представлял слушатель Пророка. То, что Крачковский переводит как хобот, и есть та самая палочка. Крачковский, поскольку место темное, обратился к комментариям, хотя он старался не обращаться к комментариям. Ведь комментарии создавались в среде совершенно другой, спустя 300, 500 лет. Более того, они создавались людьми, которые принадлежали к другой культуре. Так как же понять этот аят без привлечения дополнительного материала? В Коране сказано все предельно точно, но нам — непонятно. Еще один важный момент. В последнее время публикуется в исламском мире и на территории бывшего СССР очень много книжек для детей, посвященных мусульманам, жизни Пророка. Книжки иллюстрированные, с пейзажами. Но они воспроизводят картину, привычную для Киргизии, Казахстана или Азербайджана. Мусульманский мир громаден, и когда мусульмане сегодня читают Коран, они наполняют его своим содержанием. Если речь идет об оазисе, они представляют свой оазис, который серьезно отличается от коранического. То же самое касается систем орошения, которые постоянно упоминаются в Коране. Но за каждым словом в Коране стоит определенное

явление. Коран — уникальный источник по истории повседневности. Он обращен к живым людям, это очень живой текст. Поэтому для нас очень важно приехать туда, где этот текст возникал и звучал. Тогда очень многие вещи ты понимаешь естественным образом. Их понимание приходит интуитивно, не нужно десятков книг читать.

— Вы упомянули о коранической этнографии, появлением которой мы обязаны Вам.

— Я счастлив, что я сформулировал это новое научное направление. М.Б. Пиотровский ввел в науку направление коранической археологии, а у нас в Кунсткамере — кораническая этнография. Безусловно, с коранической археологией мы очень перекликаемся, потому что для нас крайне важны предметы материальной культуры. Мы с огромным интересом работали в Иордании в местных музеях, где все эти чаши и кубки, о которых мы говорили, есть, все видно и понятно.

— Ефим Анатольевич, Ваша кандидатская диссертация была посвящена 50-ти кораническим терминам. Можете ли Вы сказать, что за прошедшие годы постигли большую часть лексики Корана?

— Коран бесконечен. Коран принадлежит к тем текстам, которые избрало человечество, чтобы каж-

дый раз читать заново. Есть Библия, которую будут читать всегда, и есть Коран, который будут читать всегда. Этот источник уникальный. Мы планируем выпустить книгу «Материальный мир Корана», где будет представлена повседневная жизнь Аравии времен Пророка, с электронной версией и с видеоиллюстрациями. Это будет в следующем году, а дальше — новый перевод Корана.

— Одно из занятий со студентами восточного факультета СПбГУ Вы провели в Кунсткамере, познакомили ребят с мусульманскими коллекциями. Планируете ли Вы и в дальнейшем практиковать такие занятия или выступать с лекциями, в МИИ, например?

— Для меня наиболее перспективным инструментом сейчас является дистанционное обучение. С 15

октября открыт свободный доступ к онлайн-курсу «Ислам: история, культура и практика». Он разработан учеными-востоковедами Университета и специалистами Научной лаборатории анализа и моделирования социальных процессов СПбГУ. Этот курс позволит лучше понять Коран, историю развития арабского халифата, борьбу школ и течений богословской и философской мысли в исламе, искусство, культуру, религиозную практику мусульман. Лекции читают М.Б. Пиотровский, А.Д. Кныш, молодые коллеги с восточного факультета. Мои лекции посвящены коранической этнографии. Любой человек в любое удобное для себя время может прослушать эти лекции. Наш Международный центр исламских исследований готов быть ресурсной базой для такого рода курсов.

Беседовала Ольга Сёмина

Альфред Мухаметрахимов

МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ В БУЛГАРЕ

Шаймиев — Пиотровскому: «Михаил Борисович, я извиняюсь, у нас время намаза — в 12 часов».

Директор главного музея России рассказал будущим богословам, как лучше просить деньги и почему изображать живых существ — вовсе не харам.

Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский во второй день своего визита в Татарстан посетил Болгарскую исламскую академию с лекцией. О том, что подарил известный востоковед первому в России учебному заведению подобного типа, какие советы давал студентам БИА и какой каверзный вопрос они ему задали, — в репортаже корреспондента «БИЗНЕС Online».

«Разве можно быть недовольным? Здесь всё так хорошо»

Для Михаила Пиотровского этот визит в Спасский район был не первым: он приезжал в городище в со-

ветские времена, когда Болгар назывался Куйбышевом, а в последний раз побывал там пять лет назад. Основная цель нынешней поездки — ознакомление с Болгарской исламской академией (БИА). По словам ректора БИА Рафика Мухаметшина, это давняя мечта — пригласить для чтения лекции именитого исламоведа (Пиотровский не только директор Эрмитажа, но и декан восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета). «Мы поставили задачу, чтобы все занимающиеся исламом известные ученые страны встретились со студентами. Сейчас ведем переговоры с Наумкиным, приедут Прозоров, Фролов. Естественно, ученики должны к исламо-

ведам относиться критически, но они получают инструментарий по работе с источниками, с литературой и так далее». Как сказал корреспонденту «БИЗНЕС Online» Мухаметшин, в БИА учатся 68 человек, 15 из них — казанская группа, будущие доктора исламских наук.

Вместе с Пиотровским на вертолете прилетели государственный советник РТ Минтимер Шаймиев, председатель ДУМ РТ Камиль Самигуллин, президент БИА Камиль Исхаков. Переступив порог академии, профессор СПбГУ напрямик направился в учебный класс, где студентам давал урок прибывший на неделю шейх Сайф Али Мохаммед аль-Асри — специалист по исламскому праву. У него Пиотровский по-арабски спросил, как дела, и получил стандартный для мусульман ответ: «Хвала Аллаху». Шаймиев же на русском и татарском поинтересовался у студентов, довольны ли они, на что один из учеников встал и удивленно произнес: «Ну что вы?! Разве можно быть недовольным? Здесь все так хорошо». И в самом деле грех жаловаться. Еще недавно такие условия назвали бы коммунизмом. Комфорт, проживание и питание бесплатные, к тому же стипендия капает. Твоя задача проста — учиться, учиться и еще раз учиться... В другом классе вел лекцию доктор Исмаиль Бульбуль — бывший муфтий Палестины, который, в отличие от своего арабского коллеги аль-Асри, был не таким сдержанным в чувствах — обнял всех гостей. Шаймиев

вдруг предупредил, что скоро начнется лютая татарская зима, и предположил, что холод очищает человека от греха, на что бывший ректор палестинского отделения самого престижного в исламском мире университета аль-Азхар философски заметил: «Теплота веры согревает человека сильнее».

Директора Эрмитажа повели в музей БИА, где хранятся рукописи, древние издания религиозных книг, показали библиотеку, комнаты проживания студентов, кабинет президента БИА, молебельный зал, столовую. Факт наличия последней Пиотровского почему-то удивил: «У вас есть столовая?» Ректор ответил, что надо же им питаться, причем четыре раза в день.

Путеводитель для немусульман

Студентов собрали в многофункциональном зале. В президиуме разместились Самигуллин, Мухаметшин, Пиотровский, Шаймиев, Исхаков и глава Спасского муниципального района Камиль Нугаев. Ректор БИА напомнил студентам, что они получают фундаментальные исламские знания, шейхи для этого и были приглашены, но будущим магистрам и докторам надо познакомиться с известными исламоведами лично. Пиотровского он назвал одним из известных специалистов по раннему исламу. Гость, поприветствовав собравшихся словами «Добрый день,

ас-салям алейкум», назвал академию «потрясающим зданием института с изумительно красивой мечетью в замечательно красивом месте», а Шаймиева — творящим чудеса одно за другим. Госсоветник РТ скромно ответил: «Всевышний подсказал». С чем профессор СПбГУ согласился: «Всевышний подсказал, все встало на места».

Пиотровский подарил БИА две книги. Первая — изданная в «Эрмитаже» рукопись Мухйи ад-Дина Лари «Футух аль-харамайн»: стихотворное описание паломничества в Мекку и Медину, исполненное на персидском языке в XVI веке. Автор второго труда — сам даритель: по словам арабиста, «Исторические предания Корана» — это своего рода введение в Коран для немусульман. Как заверил Пиотровский, это не последний дар библиотеке БИА — партнеру восточного факультета СПбГУ и Эрмитажа. Далее он рассказал о важности изучения в подобного рода заведениях как религиозных, так и светских дисциплин. Он отметил, что был приятно удивлен, увидев на экранах компьютеров студентов свою видеолекцию по истории и культуре ислама, и поинтересовался: «Специально к моему приезду?» «Михаил Борисович, мы всех обязали, чтобы прослушали на предмет замечаний, — возразил Мухаметшин. — Для них это будет очень хорошая школа».

Пиотровский отметил, что в БИА будут тщательно изучаться первоисточники. Так учили его самого на

отделении арабской филологии восточного факультета Ленинградского университета, так нужно делать и сейчас, в том числе и для того, чтобы... выбивать деньги. «Когда хочется сосредоточиться на этом всем: берешь арабский текст, читаешь немножко, вспоминаешь, думаешь о глубоких вещах, а дальше можешь идти туда-сюда, звонить, спрашивать, как там насчет бюджета, и тогда ты звучишь более убедительно, чем если бы ты просто нервно звонил, как бы денег добыть», — поделился опытом Пиотровский. Что ж, житейская премудрость для богослова — вполне нужная вещь.

После общения со студентами Пиотровского ознакомили с ходом строительства гостиничного комплекса «Кул Гали», который возводится при содействии республиканского фонда «Возрождение»

Возможно, не только имамы, но и будущие госчиновники

Обращаясь к будущим магистрам и докторам исламских наук, Пиотровский опроверг мнение о том, что в исламском искусстве запрещено изображать живые существа: «Такого запрета нет, но ислам не использует изображений живых существ для подачи религиозных понятий. Такая позиция называется иконоборчеством — оно отрицает использование образов для посредничества между Богом и человеком». Рассказывая об

истории ислама, лектор остановился на удивительном опыте отношений мусульман с представителями других конфессий. Несмотря на джихад и крестовые походы, люди взаимодействовали друг с другом: как сказал востоковед, днем воевали, а вечером обсуждали проблемы.

Лекция затянулась дольше запланированного времени, Шаймиев даже вынужден был напомнить, что пора закругляться: «Михаил Борисович, я извиняюсь, у нас время намаза — в 12 часов». Настал черед вопросов. Студент Рамазан Идрисов спросил у академика, на какие факты тот опирался в своей книге, написав, что коранический Зуль-Карнайн и Александр Македонский — это одно и то же лицо (исламские богословы отрицают это). Арабист заявил, что это исторические факты. Больше вопросов не было. «У Михаила Борисовича такая глубина знаний... — попыток Шаймиев. — А ведь он знает не только ислам, но и другие религии, его знания касаются всей палитры мировой культуры и цивилизации. Считаю это хорошим началом большой работы, нужно найти время и в

дальнейшем проводить здесь встречи с вами». Напоследок студенты попросили гостя совершить с ними деяние, порицаемое крайними ортодоксами, — сфотографироваться.

Насколько была полезной лекция, ученики распространяться не стали, зато муфтий РТ сообщил корреспонденту «БИЗНЕС Online», что не сомневается в этом: «Мы услышали мнение востоковеда. Это очень важно, ведь студенты должны быть ознакомлены со всеми направлениями и всем, что говорится об исламе. Они должны быть не только имамами, преподавателями медресе — в будущем, может, кто-то из этих людей займет должность в государственных органах, он будет хорошо знать нашу религию и понимать веяния времени, как нужно себя вести, о чем можно говорить».

После общения со студентами Пятровского ознакомили с ходом строительства гостиничного комплекса «Кул Гали», который возводится при содействии республиканского фонда «Возрождение». В следующий раз ученый должен приехать в Болгар для чтения тематических лекций.

Оливье Руа,

французский антрополог

КТО ОНИ, НОВЫЕ ДЖИХАДИСТЫ?

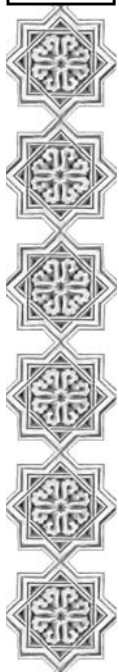
Всемирно известный французский антрополог, политолог-востоковед и исламовед Оливье Руа опубликовал статью в британской газете The Guardian. Статья основана на материалах книги Руа «Джихад и смерть: обращение Исламского государства к миру».

«Терроризм и джихад сосуществовали продолжительное время, а формы «глобализированного» террора, где цель — особо символические места и невинные граждане вне национальных границ, уходят корнями в движение анархистов конца XIX века. Что же является новым, так это способ, каким террористы целенаправленно ищут собственной смерти», — пишет Оливье Руа. Полный текст статьи тут. Ниже — сокращённый перевод статьи.

За последние двадцать лет почти каждый террорист во Франции или взрывал себя сам, или его убивала полиция — от Халида Келкала, главаря заговора о взрыве парижского железнодорожного поезда в 1995 году, до убийц в центре Батаклан в 2015 году. Мохаммед Мера, который убил раввина и трех детей в еврейской школе в Тулузе в 2012 году, перефразировал слова, считающиеся принадлежащими Бен Ладену и часто используемые другими джихадистами: «Мы

любим смерть так же, как вы любите жизнь». Сегодня смерть является главной частью плана террориста. Такое же восхищение смертью встречается и у джихадистов, вливающих в ряды Исламского государства, где суицидальные атаки воспринимаются как конечная цель их участия.

Организаторы террористических атак во Франции в 70-х и 80-х годах, независимо от их связи с Ближним Востоком, скрупулезно планировали свой побег. Мусульманская тради-

ция, в то время когда она признает заслугу мучеников, погибших в бою, не вознаграждает тех, кто нападает в целях самоубийства, потому что это противоречит воле Бога. Тогда почему же, вопрошает автор, террористы стали выбирать смерть? Что это говорит о современном исламском радикализме? И что это говорит о нашем обществе сегодня?

Современный джихадизм, в первую очередь на Западе, а потом и в странах Магриба и Турции, это, прежде всего, — молодежное движение, утверждает Оливье Руа. «Оно является фундаментальным, и сконструировано независимо от родительской веры и традиции, но имеет корни в широкой молодежной культуре».

В каждом поколении ненависть также принимает форму культурного иконоборчества. Хунвейбинов, Красных Кхмеров и бойцов Исламского государства (ИГИЛ, ИГ, ISIS — запрещенная в России террористическая организация. — *Прим. «Ферганы»*) объединяет стремление стереть память об истории предков. Конечно, не все революции, привлекавшие рвение и энергию молодежи, уничтожали прошлое. Большевики создали из прошлого музеи, а революционное руководство Ирана никогда не обсуждало возможность разрушения Персеполиса, вспоминает историю автор статьи.

«Политический нигилизм Исламского государства, не присущий политике на Ближнем Востоке, ставящий целью создание халифата, не

предлагает политического решения или достижения стабильного общества в рамках признанных границ. Сам халифат — это миф о постоянно расширяющейся идеологической организации, которая не является политической перспективой, но, тем не менее, его концепция является частью мусульманского религиозного воображения», — заявляет Руа.

Террористические атаки не подчиняют западное общество, а провоцируют противодействие. Более того, с военной точки зрения использование самоубийц в теракте не является эффективным и уносит больше жизней мусульман, чем жителей Запада. Насилие здесь не является средством. Оно является концом себя. Именно нигилизм — как идея чистого бунта, привлекает и завораживает. Вполне возможно, что это форма терроризма временная, и могут появиться другие, более «рациональные», продолжает Руа.

«Конечно, подъем ИГИЛа связан с политикой на Ближнем Востоке, но его падение никак не повлияет на всю ситуацию. Не ИГИЛ придумал терроризм, но его гений заключается в способе подачи истории, которая удовлетворяет амбиции беспокойных, уязвимых и беспричинных бунтарей — мало имеющих отношение к самому движению, но чье самоубийство должно стать частью глобальной саги».

«Для понимания проблемы ИГИЛ необходимо понимать и другие формы современного насилия и радика-

лизма, в которых присутствует бунт поколения, саморазрушение, радикальный разрыв с обществом, эстетика насилия, апокалиптические культуры», — пишет Руа.

«Простой подъем фундаментализма не объясняет нового феномена Аль-Каиды или ИГИЛ в истории мусульманского мира. Мы должны понимать, что терроризм появляется в исламизации радикализма, а не в радикализации Ислама. Религиозный фундаментализм представляет собой значительную общественную проблему, так как он отвергает ценности на основе индивидуального выбора и личной свободы. И он не должен обязательно вести к политическому насилию».

«Меня уже обвиняли другие исследователи, что я упустил политические причины бунта, по существу — колониальное наследие, военную интервенцию Запада на Ближний Восток и исключение [из общества] иммигрантов и их детей. С другой стороны, меня обвинили в пренебрежении к связи между терроризмом и религиозной радикализацией ислама через Салафизм — этой ультра-консервативной интерпретацией веры. Я прекрасно знаком с подобными явлениями, не имеющими, в свою очередь, причинно-следственной связи с проблемой, которую я изучаю. То, что эти молодые люди выбирают ислам как систему взглядов и действия, является фундаментальным. И, мы должны стремиться понять исламизацию радикализма», — заявляет Руа.

Те, кто осуществил атаки в Европе, не были жителями Сектора Газа, Ливии или Афганистана. Они не обязательно самые бедные, наиболее униженные и наименее интегрированные. Среди джихадистов 25% это новообращенные (неофиты). Революционеры почти никогда не происходили из страдающих масс. Совсем немного террористов рассказывают о себе. В основном, они говорят, как страдают другие.

Оливье Руа: «Давайте остановимся на французах и бельгийцах», предлагает автор, собравший базу данных о примерно сотне человек из этих стран, имеющих отношение к терроризму. «Несмотря на то, что нет стандартной характеристики террориста, что-то их объединяет: второе поколение мигрантов; прекрасно интегрированное первое поколение; период мелких преступлений; радикализация в тюрьме; атака и смерть с оружием в руках в бою с полицией».

«Другой характеристикой для всех стран Запада является то, что радикалы вначале ведут светскую жизнь — ночные клубы, употребление алкоголя, вовлечение в мелкие преступления. Потом они внезапно «заново» становятся мусульманами и соблюдают все религиозные нормы. Многие начинают действовать спустя всего несколько месяцев после новообращения или возвращения в веру. За месяцы перед атакой на Батаклан братья Абдеслам содержали бар в Брюсселе и сами посещали другие ночные клубы», — замечает Руа.

Процессы, в которых формируется радикальная группа, идентичны. Родные братья, друзья детства, знакомство в тюрьме, иногда в лагерях боевиков. Как писал бывший джихадист, Давид Валла, риторика радикальных проповедников может быть суммирована как: «Ислам вашего отца — это то, что оставили колонисты после себя, Ислам тех, кто склоняется и подчиняется. Наш Ислам — это Ислам воинов, крови и сопротивления».

«Радикалы — это часто сироты, как братья Куачи, напавшие на редакцию Шарли Эбдо, или из неблагополучных семей. Они не обязательно бунтуют против своих родителей лично, но против того, что они представляют собой: унижение, уступки обществу, то, что они считают религиозным невежеством. Большинство новых радикалов глубоко вовлечены в молодежную культуру: ночные клубы, беспорядочная половая жизнь, курение и алкоголь. Около 50% джихадистов во Франции, согласно моей базе данных, имеют историю совершения мелких преступлений — в основном, распространение наркотиков, проявления насилия, и еще реже вооруженное ограбление», — выяснил автор.

Подобная картина наблюдается в Германии и США. Одежда будущих террористов также соответствует молодежи: бренды, бейсболки, капюшоны, другими словами, уличная одежда, и никак не исламская. В основном, они любят рэп, игровые

приставки и смотрят жестокие американские фильмы. Они знакомятся друг с другом чаще в клубах спортивных единоборств, чем в мечетях. Язык, на котором говорят радикалы, всегда язык страны их проживания. Во Франции, например, после новобращения они говорят на пригородном диалекте французского языка с элементами, заимствованные в Салафизме.

«Тюрьма многократно усиливает факторы, которые питают современную радикализацию: проблема поколений; бунт против системы; распространение упрощенного Салафизма; формирование сплоченного братства; поиск достоинства; и интерпретация преступления как законного политического протеста», — заявляет Руа.

«Другой отличительной чертой радикалов является то, что они не жили в религиозной среде. Они редко посещали мечеть, или их исключали за проявление неуважения к местному имаму. Никто из них не принадлежал Мусульманскому Братству, никто не работал в мусульманской благотворительной организации, никто не участвовал в движении солидарности Палестине, и даже никто не участвовал в беспорядках во французских пригородах в 2005 году».

Исключением является Великобритания, где существует сеть воинственных мечетей, часто посещаемые членами Аль-Мухаджирун, которая дала подъем еще более радикальному движению, возглавляемым Анджи-

мом Чудари, «Sharia4UK» (т.е. «Шариат для Великобритании»).

«Нет типичной социально-экономической характеристики радикалов», — пишет автор. «Существует весьма упрощенное объяснение терроризма как следствие провальной интеграции. И это несмотря на то, что подавляющее большинство мусульман прекрасно интегрированы. И даже факт того, что среди полицейских и сотрудников служб безопасности больше мусульман, чем среди джихадистов», — выяснил Руа.

«Согласно просочившимся из ИГИЛ данным, среди 4 тысяч иностранных рекрутов, несмотря на их высокий уровень образованности, 70% заявили, что имеют только поверхностное знание об исламе. Так как часто радикалы именуют себя салафитами, считается, что Салафизм это первая ступень к радикализации. На самом деле, такие вещи гораздо сложнее, чем кажутся. Конечно, юные радикалы — это искренне верующие в то, что они попадут в рай, и что их взгляды глубоко исламские. О каком исламе тогда они говорят? Они не становятся радикалами, потому что они неправильно интерпретировали святыи тексты, или потому, что ими манипулировали. Они стали таковыми, потому что они выбрали быть радикалами, только потому, что радикализм импонирует им».

Например, письменные толкования, которые появляются в англоязычном и франкоязычном журналах ИГИЛ, предоставляют теологиче-

скую рационализацию насилия радикалов — основанной не на реальном знании, а на обращении к авторитету. Радикализованная молодежь никогда не читала тексты на арабском языке, лишь на английском и французском. Так Седрик, новообращенный француз, заявил, что он читает настоящих богословов, несмотря на то, что он не умеет читать по-арабски и встречался с членами своей сети лишь по интернету.

«Возможно, имеет значение слышать, что говорят террористы. Так, суммировано можно привести заявление Мохаммеда Сиддика Хана, лидера группы, осуществившей взрывы в Лондоне 7 июля 2005 года. Главной мотивацией он привел зверства, совершенные западными странами в отношении «мусульманского народа» (стенограмма указывает как «мой народ во всем мире»; второй мотивацией он указал роль мстящего героя («я непосредственно ответствен за отмщение и защиту моих мусульманских братьев и сестер», «сейчас вы тоже почувствуете реальность этой ситуации»); третья — это смерть («мы любим смерть так же, как вы любите жизнь»), и его принятие рая («пусть Всевышний... воскресит меня среди тех, кого я люблю: пророков, вестников и мучеников»)).

При этом, что это за мусульманское сообщество, мстить за которое собираются такие террористы, почти никогда определенно не указывается. Указывают «крестоносцев», но не говорят о французской колонизации

Алжира. Радикалы никогда открыто не ссылаются на колониальный период. Они отказываются от всего, что было до них; не ассоциируются с борьбой своих предков; почти никто из них не возвращается на родину предков для продолжения джихада.

«Странно, но защитники ИГИЛ никогда не говорят о шариате, почти никогда об исламском обществе, которое будет построено под предводительством ИГИЛ», сообщает автор статьи. «Те, кто говорят, что ездили в Сирию, потому что «желали жить в настоящем исламском обществе», так же типично опровергают участие в насилии — как будто, совершая джихад, жить по исламским законам становится невозможно. Джихадисты едут на Ближний Восток умирать, а не жить. Их не интересует исламское общество. В этом заключается парадокс: эти юные радикалы — не утописты, а нигилисты».

Радикальное в новых джихадистах, в отличие от предыдущих поколений революционеров, исламистов и салафитов — это их ненависть к существующим обществам, западным или мусульманским. Эта ненависть воплощается в суициде при осуществлении массового убийства. Вместе с собой они убивают мир, который они отвергают. После 11 сентября 2001 года — это основной способ действия радикалов.

«Суицидальный массовый убийца — довольно распространенная современная фигура», говорит Руа. «Типичным примером может слу-

жить американский школьник-стрелок, который в школе убивает как можно больше людей, а затем убивает себя, или позволяет это сделать полиции. До этого момента он уже опубликует фотографии, видео и заявления в интернете, где принимает героические позы и довольствуется фактом, что теперь все будут знать, кем он был. Между 1999 и 2016 годами в США всего было зарегистрировано или предотвращено 50 подобных атак».

«Границы между суицидальным массовым убийцей подобного вида и боевиком халифата неясные и туманные. Убийца в Ницце, например, был вначале описан как психически больной, а потом как боевик ИГИЛ, чье преступление было подготовлено».

«Цель этой статьи», заявил Руа, — «не позволить смешивать эти категории вместе. Каждая является специфичной, но общим для всех является то, что массовые убийства совершаются юными, недовольными, суицидальными нигилистами. Такие организации, как Аль-Каида или ИГИЛ лишь пишут сценарий».

«Сила ИГИЛ заключается в игре на наших страхах, и Ислам является основным среди них. Единственным стратегическим эффектом этих атак является психологическое воздействие. Они не оказывают влияния на военную мощь [противников]; более того, они усиливают ее, заставляя страны увеличивать военные расходы. Не имея значительного экономического эффекта, они лишь

подрывают демократические институты, усиливая полемику между безопасностью и верховенством права, усиливая страх, что наши общества взорвутся, и начнется гражданская война между мусульманами и “другими”».

«Мы хотим знать, чего желает Ислам, что есть Ислам, не представляя, что такого исламского мира не существует; что конфликты, прежде всего, происходят между самими мусульманами; что ключевыми на Ближнем Востоке остаются национальные (местные) проблемы».

«Конечно, ИГИЛ, так же как и Аль-Каида, создал грандиозную воображаемую систему, в которой он себя

видит завоевывающим и побеждающим Запад. Джихадизм имеет очень узкую социальную и политическую базу. Как мы уже видели, он не мобилизует массы, а тянет тех, кто находится на окраинах».

«Велик соблазн видеть в исламе радикальную идеологию, которая привлекает массу людей в мусульманском мире, так же, как нацизм был способен сделать в Германии. Поэтому реальностью является то, что ИГИЛ лишь притворяется, что устанавливает глобальный халифат — именно это и привлекает подростков, склонных к насилию, и обманутых грандиозностью», — заключает Оливье Руа.

Виктория Никифорова

«ПЯТАЯ КОЛОННА» ДЖОРДЖА СОРОСА НАЗВАНА ПО ИМЕНАМ

Благодаря давнему врагу скандального миллиардера — премьеру Венгрии Виктору Орбану — «список Сороса» наконец-то стал достоянием гласности. В этом списке депутаты Европарламента, которые лоббируют проекты финансиста и меняют законодательство ЕС с его подачи. Особый пункт в досье на них — отношение к России. Именно от него зависит, друзья они Соросу или враги.

90

Разговоры о том, что миллиардер и филантроп Джордж Сорос активно вмешивается в мировую политику и пытается управлять целыми странами, обычно считаются конспирологией. Однако теперь появилось конкретное доказательство того, что финансист действительно влияет на принятие решений в Евросоюзе: хакеры из DCLeaks опубликовали методичку «Открытого общества» — любимого детища Сороса.

Это объемный документ, в котором собрана информация о 226 членах Европейского парламента, являющихся идейными союзниками «Открытого общества». Их предполагается привлекать для продвижения любимых идей Сороса — заселение Европы мигрантами, обеспечение

«гендерного равенства», узаконивание однополых браков, сближение Украины с ЕС и, разумеется, противодействие России.

Всего в Европарламенте 751 депутат. Таким образом, союзники Сороса занимают там более трети мест. В «Открытом обществе» собраны досье и на малозаметных парламентариев, и на таких тяжеловесов европейской политики, как Мартин Шульц (до недавнего времени он был председателем Европарламента) или бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстаedt.

Общественное внимание к этому документу привлек венгерский премьер-министр Виктор Орбан. Последние несколько лет он прилагает видимые силы для борьбы со своим соотечественником — скандальный

миллиардер родился на территории Венгрии. В пику гендерному равенству и однополым бракам Орбан продал поправки к конституции Венгрии о том, что страну «объединяют Бог и христианство», а «брак — это союз мужчины и женщины».

С марта этого года Орбан пытается закрыть и Центральный европейский университет, созданный на деньги Сороса в Будапеште и взрастивший уже не одно поколение политической элиты ЕС.

Но главный пункт спора двух знаменитых венгров — это мигранты. В 2015 году Орбан распорядился выстроить стену на границе с Сербией, чтобы не пустить в страну поток беженцев. Сорос обрушился на него с критикой, заклеил «диктатором» и тут же предложил собственный план организации приема мигрантов в ЕС. Согласно оному, страны Евросоюза должны впускать на свою территорию не менее миллиона беженцев в год, при этом верхней границы установлено не было. Каждому мигранту предписывалось обеспечить годовой соцпакет в 15 тысяч евро в год, а распределяться по странам они должны были в соответствии с выработанными квотами.

Сегодня именно этот план обсуждается в Брюсселе. А страны Вышеградской четверки, до сих пор успешно игнорировавшие все положения о квотах, ведут отчаянную борьбу против задумок Сороса.

И вот в самом конце октября комитет Европарламента по граждан-

ским свободам, юриспруденции и внутренним делам предложил внести изменения в законодательство ЕС о предоставлении убежища, чтобы зафиксировать пресловутые квоты по странам. Причем верхнего лимита для потока мигрантов в них по-прежнему не указано.

Тогда-то руководство Венгрии и решило открыть глаза европейцам на то, почему Европарламент принимает столь самоубийственные для Европы решения. Будапешт фактически выступил пиарщиком опубликованного хакерами из DCLeaks документа с характерным названием «Наши надежные союзники в Европарламенте (2014–2019)».

«Если бы этот документ угрожал лишь Венгрии, это не было бы проблемой. Венгерское правительство привыкло справляться с растущим потоком лживых обвинений, который обрушивают на него идеологи «Открытого общества», — заявил госсекретарь (официальный представитель правительства — прим. ВЗГЛЯД) Золтан Ковач. — Но сегодня дело касается не только Венгрии. Этот документ угрожает будущему всей Европы».

Ковач утверждает, что в комитете ЕП по гражданским свободам сегодня работает как минимум «тридцать явных сторонников Сороса». И не случайно миллиардер (в сущности — обычное частное лицо) проводит встречи с председателем Еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером за закрытыми дверями, и никто понятия не имеет, что именно они там обсуждают.

Учитывая 18 миллиардов, только что демонстративно пожертвованных Соросом на «борьбу за демократию», его «Открытое общество» стало одним из крупнейших в мире НКО. Но что именно так напугало официальный Будапешт в обычной методичке этого НКО, предназначенной для внутреннего использования?

В досье на уже упомянутых 226 депутатов указано, что они уже сотрудничали с «Открытым обществом» и «могут привлекаться вновь». Оно составлено не только по данным из открытых источников, но и с привлечением «информации, собранной собственными силами». Стиль имеющих характеристик необычайно напоминает «личные дела» из «Семнадцати мгновений весны», только формулировки типа «истинный ариец» и «характер нордический» заменены на прилагательные «роевропейский» и «прогрессивный».

Если точнее, «надежные союзники» Сороса делятся на «прогрессивных», «умеренно прогрессивных», «очень прогрессивных» и «прогрессивных в душе» (ударение на последний слог), а также на «роевропейских», «активно роевропейских» и «чрезвычайно роевропейских».

«Чрезвычайно прогрессивная, безусловная защитница ценностей «Открытого общества» не колеблясь выступает против мнения своей фракции» — так, например, описывается Моника Маковой, депутат Европарламента из Румынии. «Прогрессивный, но слишком увлечен своим ру-

ководством Комитетом транспорта и туризма» — это уже о Микаэле Крамере из немецких «Зеленых».

Большинство союзников «Открытого общества» борются за права мигрантов, меньшинств и ЛГБТ и за улучшение репродуктивного здоровья наций. В переводе с глобалистского жаргона — выступают за неограниченную миграцию из стран третьего мира, легализацию однополых браков и ограничение рождаемости.

Отдельно отмечается вклад в борьбу за изменение закона о миграции. По данному пункту первенство за Сильви Гийом (французские социал-демократы) и Жанной Ламберт (английские «зеленые»). Эти достойные дамы лоббируют реформу законодательства ЕС о предоставлении убежища именно в том духе, в котором это требуется Соросу.

Имеется и пункт о поддержке цыган — это меньшинство Сорос всячески продвигал и защищал еще до того, как увлекся организацией миграционных потоков из Африки и с Ближнего Востока.

Среди европарламентариев Сороса есть и представители правых партий. Однако подавляющее большинство из них — это социал-демократы, левые всех мастей, экологи и «зеленые». В основном это представители научной и творческой интеллигенции, очень много преподавателей. Часто они пишут книжки, в которых увлеченно критикуют современный капитализм. Это совершенно не мешает им работать на одного из самых одиозных капиталистов современности.

Разумеется, в этой «колоде» уверенно преобладают страстные поборники целостности ЕС. Однако встречаются и фамилии «умеренных евроскептиков», которых предлагается использовать по таким вопросам, как «борьба за права меньшинств» и миграция.

Особо важный пункт досье — отношение каждого конкретного депутата к России. Вот, например, как звучит характеристика Яны Игоревны Тоом (в девичестве Черногоровой) — бывшего вице-мэра Таллина и первого русскоязычного европарламентария от Эстонии: «Отказалась поддержать первую резолюцию Европарламента по конфликту Украины и России в июле 2014 года. Может быть прорусской в неизвестной степени (в этом случае ее сотрудничество с «Открытым обществом» сомнительно)».

Многие имена в методичке «Открытого общества» мы знаем давно и очень хорошо.

Ребекка Хармс из немецких «Зеленых» регулярно выступает в Европарламенте, требуя ввести санкции против РФ из-за украинской «АТО» в Донбассе.

Бельгиец Ги Верхофстадт публикует гневные статьи с заголовками типа «Указать Путину на его место», в которых обвиняет руководство Москвы в организации едва ли не всех кризисов и проблем современной Европы.

Бывший министр иностранных дел Хорватии Тонино Пицула, наблюдавший за президентскими вы-

борами в РФ в 2012 году, раскрыл их с парадоксальной формулировкой: «По нашим оценкам, эти выборы не были справедливыми, несмотря на все новшества и отсутствие ограничений для кандидатов в проведении кампаний».

«Список Сороса» наконец-то дает ответ на вопрос, который регулярно всплывает в спорах о политике ЕС — что же заставляет европейские власти играть против собственных граждан и их интересов? Этот ответ — коррумпированность. Окормляемые Соросом политики успешно лоббируют его проекты, а любые попытки руководителей стран противостоять ему наталкиваются на сопротивление собственной элиты.

Вот и теперь лидеры национальных государств вроде Виктора Орбана проигрывают противостояние с сетевой структурой Сороса. Европарламент, перенасыщенный агентами влияния «Открытого общества», все-таки нацелен на принятие плана миллиардера по приглашению в Европу миллионов мигрантов.

За фасадом западной демократии скрывается напоминающая феодализм структура. Левые политики поголовно присягают на верность барону-разбойнику и обслуживают его интересы. Интересы населения Европы в расчёт при этом не идут. Несмотря на все свои свободы и права, оно остаётся почти столь же бесправным, как средневековое простонародье.

Дмитрий Егорченков

КАК НЕ РАСКАЧАТЬ ЛОДКУ?

Для сохранения равновесия необходим биполярный мир.

Для тех, кто интересуется мировой повесткой и хочет больше узнать о причинах и последствиях происходящих в мире событий, в минувшую субботу в кафе «Среда» состоялась очередная лекция в рамках проекта Агентства современных коммуникаций «КонцептХаб».

Подобный формат встреч в кафе за чашкой кофе весьма привлекателен для студенчества, граждански активной молодежи и позволяет просто, но ярко вести разговор о сложных вещах.

В этот раз состоялся разговор о Сирии и Турции, роли России на мировой политической арене и об отношениях со странами Ближнего Востока, экстремизме и терроризме. С лекцией на тему «Россия в глобальной политике: Ближний Восток» перед тюменской аудиторией выступил экс-сотрудник администрации Президента РФ и МИД РФ, директор Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов (РУДН),

координатор ближневосточных исследований, эксперт-практик по Ближнему Востоку и Северной Африке Дмитрий Егорченков (Москва).

Какие выводы и мысли напрашиваются? Одно из базовых чувств человека — чувство справедливости. И его ущемление каждый раз приводит к необходимости исправления ситуации теми или иными способами. Иногда это чувство ущемляется несколько минут или дней, что не приводит к фатальным последствиям. Но иногда — десятилетиями и даже веками. И тогда в обществе ущемленных возможностей формируется определенный психотип: homo extremus, человек крайних взглядов. В условиях информационного бума, развития Интернета, средств связи, разгерметизации тайных знаний психологически, социально, морально и материально ущемленный человек выходит, что называется, на оперативный простор. Он уверен — мир нуждается в переустройстве и намерен переустроить его не за сто и не за двести

Справка МК

Проект «КонцептХаб» — это серия бесплатных образовательных лекций от известных российских ученых и специалистов-практиков о политике, экономике и актуальных вопросах мировой повестки. В рамках проекта каждый участник может поделиться своим видением ситуации относительно того или иного вопроса, предложить возможные пути решения обсуждаемой проблемы и задать вопрос эксперту.

лет, а в течение своей собственной жизни. И в этой связи становится приверженцем экстремизма — системы крайних взглядов и крайних методов политической борьбы.

Распространение в обществе экстремистских идей, формирование экстремистских группировок, их неуправляемость и опасность для власти и общества — это всегда сигнал правящему классу о том, что он замкнулся в достижении своих собственных эгоистических интересов, потерял связь с реальностью, деградировал.

По мнению Дмитрия Егорченкова, в конкурентной борьбе за ресурсы и влияние внешним политическим игрокам всегда выгоднее и дешевле работать с неформальной договороспособной силой, с преступными экстремистскими организациями, готовыми сражаться за независимость, материальные либо иные интересы.

Так экстремисты получают финансовую, идейную, моральную

поддержку от конечных выгодоприобретателей. Есть даже выражение: «подрядчики по хаосу». Их задача — устроить в том или ином регионе дестабилизацию обстановки, склонить руководство страны к каким-либо переговорам, пойти на те или иные уступки или решения. После выполнения (или невыполнения) этой задачи судьба «подрядчика» уже никого не интересует. В каждой региональной заварушке конечный бенефициар всегда руководствуется правилом: «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

География — это судьба

Почему Ближний Восток — благодатное поле для возникновения напряженности, дестабилизации, конкурентной борьбы в ее экстремальной фазе?

«География — это судьба», — говорил Наполеон. И здесь ключ к пониманию того, что происходило и происходит на Ближнем Востоке. Данный регион — это перекресток миров: Африки, Европы, Азии. Шумерская цивилизация. Древний Египет. Вавилон. Средоточие древнейших памятников культуры и торговых путей. Богатые урожаи и ограниченность водных ресурсов. Огромные запасы полезных ископаемых — нефти и газа и бедность населения. А еще это родина основных мировых религий: иудаизма, ислама, христианства, зороастризма. Многие считают, что на Ближнем Востоке

живут одни арабы. Но это не совсем так. Ближний Восток неоднороден. Именно поэтому участники Лиги арабских государств так редко могут о чем-то договориться. Арабский мир с его монархическими династиями состоит из 23 стран, в которых проживают 1,8 миллиарда мусульман. В регионе велика палитра самых разных антропологических типов. Это и берберы, и кабилы, и арабы шоа, и армяне, и белуджи, и хазарейцы. Смесь самых разных этносов, языков, верований.

То же самое можно сказать об исламе. Он крайне неоднозначен. Помимо классического деления на суннитов и шиитов, есть и другие мусульманские течения: друзы, софриты, ибадиты, азракиты, зейдиты и т.п. Многие религиозные школы серьезно влияют на политику ближневосточных государств. Например, политическое устройство Ливана связано с представительством во властных структурах различных религиозных общин, что закреплено в конституции этой страны.

В период похода на Восток Александра Македонского, а также арабских завоеваний в VII–IX веках, когда арабские племена высадились на Пиренейском полуострове, впервые обозначилась линия противостояния Запада и Востока. Французы разбили арабов при Пуатье и остановили их дальнейшее наступление на Европу. Появились рыцари, которые совершили на Ближний Восток девять крестовых походов. В 1798 го-

ду Наполеон разгромил около Каира турецко-египетскую армию. Египетский поход Бонапарта закончился ничем, но по его итогам европейцы узнали, что история Востока намного древнее, чем история Европы. Появилась мода на все восточное: одежду, пряности, предметы быта. Началась активная колонизация стран Ближнего Востока европейскими державами.

В ходе колонизации представители западноевропейской знати, следуя древнему принципу «Разделяй и властвуй!», нередко чертили границы колонизируемых ближневосточных и африканских стран, используя прямые линии, отсекая от различных территорий куски с тем, чтобы страны враждовали между собой и не давали друг другу развиваться.

Деление Ближнего Востока продолжилось после Первой мировой войны, а затем и после Второй. Параллельно ближневосточные народы вели борьбу за свою независимость. Символом этой борьбы стали революции в Египте и Ливии. В 50–60-е годы прошлого века на Ближнем Востоке завершился процесс обновления и становления национальных государств. Увы, не все народы получили свою государственность. Так, например, курдские территории, на которых в настоящее время проживают около 40 миллионов курдов, оказались разделены между современными Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. И это можно считать предумышленной закладкой мины замед-

ленного действия, болевой точкой, через которую можно влиять на политику в регионе.

Что есть геополитика?

Геополитика — это метод работы с политической информацией. Если историк обладает историческим познанием и может ретроспективно выстраивать линию событий, то политологу нужно из огромного количества событийных линий определить наиболее значимые. Теорию системного анализа международных отношений в СССР разработали Евгений Примаков и Марк Хрусталеv. Это был ответ на западные геополитические модели развития международных отношений.

— Всё, что происходит сегодня на Ближнем Востоке, своей отправной точкой имеет событие, названное Владимиром Путиным главной геополитической катастрофой XX века, а именно — разрушение Советского Союза, — сообщил Дмитрий Егорченков.

Ликвидация биполярной модели мира, основанной на взаимном паритете США и СССР, привела к тому, что американские элиты почувствовали себя абсолютно беззащитными. И начали довольно активно менять мировой политический ландшафт. По сути, приступили к новому переделу мира. В итоге старые советские карикатуры на американских империалистов вновь стали очень актуальными. Свидетельством

реализации плана по созданию хаоса на Ближнем Востоке стали события арабской весны. Саддам Хусейн был повешен. Муаммар Каддафи убит. Причем сделали это примерно одни и те же люди, которых очень опекали в США и Великобритании. Ныне Ирак и Ливия в огне. Едва не исчезла с карты мира Сирия. Падение режимов в Тунисе, Египте, Йемене не привело к процветанию этих народов. В регионе — миллионы беженцев. Иран и Сирия по-прежнему остаются под ударом. Планы запрещенной в РФ террористической организации ИГИЛ по переустройству Ближнего Востока и созданию халифата были еще более категоричны.

Группировку ИГИЛ создали те же Великобритания и США при содействии спецслужб Саудовской Аравии и Пакистана. С их подачи маленькая ячейка Аль-Каиды переросла в террористический интернационал. Руководители ИГИЛ собирали с населения налоги, торговали дешевой нефтью и награбленными памятниками культуры, при помощи британских PR-агентств вели активную пропаганду своей борьбы за якобы альтернативное исламское будущее. Жертвами этой пропаганды стали, в том числе, тысячи россиян. Штаб-квартира террористов разместилась в одном из крупнейших городов Ирака — Мосуле. В руки ИГИЛ попали банковское золото, оружие. ИГИЛовцы платили специалистам высокие зарплаты, что вкупе с PR-составляющей привлекало в их ря-

ды все новых и новых сторонников со всего мира. На каком-то этапе в руководящих структурах ИГИЛ количество выходцев из СНГ даже превысило количество представителей арабских стран.

— Целью хаотизации региона является не что иное, как постановка его под полный контроль со стороны США, — подчеркнул Дмитрий Егорченков. — А достичь хаотизации можно только путем уничтожения государственности, путем распада той или иной страны на группировки, кланы, преступные организации, через финансирование радикальных оппозиционных сил.

У российских военных ситуация на Ближнем Востоке всегда находилась в поле зрения, поскольку в некоторых районах расстояние до нашей границы составляет не более 300 километров. Хаос, экономическая и гуманитарная катастрофы в Сирии, Ираке и других странах противоречат нашим интересам, угрожают безопасности РФ. Поэтому усилиями ВКС России основные силы террористов ИГИЛ в Сирии были уничтожены. Это десятки тысяч боевиков, огромное количество объектов инфраструктуры террористов.

Увы, исключать, что через какое-то время о себе не заявит новая террористическая организация, нельзя.

Когда наступит мир?

Борьба мировых и региональных держав за доступ к высокорентабель-

ным месторождениям углеводородов и путям доставки энергоресурсов вряд ли прекратится в обозримом будущем. Пока что ни одна из развитых экономик не может отказаться от привязки к углеводородам. Открытые в 2010 году запасы Средиземноморского нефтегазоносного бассейна близ берегов Сирии сравнимы с богатыми запасами нефти и газа в Персидском заливе. Поэтому при любом раскладе открытие российских военных баз на территории Сирии является для нее гарантом безопасности от террористической угрозы.

Что касается опасности распространения идеологии экстремизма и терроризма на территории России, то, по мнению Дмитрия Егорченкова, наши геополитические противники разрабатывают новые методы рекрутинга своих сторонников. Теперь для совершения терактов уже не нужны люди с боевой подготовкой. Можно через соцсети за вознаграждение попросить молодого человека передать сверток. Или сделать серию звонков о минировании.

— Проблема в том, что у нас до сих пор не выстроена правильная идеологическая работа, — поделился Дмитрий Егорченков. — В Вооруженных Силах людей учат стрелять, но не учат разбираться в геополитике. Идеологию отдали батюшкам и муллам. Однако мой опыт работы с молодежью показывает, что со временем подростковый бунт у них проходит, но дальше они сталкиваются с пустотой. У них нет системы ориен-

тиров. А без этой системы мы не можем двигаться вперед. Туда, где пустота, приходит запрещенная в России ИГИЛ или гей-либерализм. Для полноты понимания происходящих в мире процессов необходимо изучать историю, заниматься сращиванием ее разорванных краев, понимать, что наша страна на всех этапах истории — это один и тот же организм, нельзя вычеркивать из нее какие-то страницы. Но одних исторических знаний опять же недостаточно. Необходим блок воспитательной работы светского характера. Министр образования РФ Ольга Васильева уже заявила о том, что школа должна не только учить, но и воспитывать.

— Дмитрий, в известном советском блокбастере «Белое солнце пустыни» звучит крылатая фраза: «Восток — дело тонкое». Вы находите в

этой киноленте какие-то идеологические смыслы, которые помогают вам в вашей работе?

— Я очень люблю этот фильм в силу его ироничности и правдивости. Там, по сути, показано, чем Россия отличается от других стран в сфере внешней политики. Мы никогда никуда не приходим с мечом. Мы везде шли с книгой. Старались людей, к которым приходим, включить в свое общество, пробудить в них национальную культуру и национальный дух. В свое время ордынская знать была включена в состав российского дворянства. Но можно ли такое представить на примере Британской империи и индусов, например? Нет! То есть Россия идет по принципиально другому пути развития — пути солидарности с другими народами. И в этом наше послание миру.

Семён Пегов,

военкор, автор проекта WarGonzo

«ХАЛИФАТ» ПЕРЕЕЗЖАЕТ В СНГ

Слишком много материальных и интеллектуальных ресурсов было вложено в «проект ИГИЛ», чтобы он взял и просто так растворился в ближневосточной пустыне. План отступления готов, «халифат» переезжает на новое место.

100

Американские СМИ сообщают имя человека, совершившего теракт в Нью-Йорке. И звучит оно не по-арабски, как это было после 11 сентября, и даже не по-чеченски, как после взрыва на марафоне в Бостоне. Восьмерых американцев убил Сайфулло Хабибулаевич Саипов, гражданин Узбекистана. И для того, кто знаком с современными тенденциями в исламском экстремизме, в этом нет ничего удивительного.

Если на заре игиловской эры выходцы из СНГ (в основном с Кавказа, из Средней Азии и Татарстана) ехали жить и воевать в «халифат», то теперь «халифат» фактически переезжает в СНГ. По крайней мере, отчетливые тенденции наблюдаются уже сейчас.

Чтобы понять эти миграционно-террористические процессы, нужно знать несколько важных вещей об

ИГИЛ, про которые почти не рассказывают по телевизору. На правах человека, которому довелось немного поколесить дорогами «халифата», я попытаюсь изложить их тезисно.

Во-первых, ИГИЛ — это не просто исламистский интернационал. К 2015 году радикальное квазигосударство представляло собой преимущественно русскоговорящий интернационал. Русский язык, по сути, занимал роль второго государственного — после арабского, языка Корана.

На русском языке дублировалась практически вся бюрократическая документация ИГИЛ (да, у террористов тоже была бюрократия, это, кстати, принципиально отличало игиловцев от «Аль-Каиды», идеологи «халифата» понимали: чтобы заставить обычных людей поверить в иллюзию государства, необходимо очень много бумажек).

В навигации по территории, подконтрольной террористам, тоже всегда использовалась кириллица. У меня есть целая фотоколлекция игиловских дорожных указателей, где с арабскими названиями прочно соседствуют русскоязычные обозначения городов и вилайатов.

Такая востребованность великого и могучего, сравнимая разве что с эпохой СССР, среди людей столь разнообразных национальностей объясняется очень просто — как еще коммуницировать таджику с чеченцем, будучи на одной передовой?

Русский хотя бы на подкорке есть, а арабский учить надо.

Последнюю неделю в СМИ и соцсетях активно обсуждали статистику, опубликованную американцами — мол, Россия занимает первое место по поставкам боевиков в ИГИЛ. По сути статистика верная (не берем количественные показатели, они занижены по всем странам), только вместо России правильно было бы написать — СНГ, тут лидерство неоспоримо.

Среднеазиаты, например, ехали в ИГИЛ не только повоевать — но и гастарбайтерами, целыми семействами. За ЖКХ в квазигосударстве отвечали муджахиды из Казахстана.

Однажды я был искренне поражен, когда въехал в только что освобожденный от террористов Аш-Шаддади и взамен повсеместных черных табличек с игиловским лейблом увидел выкрашенные в небесно-голубой стены административных зданий и бесконечные жалюзи торговых

лавок. Оказывается, это игиловцы-казахи, занимавшиеся благоустройством захваченных радикалами городов, выкрасили это все в цвета родного голубого флага.

Свои ниши в ИГИЛ занимали узбеки с киргизами. Кто-то из них реально работал поварами у известных полевых командиров, кто-то отвечал за изготовление взрывных устройств — так называемых поясов шахида. Эта производственная рутина закреплена за среднеазиатами, как-то так получилось, что они проявили незаурядные склонности именно к подрывному ремеслу.

Еще любопытней дела обстоят с выходцами из Таджикистана, этих парней в ИГИЛ ценили именно как хороших штурмовиков и пехотинцев, отличающихся особой боеспособностью в налетах и азиатской жестокостью, которая обескураживала иных ваххабитов-арабов.

Вот вам факт: оба «министра войны» ИГИЛ (министерства обороны у террористов не предусматривалось) — выходцы из стран СНГ. Первый и самый известный — Тархан Батирашвили, он же Абу Умар Аш-Шишани, наполовину кистинец, наполовину грузин, вырос в Панкисском ущелье. Второй, пришедший ему на смену, — Гулмурод Халимов, бывший полковник МВД Таджикистана, сделавший в «халифате» куда более головокружительную карьеру, чем на родине.

То, что на смену рыжебородому Абу Мясо (такое прозвище сами иги-

ловцы дали Тархану Батирашвили за то, что он не скупился посылать целые отряды на убой) пришел именно таджикский кадровый военный, крайне симптоматично для понимания того, куда движется ИГИЛ.

Если Тархан служил своего рода магнитом для притяжения в радикальную организацию выходцев с Северного и Южного Кавказа, и на 2014–2015 годы именно кавказские горцы составляли боевое ядро «халифата», то сейчас идеологи ИГИЛ, учитывая, что искусством пиара они владеют на высшем уровне, сместили вектор в сторону Средней Азии.

Теперь беглый таджикский полковник Гулмурод Халимов является магнитом для всего этого региона. Причем по сравнению с Тарханом бэкграунд у него будет покруче. Тархан до ИГИЛ особых успехов в грузинской армии не добился, безуспешно повоёвал сержантом в 2008-м с Россией, и на этом все. Халимов же — целый полковник МВД, то есть уже, с позволения сказать, готовый политик.

Сообщения о его ликвидации уже появлялись: то американцы заявляли, что убили Халимова в Мосуле, теперь вот наши — в Дейр-эз-Зоре. Но мы знаем цену этим заявлениям — реальных доказательств, кроме устных, нет. А значит, «министр войны» из Таджикистана остается одним из главных козырей игиловских кукловодов.

А теперь вот вам информация к размышлению, небольшой калейдоскоп фактов: еще в начале 2016-го часть военных специалистов, работавших с САА, были переброшены в Душанбе (так говорят мои источники в Генштабе, а я склонен им верить), плюс парни из таджикских спецслужб, в зону ответственности которых входила граница с Афганистаном, уже сообщили: за «ленточкой» (так линию разграничения называют силовики) на протяжении последнего года формируются не знакомые никому отряды.

Несложно догадаться, какие флаги они поднимут в нужный момент и кто будет руководить нашествием. Экс-полковник Халимов отлично подойдет на эту роль.

Слишком много материальных и интеллектуальных ресурсов было вложено в «проект ИГИЛ», чтобы он взял и просто так растворился в ближневосточной пустыне. План отступления готов, «халифат» переезжает на границу с СНГ.

Об этом даже Бортников упомянул вскользь в своем сентябрьском докладе. А сейчас на фоне информационной утечки о том, что Россия собирается в ближайшее время сократить свое военное присутствие в Сирии, для меня нет вопросов — в каком направлении будут переориентированы умы наших военных стратегов.

ИСЛАМ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РИТОРИКА И ПРАКТИКА ОТНОШЕНИЙ

В последние два десятилетия ислам стал одним из ключевых факторов влияния на общественно-политическую ситуацию в странах Центральной Азии, которые еще в недавнем прошлом были атеистическими советскими республиками. Как рассматривать процессы исламизации, происходящие в этих республиках: возвращение к истокам, серьезная угроза, выбор обществ, инструмент мобилизации для государств или же иллюзия? Ответы на эти вопросы попытались найти эксперты из четырех стран Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана — в своем исследовании на тему «Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государ-

ство». Аналитическая работа была проведена региональной экспертной платформой *Central Asia Policy Group (CAPG)* в рамках проекта, инициированного немецким Фондом имени Фридриха Эберта.

Политические и религиозные институты

Первый раздел исследования содержит обзор законодательства и институтов, регулирующих религию, а также и статистику в виде инфографики, позволяющей наглядно сравнить ситуацию в 4-х странах Центральной Азии. Так, религиозную сферу в Казахстане регулирует министерство, в Кыргызстане — комиссия, в Узбекистане и Таджики-

стане — комитет по делам религии. Главными негосударственными институтами в этой сфере являются в Таджикистане Исламский центр — Совет улемов, в остальных странах региона — Духовное управление мусульман.

Показательны данные по количеству мечетей и имамов. Так, в Казахстане в 2016 году насчитывалось 2516 мечетей (в 1991 году — 68), в Кыргызстане — 2669 мечетей (в 2009 году — 1973), в Таджикистане — 3930, в Узбекистане — 2065 мусульманских организаций. Больше всего имамов на душу населения в Таджикистане — 1 имам на 2210 человек (всего 3914 имамов), меньше всего в Узбекистане — 1 имам на 7824 человек (всего 4100 имамов). В Казахстане один имам приходится на 4915 человек (3611 имамов по стране), в Киргизии — на 2407 человек (2500 имамов).

Количество мечетей в странах Центральной Азии

Ситуация с религиозным образованием в странах региона разнится. Так, в Кыргызстане зарегистрированы 112 исламских учебных заведений, в том числе один исламский университет, 9 исламских институтов, 102 медресе (из них 88 действующих). В пересчете на душу населения получается одно учебное заведение на 68,4 тысячи человек. В Казахстане действуют 13 учебных заведений — один университет, один

институт повышения квалификации, 9 медресе и 2 центра подготовки чтецов Корана (одно учреждение на 1,36 млн человек). В Узбекистане насчитывается 11 учебных заведений — 2 исламских института и 9 медресе (одно заведение на 3,21 млн человек). Меньше всего религиозных образовательных учреждений в Таджикистане, где функционирует только один государственный исламский институт на все население страны — 8,65 млн человек.

Исламские образовательные учреждения в странах региона

Во всех республиках региона в настоящее время официально запрещены религиозные партии. Только в Таджикистане до сентября 2015 года действовала Партия исламского возрождения (ПИВТ), которая была обвинена в организации попытки вооруженного мятежа и объявлена террористической.

Далее авторы исследования анализируют динамику трансформации политик каждой из четырех стран в отношении ислама за весь период независимости (до 2016 года). Приведем краткий обзор страновых разделов работы.

Узбекистан: Исламский ренессанс и внутренняя дилемма безопасности

В первые годы независимости в Узбекистане наблюдалась определенная либерализация в сфере религии. Возрождение религии сопровожда-

лось легализацией и выходом из тени существовавших мечетей. Благодаря этому в стране число мечетей резко выросло — с трехсот в 1989 году до 6 тысяч в 1993 году. Но в последующие годы тысячи мечетей, которые функционировали в начале 1990-х, не прошли официальной перерегистрации и были закрыты.

Вызовы исламского экстремизма, которые Узбекистан испытал в 1990-е годы (появление ИДУ и других экстремистских групп в Ферганской области; теракты в Ташкенте в феврале 1999 года и другие факты), процесс политизации и радикализации ислама способствовали ужесточению государственного контроля над религиозной жизнью в стране.

В республике запретили создание религиозными организациями негосударственных учебных заведений, а также преподавание религии в частном порядке. Власти негласно ограничивают посещение молодыми людьми пятничных молитв в мечетях, задерживая студентов после занятий. Женщинам и девушкам не разрешается носить в вузах религиозную одежду.

В то же время государство и политическая элита используют исламскую риторику. Примерами тому являются публичное осуждение западной поп-культуры, роскошных свадеб, мини-юбок девушек, вплоть до лишения лицензии на концертную деятельность некоторых артисток за откровенный вид и поведение на сцене. Все это обосновывается ссылками

на национальные традиции и исламские ценности.

Как отмечают авторы исследования, отличительной чертой нынешней политической элиты Узбекистана является упрощенное представление о том, что модернизация неизбежно приводит к уменьшению влияния религии и в обществе, и в умах людей. При Исламе Каримове религии отводилась преимущественно роль хранителя культуры. Однако политика активного снижения роли религии в жизни людей проводилась в то время, когда в обществе шел обратный процесс — усиления значения ислама.

В настоящее время в стране формируется новая общественная атмосфера, в том числе и в отношении религии. Инспектируя регионы страны, новый президент каждый раз непременно посещает исторические святые места, объекты культа и общается с духовенством. Выступая перед участниками съезда имамов в Ташкенте 15 июня 2017 года, Шавкат Мирзиёев подчеркнул необходимость более гибкой политики в сфере религии. Он призвал пересмотреть «списки неблагонадежных» в сторону сокращения. В постсоветской истории отношений между властью и религией, очевидно, открывается новая страница.

Ислам в Казахстане: между общностью и размежеванием

Традиционно ислам не был определяющим феноменом в жизни этни-

ческих казахов, хотя является незначительной составной частью идентичности. Как отмечают исламоведы, доля тех, кто исполняет все ритуалы и соблюдает нормы ислама в своей жизни, на протяжении последних десятилетий составляет 7–11 процентов от общего числа мусульман в Казахстане. Эти показатели уровня религиозности значительно отличаются казахов от их соседей в Центральной Азии, исторически более религиозно ориентированных. В целом делается вывод, что ислам в Казахстане как политический фактор маргинален.

В 1990-х годах исламский фактор во внутренней политике не играл сколько-нибудь заметной роли, вместе с тем закономерно, что социальная роль религии за это время возросла. С конца 1990-х годов власти страны узрели в религиозной активности и появлении неформальных религиозных общин и лидеров вызов. При этом эволюция отношения государства к этому вопросу от настороженности до активного противодействия была стремительной. Речь идет не только о так называемых нетрадиционных течениях и группах в исламе, таких как «Таблиг-и-Джамаат», «Хизб-ут-Тахрир», салафитах, но и о группах, придерживающихся суфизма, распространение которого в традиционной казахской среде имеет сравнительно давние исторические корни. Начиная с 2011 года, в Казахстане перманентно идут дебаты о запрете

салафизма, которые усиливаются на фоне терактов.

Возникает риск того, что в ответ на вызов радикалов государство будет противопоставлять также крайние меры — непропорциональное усиление административного контроля и силового давления. По официальным данным на 2016 год, более 400 человек находились в местах заключения за участие в террористической и экстремистской деятельности. В этом контексте вполне оправданными звучат предостережения религиоведов, что «гармония светско-исламских отношений в Казахстане может быть нарушена как в результате провокаций со стороны религиозных радикалов, так и в результате непродуманных действий со стороны отдельных представителей госорганов».

Власти стремятся сохранить контроль над религиозной сферой через укрепление ДУМ Казахстана. Дискуссия об атрибутах исламской одежды периодически активизируется в стране, особенно с начала 2010-х годов. Общее количество носящих религиозно обусловленную одежду не так велико, тем не менее острые споры вызвал вопрос о допустимости ее ношения в госучреждениях и учебных заведениях. Запрет на ношение религиозной одежды (хиджаба) был детализирован приказами министерства в 2016 году.

Возрастающую роль ислама может проиллюстрировать увеличение числа соблюдающих пост в месяц Ра-

мадан, совершающих хадж, посещающих пятничный намаз, в том числе госслужащих. Показательно, что зачастую деловые встречи чиновники стараются не назначать на пятницу в послеобеденный период. Таким образом, обрядовая сторона ислама становится значимым социальным фактором.

Таджикистан: ислам и политика

Ислам в Таджикистане играет значительную роль: религиозная идентичность («я — мусульманин») порой успешно конкурирует с национальной самоидентификацией («я — таджик»). Историческая память таджиков даже в советский период имела неразрывную связь с исламскими ценностями, которые в то время жестко подавлялись. В советском Таджикистане впервые в регионе было образовано отделение Партии исламского возрождения (Советского Союза), которое после обретения независимости республикой превратилось в самую мощную оппозиционную партию.

Почти четвертьвековую историю взаимодействия политического ислама со светской государственной властью в Таджикистане можно разделить на три этапа:

1. Бескомпромиссной борьбы за характер национальной государственности (1991–1997 годы, гражданская война);

2. Сохранения статус-кво в рамках Соглашения о мире (1997–2010 годы);

3. Вытеснения политического ислама с общественно-политической арены страны (2010 год — по настоящее время).

Как в годы гражданского противостояния (1992–1997), так и в годы постконфликтного восстановления (1997–2008) процесс строительства мечетей и молельных домов шел ускоренными темпами. Дело дошло до того, что их количество превысило общее число средних школ по всей стране. Власть озаботилась вопросом упорядочения религиозной жизни населения и сдерживания процесса исламизации общества. Совет улемов Таджикистана, являющийся общественным институтом, стал контролироваться государством. Имам-хатибам пятничных мечетей была назначена фиксированная зарплата, что означало придание им статуса госслужащих.

После сентябрьских событий 2015 года, квалифицированных властями как попытка военного переворота, Верховный суд Таджикистана запретил деятельность ПИВТ. А конституционный референдум 22 мая 2016 года утвердил запрет на создание религиозных политических партий. Теперь деятельность ПИВТ останется в истории суверенного Таджикистана как неудавшаяся попытка функционирования политпартии исламского характера в условиях светской государственности.

Нейтрализовав ПИВТ, власть устранила своего ключевого оппонента в религиозных вопросах. Ни одна структура, связанная с религией, в Таджикистане не обладает тем политическим статусом и влиянием, которым обладала ПИВТ.

На этом фоне особую тревогу вызывает наличие в обществе религиозных людей, подверженных пропаганде салафизма и ваххабизма, а также волна осознанно присоединившихся к так называемому «Исламскому государству» (запрещенная террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта», ИГИЛ, ИГ, ISIS или IS англ., Daesh араб., ДАИШ) — людей, которые отравились в Сирию, не примирились с атеистическими проявлениями в действиях власти (создание дискомфортных условий для носящих хиджаб и бороду). По мере неофициального освоения основ ислама (от приверженцев салафизма и ваххабизма) у части религиозно настроенной молодежи формируется негативное отношение к светской власти, считают эксперты.

Кыргызстан: политика и ислам

После распада Союза ислам был не единственной идеологической парадигмой, к которой обратили свои взоры граждане суверенного Кыргызстана. Достаточно привлекательными были и продолжают оставаться

идеи демократии, либерального государства, прав и свобод человека. Процесс поиска идеологической идентичности в Кыргызстане продолжается, и роль ислама в этом процессе имеет тенденцию к расширению.

Примечательно, как менялась риторика первых лиц страны, например, первого и второго президентов Кыргызстана — становится очевидным постепенный рост внимания к исламу и его роли в обществе. Речи первого президента Киргизии Аскара Акаева отличались осторожным отношением к исламу. Он намеренно не отделял его от других религий. Исламу отводилась скорее культурная сфера, чем идеологическая и тем более политическая. Президент не молился, не совершал намаз, во всяком случае — публично.

Второй президент Курманбек Бакиев, будучи, как и Акаев, полностью «продуктом» советской эпохи, тем не менее, обращал более пристальное внимание к вопросу ислама. Религия как политический вопрос начала рассматриваться именно в бакиевские времена. Первым законом, который утвердил Курманбек Бакиев, был закон о свободе вероисповедания.

Алмазбек Атамбаев в период своего президентства в разной степени демонстрировал свою приверженность исламу. Из всех президентов Кыргызстана он делал это наиболее явно. В своих интервью он часто говорит на темы религии, идентичности и безопасности.

В 2015 году президент Атамбаев отдал свой участок в Бишкеке под строительство мечети в память о погибших во время апрельских событий 2010 года

Теракты 11 сентября 2001 года в США привели к тому, что отношение к исламу стало меняться во всем мире, включая и Кыргызстан. Исламу все больше отводилась роль «негативного фактора» с довольно объемными характеристиками «экстремизма» и «терроризма». Эти процессы происходят на фоне того, что в Кыргызстане, как и везде в Центральной Азии, ислам становится все более востребованным со стороны общества. Это демонстрирует динамика стремительного увеличения количества мечетей и медресе в стране, особенно в регионах, где мечеть стала основным доступным местом социализации людей.

Несмотря определенные попытки государства ограничить религиозное влияние, особенно в сфере политики, эти процессы, так или иначе, набирают обороты, и религия в Кыргызстане все больше проникает в политику. И в среде чиновников высокого ранга, и в среде конкурирующих политических групп ислам все чаще становится способом позиционирования и легитимизации, а также ресурсом для мобилизации избирателей. В 2010 году депутат парламента Кыргызстана, экс-омбудсмен Турсунбай Бакир уулу принял присягу в парламенте не на Конституции Кыргызстана, а на Коране. В 2011 году в здании

парламента страны открывается первая молельная комната — намаз-кана. Позже, в 2015 году, была построена вторая молельная комната, большей площади.

Рост влияния ислама на умы и настроения людей естественным образом озаботил государство вопросами качества образования, получаемого в религиозных учебных заведениях. В настоящее время Госкомиссия по делам религий Кыргызстана совместно с ДУМ ведет активную деятельность в области религиозного образования, обсуждается Концепция религиозного и религиоведческого образования в Кыргызстане.

На фоне обострения террористических угроз со стороны различных радикальных движений, «Исламского государства», дискурс религиозного, конкретно исламского все больше вытесняется в область политики безопасности с отсылкой к «экстремизму» и «терроризму». Долгое время политика Кыргызстана в религиозной сфере считалась самой либеральной в регионе Центральной Азии. Однако в последнее время политика республики стала ужесточаться. Все чаще на Совете безопасности государства обсуждается религиозная тема, все активней силовые органы занимаются проблемами радикального ислама.

Тезисы

В заключение авторы исследования обобщают тенденции, характерные для стран региона:

— Духовные управления мусульман (ДУМ) можно рассматривать как продолжение советской практики централизованного управления религиозной сферой в каждом из государств Центральной Азии.

— Модификация государственной политики в данной сфере, а также формирование нового диалога с исламом обусловлены двумя основными тенденциями, которые можно условно обозначить как борьба за умы и сердца (в частности, ради легитимизации режима) и борьба за голоса электората.

— Наблюдается очевидный и активный процесс роста количества религиозных организаций (мечетей) в странах Центральной Азии. В первые годы независимости данный процесс носил неконтролируемый характер. В последующем государства

предприняли шаги по упорядочению данного процесса через усиление контрольных и координационных механизмов.

— В Центральной Азии только Таджикистан имеет неоднозначный опыт деятельности легальной политической партии религиозного типа. Однако тенденция секьюритизации ислама привела к тому, что на сегодняшний день легальное участие таких организаций в политической жизни страны стало невозможным.

— Актуальность проблематики вызовов и угроз, которые появляются как побочный эффект реисламизации, предопределяет секьюритизацию ислама в государственной политике. Это, в свою очередь, порождает вопрос о необходимости нахождения принципов и основ взаимного доверия между исламом и государством.

С полным текстом исследования можно ознакомиться по этой ссылке (в документе 52 страницы).

Источник: 02.11.2017 г. — <http://www.fergananews.com/articles/9618>

Дамир Мухетдинов

ИНТЕРЕС РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Дамир Мухетдинов: Фундаментальный интерес России как мировой державы заключается в социальной и политической стабильности в Средней Азии.

Азиатское подбрюшье России вновь стало объектом пристального интереса и предметом общественной дискуссии. Однако риторика в отношении среднеазиатского вопроса в русскоязычном пространстве не меняется годами, тогда как сам этот сложный и многослойный регион претерпевает смену форматов и идей. О том, как меняется облик Узбекистана и Кыргызстана мы беседуем с первым заместителем председателя ДУМ РФ, членом Общественной Палаты РФ Дамиром хазратом Мухетдиновым.

— Уважаемый Дамир-хазрат, в ходе своей недавней поездки в среднеазиатский регион вы посетили Кыргызстан и Узбекистан. Как Вы считаете, эти Республики сегодня остаются центрами интенсивного духовного общения и взаимного обмена для мусульман России или они стали в свете последних событий очагом опасности, регионом, откуда исходит угроза, в том числе и распространения радикальных идей?

— В течение последних недель делегация Духовного управления мусульман Российской Федерации посетила Кыргызстан для участия в Курултае мусульман республики, на котором избрали муфтия, чуть ранее — для участия в церемонии открытия Соборной мечети имени Махмуда Кашгари в Бишкеке, а также посетить Узбекистан для встреч с руководством Духовного управления и рядом аксакалов Узбекистана.

На второй срок подряд во главу кыргызстанского муфтията был избран наш брат Максатбек ажы Токтомушев. На мой взгляд, этот человек — представитель нового поколения мусульманского духовенства, чувствующий пульс времени и глубинные интересы своего народа. Я лично с удовлетворением отметил для себя, что переизбрание Максатбека ажы Токтомушева на второй срок свидетельствует о долгожданной и очень нужной кыргызстанцам стабилизации в религиозной сфере. К сожалению, я вынужден констатировать, что несколько революций, гражданских столкновений, которые пережил Кыргызстан, события 7-летней давности в Оше и Джелалабаде, привели к тому, что с 91-го года по сегодняшний день в республике сменилось большое количество муфтиев. Деление на разные кланы, на северян и южан накладывало свой отпечаток. Каждый вновь пришедший муфтий тратил значительное время на организационные, административные моменты — формирование своей команды, решение административных вопросов и т.д.

Только имея тылы в виде стабильной, слаженной команды, руководитель и лидер может отвлечься от текущей рутинной работы и уделить внимание фундаментальным и стратегическим вопросам — науке, образованию, культуре. Поэтому большие надежды я лично возлагаю на второй срок муфтия Максатбека Токтомушева, который уже укрепился, состо-

ялся как личность. Он смог сочетать в себе очень многие достоинства как публичного оратора, богослова, который спокойно может апеллировать к тексту Корана, хадисам Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Всевышнего), фактам мусульманской истории. Причем он свободно говорит, помимо кыргызского, на арабском, русском и других языках.

Я участник многих съездов духовенства в Кыргызстане. Бывало, они заканчивались скандалами, и муфтий накануне выборов находился в состоянии «быть или не быть». В этот раз, как я понял, внутренних противоречий в структуре кыргызстанского духовенства не было. Выборы прошли очень быстро. По сути, какой-то яркой мощной конкуренции, иной альтернативы действующему муфтию не было.

В медиа пространстве, может быть, Токтомушев еще недостаточно ярко представлен, потому что в Кыргызстане есть такие мощные фигуры, как, например, шейх Чубак ажы Жалилов, как бывший ректор исламского университета, а теперь глава Совета улемов Кыргызстана Абдушукур Нарматов. Это медийные фигуры, у них большое количество читателей в соцсетях. Но в мечетях, на местах имамы, духовенство, прихожане ориентируются четко на действующего муфтия. В смысле лояльности духовенства позиции Токтомушева очень прочны. Поэтому я считаю, что ему ни в коем случае нельзя сбавлять обороты, нужно

быть активным, идти в госструктуры, в светские вузы.

Кстати, за считанные дни до Курлтая, на церемонии открытия величественной мечети «Махмуд ал-Кашгари», духовный лидер российских мусульман муфтий шейх Равиль Гайнутдин отметил заслуги Максатбека ажы награждением его медалью российских мусульман «За духовное единение». Это было своего рода благословением Максатбека ажы на дальнейшие труды, причем муфтий Гайнутдин всегда подчеркивает, что приоритетное значение нужно уделять укреплению интеллектуального потенциала.

— Сами кыргызы любят подчеркивать, что в их исламизации и просвещении решающую роль играли татары-просветители с Волги и Урала.

— Да, надо отдать должное, что наши кыргызские братья всегда с большим уважением и благодарностью отмечают эти исторические факты, не забывают и о нашей миротворческой миссии, предпринятой по благословию муфтия Гайнутдина летом 2010 года во время кровавых событий на юге Кыргызстана. Руководство республики, муфтият понимают: есть ханафитская традиция, есть ислам бассейна Мавераннахра, но при этом мусульмане региона неразрывной духовной связью объединены с российскими единоверцами.

Но нельзя и упрощать общую картинку. Сегодняшнее наше духовное общение настолько же опирается на существующие общественно-политические и экономические реалии, насколько и на исторический базис. Очень показательным в этом плане было открытие мечети «Махмуд ал-Кашгари». Она была построена на средства Анвара Маметова — российского предпринимателя и мецената, родившегося в Кыргызстане в уйгурской семье. В архитектуре и техническом исполнении этого проекта ясно прочитывается опора, во-первых, на среднеазиатские архитектурные и художественные традиции (в противовес копированию турецкого стиля), а во-вторых, стремление к тому, чтобы мечеть по техническим параметрам соответствовала мировым стандартам. Эти внешние проявления — показатель глубинных процессов, идущих в среде верующих кыргызстанцев. 25–30% населения этой страны — самая активная часть населения, проживает за ее пределами. И хотя они были и останутся носителями среднеазиатской ментальности и мусульманского самосознания, годы, проведенные за пределами Родины, приобщение к русской, а через нее и европейской культуре в любом случае оставляют свой отпечаток и это будет влиять на будущее Кыргызстана и других государств в регионе. Я встречаю свидетельства этих процессов повсюду в Средней Азии.

— А это хорошо или плохо?

— Это ход истории, как к нему ни относиться. 70-летний период совместного проживания в государстве под названием Советский Союз, урбанизация, огромное количество мигрантов, которые сегодня постоянно приезжают в российские города — все это изменило ситуацию. Хотят того люди или нет, но они переносят часть русской ментальности и культуры на родную почву. Когда ты видишь архитектуру крупного мегаполиса — Москвы, Санкт-Петербурга или Екатеринбурга, а потом возвращаешься к себе домой, появляются новые смыслы, новые критерии оценки того, каким ты хочешь видеть свою страну, свой город или кишлак. Ты не всегда удовлетворен тем, что было привычно тысячелетиями твоим отцам, ты не хочешь уже вести такой же быт, какой вели они. Все это накладывает отпечаток и требует поиска новых ответов на вопросы, новых форм проповеди, сочетания традиций с современностью. Поэтому те же праздники, Мавлид ан-Набий, например, — в нем сочетание светского элемента и религиозного. По идее они не должны уживаться, как говорится, в одном флаконе. С одной стороны, религиозная архаика, а с другой — некий модерн, но кыргызы, духовенство Кыргызстана, смогли найти эту тонкую грань. И это опять же результат того, что большое количество людей изменили свое сознание, осознали себя людьми 21-го века, которые

готовы через новые формы проповеди принимать религиозные идеи. В этом году Мавлид прошел в одном из крупнейших и престижных концертных залов Москвы Crocus City Hall и, будем объективны, это не традиционный для наших мусульман формат культурного мероприятия, но он прижился и является своеобразной отдушиной, возможностью приобщиться к национальным и духовным традициям для кыргызов, живущих в России. Причем ДУМ Кыргызстана — основной организатор мероприятия, очень корректно и стратегически верно расставляет на нем все акценты. Максатбек ажы Токтомушев лично принял участие в этом году в кыргызском Мавлиде. Кыргызстанские богословы призывали соплеменников к тому, чтобы живя в России, соблюдать ее законы, очень мягко адаптироваться, интегрироваться в российское правовое пространство. Была отмечена роль Московской Соборной мечети и личного патроната муфтия шейха Равиля Гайнутдина. Таким образом проведена чрезвычайно важная мысль о том, что при поддержке правительств обеих государств духовенство наших стран совместно создает условия и для адаптации и усвоения норм российской жизни, и для сохранения собственной этнической и религиозной идентичности, причем в такой форме, которая вбирает в себя и европейские традиции в том числе. Есть запрос на современные формы, на актуальные религиозные знания и в самой Средней Азии. Обратите

внимание: когда наш брат Шамиль Аляутдинов приезжает с лекциями в республики Средней Азии (например, в Казахстане или Кыргызстане), там аншлаг. Причем выступает он не бесплатно. Но люди готовы тратить свои деньги ради того, чтобы получить ответы исламского богослова на волнующие их вопросы. Будучи жителями далеко не самых богатых, самых сытных республик, испытывающих большие социальные проблемы, они идут на лекцию Шамиля Аляутдинова, человека знающего, имеющего огромный авторитет в вопросах теологии, богословия, потому что старшее поколение духовенства в силу возраста не может дать ответы на вопросы сегодняшнего дня. Хочу подчеркнуть, что кыргызы за последние два десятилетия стали гораздо более религиозны, нежели раньше.

Но есть и прямо противоположные проявления такой европеизации. Входя в кафе в Узбекистане, ты видишь на столе рюмку и слышишь русскую музыку. Я говорил своим братьям в республиках Средней Азии, что мне хочется, чтобы были национальные напитки (шубат, например) и музыка — национальная. Они говорят, это все есть, но рюмка все равно будет стоять. Искоренить это очень трудно уже. От своих друзей в Бухаре я узнал, что там будут всю ночь работать дискотеки, развлекательные заведения, поскольку это крупнейший туристический центр. В моем представлении, если люди приезжают в Бухару, даже если это евро-

пейцы, то не за тем, чтобы потанцевать, послушать музыку, но с целью посмотреть памятники мировой архитектуры, а в случае мусульман — наполнить знакомство с ними еще и духовным смыслом. И у меня возникает вопрос — почему эту туристическую зону не устроить в Ташкенте, а Бухару и Самарканд оставить в покое?

— Справедливости ради отметим, что выработка решений таких вопросов как сохранение идентичности, формирование самосознания, регулирование вопросов светскости-религиозности невозможно без политической воли и политических мероприятий. В чем заключается политика властей по отношению к религиозному вопросу, по Вашей оценке?

— Когда мы сегодня отправляемся в среднеазиатские республики, глубоко в сознании у нас сидит, что мы едем в мусульманские республики. А то, что ты едешь в Республику бывшего СССР, в светское государство — отходит на второй план. Эти страны по умолчанию воспринимаются как некие исламские государства. Но факт в том, что власть относится к исламу очень настороженно, а в то же время не может не учитывать исламский фактор, таким образом делая один шаг вперед и два назад. Двойственность этого положения заключается в том, что «ослабление вожжи» в религиозном вопросе поли-

тические лидеры рискуют получить у себя в стране весь букет разнообразных деструктивных квазирелигиозных течений и сект, раздирающих сегодня исламский мир. Но и полностью закрывать глаза на возрастающие религиозные потребности и запросы населения было бы глупо и преступно.

Кстати, ведь и арабский мир еще несколько десятилетий назад стоял перед подобной развилкой. Вспомните Египет, Гамалая Абдель Насера, его попытку построения социализма, эмансипации женщин, укрепления светских институтов, вслед за чем к власти приходит Анвар Садат. Вроде бы он воспитанник светской школы, но он почувствовал иное веяние — веяние веры и предпочел совсем другое. Поэтому те же президенты Алмазбек Атамбаев и Шавкат Мирзиёев, будучи представителями светской традиции и культуры, вынуждены иметь в виду религиозный фактор, который будет играть все большую роль. Я не хочу сказать, что будет больше набожности или религиозности — все эти вещи оцениваются Господом Богом, не наше право об этом рассуждать. Но сдвиги в общественном пространстве уже налицо. Я приехал в Ташкент, и мне говорят — пятничные проповеди изменились. Раньше имамы рассказывали, что надо платить за свет, за газ, как правильно переходить дорогу. Слушать такие проповеди было невозможно. Сейчас начали говорить о духовности, а прошло всего только несколько месяцев,

как Шавкат Мирзиёев стал главой Республики. Люди почувствовали новые веяния в религиозной сфере. Ведь что такое проповедь? Это живая связь с народом, это те импульсы, которые ты даешь населению. И здесь очень важно помнить: после Садата была эпоха Мубарака, а закончилась она чем? Поэтому мы сейчас на примере соседней Республики можем реконструировать 50 лет. Был один руководитель со своим стилем. Пришел новый человек, который сейчас выглядит либералом, который открывает новые возможности, наводит мосты. Но не получится ли так, что после того, как двери распахнутся, найдутся люди, которые начнут по-своему трактовать новые возможности и обретенную свободу? На любые антигосударственные поползновения Президенту придется давать и силовой ответ тоже и тогда начнется кровавая бойня. На мой взгляд, на президенте Мирзиёеве, как главе 30-ти миллионной нации, лежит очень большая ответственность: найти пути и формы оживления религиозной жизни, которые привели бы к социальной стабильности, культурному процветанию, но не к укреплению крайних форм прочтения ислама.

Ресурсы для этого именно у Узбекистана просто гигантские. Я считаю, что нет ни одного государства в мире, с подобной же концентрацией исламских святынь на квадратный километр. Куда ни посмотри — или мечеть, или история, связанная с великими учеными, или мазар. При

продуманном подходе к актуализации этого наследия, Узбекистан мог бы стать новым «законодателем моды» в религиозной жизни мусульманского мира, который на весь мир громко заявил бы о возрождении созидательного потенциала ислама, о новом постижении и прочтении исламского наследия.

История ислама в Узбекистане изобилует личностями, событиями и традициями ключевыми для комплексного понимания исламской цивилизации. Это и суфийская традиция школы шейха Накшбанда, и традиция Кубравийя, и ханафитская традиция, личность аль-Матуриди в области акиды (вероучения — прим. ред.). Если все это переосмыслить, то Узбекистан мог бы играть ведущую роль не только в масштабах Средней Азии, но и на всем евразийском пространстве. Светский характер государства, как я считаю, дает больше возможностей для мусульман. То, что мы живем в плюральном мире с представителями разных религий и традиций, — еще одно преимущество. Все это в совокупности могло бы дать большой толчок к развитию Узбекистана и региона в целом.

— **Предшественник Шавката Мирзиёева Ислам Каримов занимал достаточно прохладную позицию по отношению ко всему этому богатству.**

— Действительно, в связи с внутренней политикой, которая проводилась в Республике, мусульмане

вынуждены были вариться в собственном соку. Я выступаю неким «адвокатом» Ислама Каримова. Мне говорят — он диктатор, он подавлял ислам, он запрещал то и это. Я говорю в ответ — пройдет время, и вы по-другому осмыслите его наследие. Да, он закрылся от внешнего мира и закрыл вас, но это заставило вас обратиться к своему духовному наследию, посмотреть, что наработано среднеазиатскими учеными в области права, акиды и других отраслей наук знания. Если традиция богата и многогранна, то как ее не сдавливай, она все равно даст свои всходы. Оторванность от остального мира, изоляция позволила вам в глобальном плане не заразиться теми болезнями, от которых страдает исламский мир сегодня. Это вопросы такфиризма, неприятия всего и вся. Поэтому, как только появится возможность, вы очень быстро компенсируете потерянные годы. Рефлексия по историческому знанию, самоидентификация — всегда будет, но то, что в Узбекистане сохранен гражданский мир, что там не было потрясений и революций, не было массового оттока мусульман в страны Ближнего Востока — это очень важно. Узбекистан — это население Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении вместе взятых. Это ключевое государство Средней Азии. Стабильно там, стабильно у соседей. Нестабильно в Узбекистане все вокруг будет трещать по швам. Кому бы как ни нравилась роль Ислама Каримова, я считаю, его заслуга в сохранении

гражданского мира и стабильности есть. Наверное, ученые-международники, политологи еще подумают над оценкой его роли. А задача вновь пришедшего человека уже новой эпохи — сделать так, чтобы не сойти с рельс здравого смысла, продолжить курс на раскрытие потенциала, который скопился у нации и направить его в созидательное русло.

— В случае с Кыргызстаном Вы отметили, что совместными усилиями были найдены правильные формы, правильная тональность совместной работы кыргызстанского и российского духовенства. На что мы опираемся при развитии сотрудничества с духовенством Узбекистана?

— Обобщенно отвечая на Ваш вопрос, связи российских мусульман с Узбекистаном несколько иного характера, нежели с Кыргызстаном. Она основана, прежде всего, не на политических факторах, а на традициях книжности, учености, интеллектуального обмена.

Десять лет назад мы начали системное движение по восстановлению взаимоотношений со Средней Азией, опираясь на опыт шейха Равиля Гайнутдина, которого с Узбекистаном в частности связывают несколько десятилетий духовных и дружеских связей.

Я сам питаю особенную любовь к Узбекистану и стараюсь комплексно оценивать исторический процесс. Издательским домом «Медина» многое

уже сделано и делается для изучения и популяризации российско-узбекских исламских связей и его крупнейших исторических личностей. Напомню, что следующий 2018 год — юбилейный, ибо в 1943-м году был учрежден САДУМ — Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Его возглавила династия Бабахановых. Мы прекрасно понимаем, что Эшан Бабахан и его сын Зияутдин Бабаханов — это фигуры мирового уровня. Посещая недавно музей Бабахановых, я увидел огромное количество международных правительственных наград, которые получили представители этой династии. Это не просто признание внутри Республики, а именно международное признание королей, президентов арабских стран. На протяжении десятилетий, до 1991-го года эта династия курировала, консолидировала мусульман Средней Азии и представляла мусульман Советского Союза на мировом уровне, ведь Зияутдин Бабахан возглавлял Отдел международных связей мусульманских организаций СССР. Тогда не было современных средств коммуникации, и современная молодежь, к сожалению, не имеет возможности послушать проповеди или прочесть огромное наследие Бабахановых, ибо эпоха 40-80-х годов в принципе не позволяла дать это. Но мы из истории прекрасно знаем, что это были авторитеты мирового уровня. Я уверен, что шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф тоже понимал, какое место занимала

династия Бабахановых и в его становлении в том числе. Ведь Ташкентский исламский институт возглавлял Шамсутдин Бабахан, и после его ухода на дипломатическую работу шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф пришел на должность ректора этого учебного заведения. Молодежь, конечно, знает и читает книги шейха, но мы не имеем ни морального, ни этического, ни исторического права списать и перечеркнуть поколение Бабахановых. И второй важный момент: ныне действующий муфтий Усманхон Алимов — выпускник 87-го года Ташкентского исламского института. Тогда Шамсутдин Бабаханов уже был муфтием, а ректором Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. В Институте муфтия видели редко, все-таки он представлял Республику и представлял Советский Союз на международной арене, а ректор — тот, кто с тобой постоянно. Поэтому перед тем поколением студентов был этот пример — проповедника, управленца, ученого. И поэтому люди так тяготеют и так знают, и понимают Мухаммада Садыка Мухаммада Юсуфа. Но люди преклонного возраста, которые родились в 30-40-е годы, для них фамилия Бабахановых — это то, что произносится с придыханием и восхищением.

Мы осознаем, какую колоссальную работу сделал за свою жизнь шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Его смерть была величайшей утратой, потерей для мусульман на всем постсоветском пространстве.

Честно говоря, я сейчас не знаю, кто бы имел такой колоссальный международный авторитет. Безусловно, международный авторитет имеет шейх Равиль Гайнутдин, его принимают первые лица любой арабской и не арабской страны. Но в вопросах богословия, я считаю, новое поколение пока не подготовило человека с таким опытом в том числе и международным, как Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, с любой трибуны свободно рассуждавшего на фундаментальные темы на узбекском или арабском или фарси. Он некоторое время жил за пределами своей страны в Ливии, это позволило ему приобрести колоссальный международный опыт. Будучи членом крупнейших международных организаций, он был фигурой, которая входила в число международных ученых всего исламского мира. Его смерть, повторяю, великая утрата, но он успел сделать огромное дело. Его книжное наследие — самое ценное, что он оставил. Сколько у нас муфтиев — было, есть и будет, но любой муфтий останется в нашей памяти благодаря своему духовному наследию. Поэтому, когда мы с придыханием говорим имена Фахретдин, Марджани, Курсави, Баруди, Фаизханов, Бигиев, мы вспоминаем их только в связи с тем, что у них есть десяток, а у кого-то и под сотню книг на разных языках. Из 13-ти муфтиев, которые были в России с момента основания в 1788 году только в основном 2 фамилии постоянно у нас на устах — это Баруди и

Фахретдин. Потому что только эти двое Баруди и Фахретдин оставили после себя обширное печатное наследие, которое изучается из поколения в поколение, переиздается, переводится и так далее. Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф оставил огромное наследие, которое еще долгие годы будет служить руководством значительному числу мусульман постсоветского пространства.

— Мы говорим об исламе в современной судьбе кыргызского и узбекского народов. В этой связи нельзя не вспомнить о трагедии, разыгравшейся между представителями двух этих эносов на юге Кыргызстана. Сохраняется ли опасность стабильности Кыргызстана по линии Север-Юг?

— Я — непосредственный свидетель конфликта в Оше и Джалал-Абаде, общавшийся с обеими сторонами. Могу сказать, что это район самой высокой религиозности, самой высокой концентрации мечетей, медресе и духовенства. Но все это не помешало и не остановило людей от того, чтобы превратиться в некое подобие хищных животных. Вся рефлексия о тысячелетней истории народа, исламские проповеди — все это в одно мгновение куда-то ушло, и люди начали друг друга уничтожать физически самыми варварскими способами, вырисовывая гвоздями звезды на спинах маленьких детей, с применением насилия, бутылок с зажигательной смесью. Бесчинства

были страшные. Надо подчеркнуть, что религия там не была фактором конфликта. Но есть устоявшаяся, складывавшаяся веками традиция двух разных культур — культуры кочевников, каковыми исторически являлись кыргызы и казахи, и традиция более оседлых узбеков. Мы понимаем, что крупные города Ош и Джалал-Абад — это административно кыргызская земля, но — рынки, предприятия в основном были сконцентрированы в руках узбеков. Националисты и провокаторы пытаются использовать эти факторы — не религиозные и даже не этнические в своей сути, а именно экономические. Советский Союз в течение длительного периода времени пытался корректировать, а где-то заново перестроить систему ведения хозяйствования как такового, но, к сожалению, все возвращается на круги своя. Здесь могу повторить тезис, высказанный ранее — многое зависит от мудрости и политической воли лидеров двух государств, а также от воспитательной работы, проводимой духовенством.

— Дамир-хазрат, вернемся к актуальной на сегодня теме — миграции. По разным оценкам в России сейчас трудится более 3-х миллионов граждан Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Огромная цифра. Кто с ними работает целенаправленно? На мой взгляд, в большинстве своем мигранты в духовном плане предоставлены сами себе.

— Вы правы отчасти. С одной стороны, инфраструктурные, кадровые возможности наших духовных управлений буквально трещат по швам от наплыва наших братьев трудовых мигрантов. Каждый имам ежедневно общается и наставляет десятки мигрантов. А с другой стороны, все наши усилия — это капля в море, так как огромное количество приезжих братьев продолжают пребывать в состоянии абсолютной религиозной дезориентированности и становятся жертвами пропагандистов.

Мы говорили с Вами о работе ДУМ Кыргызстана по духовному воспитанию и просвещение кыргызов и кыргызстанцев в России. Вообще это уникальный прецедент и пример, когда зарубежное духовное управление системно, не от случая к случаю, работает со своей паствой внутри России. Наши кыргызские братья не занимаются прозелитизмом, не привлекают российских мусульман к своему пониманию ислама по-кыргызстански, они работают с нашими прихожанами — они могут быть гражданами РФ, но кыргызами по менталитету, по происхождению, по рождению. Я понимаю, что такая работа муфтията Кыргызстана могла осуществиться только при моральной, духовной поддержке со стороны руководства Республики и Президента. Невозможно было, минуя такие структуры как МИД, Посольство КР в России, как Комитет по делам религий, прийти и вещать здесь, в Москве или в других российских городах.

К сожалению, муфтияты и духовные центры других республик СНГ пока не настолько активны, хотя робкие попытки делаются. Во время встречи с первым заместителем ДУМ Узбекистана шейхом Абдельазизом Мансуром я как раз апеллировал к кыргызстанскому опыту.

В целом, говоря о проблеме адаптации и интеграции мигрантов, должен заявить: отсутствие разветвленной исламской инфраструктуры приведет к потрясающим, на мой взгляд, проблемам. Если нет инфраструктуры, не хватает знающих проповедников и педагогов, начинают появляться новые смыслы, альтернатива нравственному стержню, которым служит мечеть и ее община. Что становится смыслом для мигрантов? Потребление, нажива в условиях жестокой конкуренции. Люди теряют все моральные этические качества — сострадание, взаимопомощь, взаимовыручку, им нужно выжить, и появляется озлобление. Это та социальная масса, которая потенциально протестна и к нашему действующему правительству, которое якобы виновато в их плохой жизни, и к своему правительству. Я считаю, что, если наше гражданское население, не только власть, а именно гражданское население поймет, что духовенство не в состоянии зайти в каждый дом, а имеющаяся мечеть собирает всех и там со всеми ведут работу, тогда ситуация может измениться. Ведь мечеть по-другому формирует сознание. Поставьте себя на

место любого кыргыза, узбека, таджика, проходящего в Московскую Соборную мечеть. В центре Москвы, столице государства, где большинство населения исповедует православное христианство возвышается 6-этажная мечеть, красавица, какой нет ни в Бишкеке, ни в Ташкенте. При этом все знают, что возведена она при поддержке Президента России Владимира Путина, который лично присутствовал и на ее открытии. Когда ты видишь эту прекрасную мечеть, слышишь грамотные глубокие проповеди, происходит такой важный процесс, как окультуривание. Через красоту, эстетику воспитательный процесс начинается. Но если каждую пятничную молитву твое лицо упирается в грязь, в асфальт или в лужу, когда в холод у тебя зуб на зуб не попадает, а мулла затянул проповедь на 40 минут, какие смыслы остаются в жизни?! Человек становится бунтарем, он обвиняет: вы все — агенты власти. И никто после этого не докажет, что ислам — религия мира. Эта масса — прекрасный материал для экстремистов и радикалов, которые говорят: а что власть сделала для вас? Вы по Конституции имеете права, но вам не дают права даже помолиться в нормальных условиях! Если эта картинка с годами не меняется — если ты опять в луже, на картонке, в грязи или в снегу, то возникают сомнения — ради чего? Зачем трудиться, если ничего не меняется!? Это все выводит наших детей, нашу моло-

дежь на улицы. Наша молодежь умная и грамотная, у нее очень сильно обострено понятие справедливости и понятие правды, которая не видит перспективы — ради чего получать диплом государственного вуза. У меня четверо детей, и они спрашивают у меня — почему ты нас не берешь на праздничную молитву? Я им объясняю — очень много людей, и вас просто задавят. Получается, что я в ущерб воспитанию своих детей в духовной традиции вынужден идти на такой шаг ради 4-х мигрантов, чтобы они послушали проповедь шейха Равиля Гайнутдина. Поэтому я считаю очень важным иметь хорошую инфраструктуру, грамотных высокообразованных имамов, таких, как Шамиль Аляутдинов, Ильдар Аляутдинов, Ислам Зарипов, которые воспитали за последние годы сотни тысяч людей. Посмотрите, какими тиражами издаются их книги и проповеди, как их слушают в интернете! Если бы всего этого не было в Москве, сколько бы мы имели потенциальных экстремистов, больных духовно людей? Пока гражданское население России не поймет, что мусульманское духовенство не имеет достаточных рычагов для работы с мигрантами, эти люди будут уходить в свои квартиры, прятаться на рынках и нести потенциальную угрозу всем и вся. Не потому, что они такие, а потому, что складывающиеся обстоятельства выталкивают их из социально активной жизни именно в протестные массы.

— Впечатление от нашей беседы складывается двоякое — с одной стороны Вы говорите о новой волне лидеров, впитавших в себя исламскую культуру и ценности, но являющихся и частью современного глобального мира, о блестящих перспективах развития исламского наследия, с другой стороны — об огромном негативном потенциале, носителями которого являются массы трудовых переселенцев.

— Так оно и есть. От политических лидеров, духовных авторитетов, интеллектуальных элит наших стран зависит, будут ли отношения по линии Россия — Средняя Азия источником головной боли или станут ресурсом роста и развития. Фундаментальный интерес России как мировой державы заключается в социальной

и политической стабильности в Средней Азии.

Это мое твердое убеждение, оно, конечно не оригинально и не ново. Однако хорошей новостью в сложившейся ситуации является то, что в соседских и братских нам государствах сформировалось новое поколение молодых лидеров (в бизнесе, науке, религиозной сфере), которые могут стать опорой двусторонних правительственных усилий с тем, чтобы наше неизбежное и предопределенное Всевышним соседство было источником обоюдного развития, а не наоборот. В связи со сложившимися политическими и международными реалиями открываются новые перспективы, и я надеюсь, они будут реализованы.

Беседовала Ольга Сёмина

Юрий Михайлов

ИСЛАМ — РЕЛИГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

От редакции «Россия навсегда»: Сегодня, 14 июня 2014 года, большая и знаменательная дата для всей российской уммы (мусульманской общины) — 1125-я годовщина принятия ислама Волжской Булгарией. В честь этого события в Татарстане состоялось большое празднество «Изге Болгар жыены», которое почтили многие духовные лидеры и руководство республики.

124

Так каков Ислам настоящий, ставший магнитом и путем в цивилизацию для многих народов? В чем секрет удивительного добрососедства ислама и христианства на российской равнине? Чем ислам может быть особенно современен и актуален? Об этом приведенный ниже материал.

Автор Юрий Анатольевич Михайлов — главный редактор научно-издательского центра «Ладомир» (Российская Федерация).

«Ислам — религия интеллектуалов» — фрагмент выступления Юрия Анатольевича на большой представительной международной конференции «Россия и исламский мир: сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман» в 2010 году,

организованной Институтом Востоковедения РАН, Посольством Ирана, Центром стратегических и политических исследований (РФ), МГИМО(У) МИД РФ, Институтом Истории АН Татарстана и др.

* * *

Не следуй тому, чего не знаешь!
(Коран 17: 36)

Иди не туда, куда ведет тебя глаз,
А туда, куда ведет тебя разум.
(аль-Джахиз)

О брат по духу! Ты — то же, что
[твой] мысли,

А останутся от тебя [в этом мире]
лишь кости да жилы.

(Дж. ад-Дин Руми. Маснави)

В 675 году, через 43 года после смерти пророка Мухаммада, в Дамаске, в семье высокопоставленного чиновника халифата, родился мальчик, который был наречен именем Мансур. Анонимное арабское предание говорит даже, что отцом младенца был правитель Дамаска, которого простые горожане величали эмиром.

В наставники Мансору был дан старец-монах Косьма, специально выкупленный для этого из рабства, куда он угодил, попав к мусульманам в плен. Отрок продемонстрировал незаурядные способности, в совершенстве познав греческий язык, философию, риторику, физику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию и богословие. Унаследовав должность отца, он стал одним из самых доверенных лиц халифа Йазид I (680–683 гг.).

По одним сообщениям, Мансур заведовал сбором налогов с христианской общины, по другим — был визирем халифа. В общем, как написал Гордий Семенович Саблуков, «цветущее время его жизни прошло в занятиях делами мусульманской империи». При Валиде I (705–715 гг.), пятидесяти лет от роду, будучи весьма состоятельным человеком, Мансур, вопреки воле ценившего его халифа, «вышел в отставку» и отправился в Иерусалим, где постригся в монахи лавры Св. Саввы Освященного.

Ну, а теперь самое неожиданное, ради чего я всё это рассказываю: постриг он принял под именем Иоанна Дамаскина. Сегодня в России мало

кто не слышал, во всяком случае, среди православных, этого имени. В большинстве церковных и иконных лавок, в книжных магазинах страны представлены труды преподобного Иоанна, Отца Христианской Церкви, православного святого.

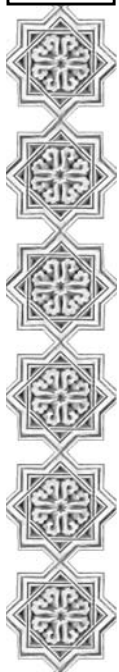
Христиане чтят его как первого систематизатора церковных догматов, устроителя церковной службы и церковного песнопения, первого литературного защитника иконопочитания.

Получается, что держава мусульман может по праву быть названа повивальной бабкой православия как вероучительной и культовой системы. Именно исламский халифат «откомандировал» в братскую авраамическую религию виднейшего своего мыслителя в расцвете творческих сил, одного из высших государственных сановников, возможно, статуса канцлера, премьер-министра.

Заметьте, никого не интересовали его религиозные убеждения, и именно мусульмане защитили христианина Мансура, главного идеолога иконопочитания (!), от его злейшего врага, тоже христианина, но иконоборца, византийского императора Льва III Исавра (717–741 гг.).

Сочинения Мансура в защиту икон имели широкое хождение в Византии и выводили императора из себя. Против Мансура им была замыслена клеветническая кампания: Лев повелел изготовить поддельное письмо на свое имя, якобы написанное рукой Мансура, с призывом напасть на

халифат. Отослав фальшивку к халифу, христианский самодержец смиренно советовал в сопроводительном послании не церемониться с изменником делу исламской государственности.

Из подлой затеи ничего не вышло. Но византийский престол не унимался. В 754 году, спустя пять лет после смерти Иоанна, состоялся подконтрольный императору Константину V Копрониму (741–775 гг.), сыну Льва III, иконоборческий Вселенский Собор, проклявший Дамаскина как, я цитирую, «мыслившего по-сарацински, сочинителя лжи, клеветавшего на Христа и злоумышлявшего против империи, учителя нечестия, извращавшего Писание».

Когда власть в Византии переменилась и образумилась, был созван Седьмой Вселенский (Второй Никейский) Собор 787 года, догматизировавший с опорой на идеи Иоанна Дамаскина культ икон. Сам же Иоанн был прославлен как «глашатай истины».

Вот так мусульмане спасли от неминуемой мучительной гибели одну из предтеч Русской Православной Церкви, «паладина иконопочитания» и «златоструйного песнопевца».

Эта поучительная история не только во всей наглядности демонстрирует царившую в халифате веротерпимость, но и процветавший там культ знания, позволивший будущему святому, вооруженному мощным аналитическим инструментарием передовых наук того времени, поста-

вить православие на твердую догматическую почву. Признание Иоанна непревзойденным церковным слагателем молитвословий и песен свидетельствует о предельном раскрытии им в лоне исламской цивилизации не только своих выдающихся интеллектуальных способностей, но и гениальных поэтических дарований.

Не в этом ли, в частности, коренятся причины стародавнего добрососедства на территории России ислама и восточной ветви христианства — православия?

Доктринальный приоритет рациональному знанию — отличительная черта ислама как религиозной системы. «Бог возвысит степенями тех из вас, — обещает Коран, — кто верует [в Него], и коим было знание дано» (58: 11). «Воистину ученые — наследники пророков». Это не просто одно из многих вразумлений Мухаммада. Завершив собой череду Посланников Божьих, он напутствовал насельников этого мира указанием, как быть дальше, в отсутствие не только его самого, но и вообще небесных вестников.

Так вот он дал понять, что человечеству пришла пора повзрослеть, что минули не только его детские, но и юношеские годы, когда люди нуждались в няньках и поводырях от Создателя, что вступили в свои права дни зрелости и самостоятельности. И первейшим наставником на этом пути Пророк ислама провозгласил — наряду с Кораном и своей Сунной — Науку, восприемницу всех пророков.

Рашид ад-Дин (1240/7–1318) рассказывал: «К Мухаммаду пришел некий человек и спросил: «О Посланник Божий, скажи, какому делу лучше всего [посвятить себя]?» — «Обрати взор к науке, — услышал гость, — воистину, и малый труд при науке значителен, а при невежестве и великий труд ничтожен. Если бы не ученые, то погибла бы большая часть моего народа»».

«Поиск знания от колыбели до могилы» был вменен Пророком в круг религиозных «обязанностей каждого мусульманина». «Если надо, то добывай знания и у неверных», — настаивал он. А чтобы цель поиска не выглядела иллюзорной, не затерялась, был задан телеологический вектор: как сказано в одном из хадисов, «отправляющемуся за знаниями Бог простирает дорогу в Рай».

Из уст восторгающихся Послаником Божьим порой приходится слышать его знаменитое воззвание «Ищите знания, даже [если для этого потребуется достичь] Китая», но упоминается данный призыв в качестве метафоры: мол, знания заслуживают и того, чтобы отправиться за ними даже на край света, даже к идолопоклонникам. Самое поразительное, что в те годы, когда эти слова прозвучали и еще по меньшей мере пару сотен лет спустя, именно Великая китайская империя, возглавляемая династией Тан (618–907 гг.), была очагом мировой науки, причем на пике своего развития. Прозорливость Пророка воистину не перестает поражать.

С ниспосланием Корана Всевышний поставил точку в Большой Книге Своего Благовестия, начатой Торой, продолженной Евангелием и подытоженной Кораном. Здесь сосредоточено всё, что Господь посчитал нужным прямо, в форме Откровенного Слова, сообщить людям о Себе и о сотворенном Им мире. Бог самораскрылся в той степени, какая позволяет человеку усвоить, что же такое особенное он, раб Божий, представляет из себя, и приступить к выполнению возложенной на него Творцом миссии — приближении к Всевышнему через Его познание и поклонение.

Но поскольку Бог находится за пределами сотворенного Им мира, т.е. мира, в котором мы живем, а сам этот мир есть лишь воплощение Божественной воли, то судить о Боге мы можем лишь по проявлениям этой занебесной воли. Выражена же она двояко: словесно — через Священное Писание и феноменально — через Книгу Природы, так сказать Слово и Дело Господни.

Отдельно можно говорить об актуализации Промысла Божьего в событиях священной истории человечества. Книга Природы вкупе с Благой Вестью образуют как бы единое Писание Зодчего нашего мироздания, Верховного Законодателя и Высшего Судии. В Книге Природы начертан тот Свод Законов Творца, которому мы не можем не подчиняться. Например, никому в голову не придет проигнорировать закон гравитации, земное притяжение — законопреступник

вмиг будет наказан. Прочтение неисчерпаемой Книги Природы — предмет научной деятельности, научные открытия — это новая формула богооткровенности. В ниспосланном же прежде словесном Откровении Всевышним запечатлено промысленное Им социальное законоуложение, соблюдение которого — личное дело каждого человека, для чего Бог одарил его всевозможными талантами и способностью к свободному волеизъявлению.

Правильно распорядиться своей волей может только человек разумный. Вот почему в Коране рефреном звучат слова об адресованности этого заключающего Завета «людям разумным». В исламе вера в Бога — дело интеллектуального выбора, и чем больше человек будет знать об окружающем мире, тем крепче будет его вера. Именно просвещенная личность способна быть законопослушной в полной мере.

Чтобы человек мог встать на путь богопознания, Господь наделил его разумом, обладающим, в случае незамутненности, потрясающей способностью, — постигать устройство Вселенной (т.е. она сотворена умопостижимой), законодательную логику нашего мира, в том числе самого себя, а равно внимать живому Слову Божьему, сообразуя собственное понимание смысла и характера жизни с

тем, какое заповедано ее (жизни) Покровителем (Источником).

Ислам не считает верующим человека, если его вера сводится только к механистическому повторению ритуальных актов, так называемому «обрядоверию», или представляет собой пассивное, слепое принятие всего, что сказано или написано.

Акт веры — это, прежде всего, волевое, координируемое разумом усилие по преобразованию внутреннего и внешнего миров на духовных и естественнонаучных основаниях.

Иными словами, истинно верующий — это одухотворенная, интеллектуально развитая личность с активной жизненной позицией. Это широко образованный человек, постоянно приобщающийся к новейшим научным достижениям, занимающийся самосовершенствованием, живущий неиссякаемым интеллектуальным напряжением, чуждый всякого догматизма и оглушения, постоянно преодолевающий сомнения, рожденные кажущейся повседневной несправедливостью этого мира, и находящий современные и оптимистичные ответы на извечные вопросы бытия.

Неудивительно, что именно правоверным принадлежит первенство во введении в человеческую практику научного и экспериментального методов познания.